ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

МЕМУАРЫ

Петер Хенн

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЛЕТЧИКА-ИСТРЕБИТЕЛЯ

1943–1945

Петер Хенн
Последнее сражение. Воспоминания немецкого летчика-истребителя. 1943-1945

«Последнее сражение. Воспоминания немецкого летчика-истребителя. 1943-1945»: Центрполиграф; 2006
ISBN 5-9524-2454-6
Оригинал: Peter Henn, “The Last Battle”
Перевод: Михаил Вадимович Зефиров

Аннотация

Петер Хенн, летчик-истребитель из 51-й истребительной эскадры «Мельдерс», а затем командир эскадрильи из 4-й эскадры непосредственной поддержки войск на поле боя, рассказывает о воздушных сражениях последних лет Второй мировой войны. Его бросили в бой в 1943 году, когда неудачи Гитлера начинали становиться все более серьезными. Хенн воевал в Италии, участвовал в воздушных схватках во Франции после высадки союзников и закончил войну в Чехословакии, попав в плен к русским.

Петер Хенн
Последнее сражение. Воспоминания немецкого летчика-истребителя. 1943-1945

Предисловие

Потеря обеих ног – это высокая цена за то, чтобы иметь право, по крайней мере, на то, чтобы тебя выслушали. Нечасто можно найти человека, который отдал бы больше, и все же это была цена, заплаченная Петером Хенном за то, чтобы написать свою книгу. Даже если память плохой советчик, когда приходится вспоминать события десятилетней давности[1], то

[1] Эта книга Петера Хенна была впервые опубликована в 1954 г. (Здесь и далее примеч. пер.)

костыли или протезы служат прекраснейшим напоминанием. Не в этом ли причина силы, скрывающейся в этих воспоминаниях очевидца? Я так не думаю. Но надо признать, что последнее утверждение имеет смысл и его нельзя не принимать во внимание.

Мы имеем перед собой книгу бывшего врага. Она не столь значима, как, например, «Дневник» Эрнста Юнгера[2] – столь сдержанного в выражениях и столь же опасного в своем губительном восхвалении войны – или «Ответные действия» фанатичного Эрнста фон Саломона[3] в их отвратительной откровенности. Автора мало заботит, нравится ли он или вызывает неодобрение, тешит ли он или разрушает ожидания своего собственного народа или своей же военной касты. В некоторой степени это может объяснить отсутствие успеха его книги в Германии. Петер Хенн стал солдатом только потому, что его страна вступила в войну, иначе в мирное время он был бы гражданским летчиком. Он, кажется, не был нацистом или ярым националистом, и никогда не касается этой темы, за исключением слов о недоверии к высоким партийным сановникам и к аргументам их пропаганды. Хенн взял в руки оружие только потому, что надеялся на то, что однажды сможет снова отложить его. Штабные офицеры могут расхваливать летные данные «Мессершмитта-109», который, как предполагалось, превосходил вражеские самолеты. Петер Хенн непосредственно сам летал на Ме-109 и чувствовал машину гораздо лучше, чем перо в своих руках. Но профессиональные писатели и мемуары штабных офицеров волнуют нас гораздо меньше, чем Петер Хенн, пытающийся уйти от пушечных очередей «Лайтнинга» или раскачивающийся на стропах разорванного парашюта.

Это потому, что он формулирует одну из важнейших истин любой войны: угроза смерти дает понимание сути людей и событий, выводит на свет любые фальшивые идеи. Идеи управляют миром и развязывают войны, но люди, которые рискуют жизнью, могут сами, под беспощадным и слепящим светом своей судьбы, судить об этих идеях, убивающих их товарищей и, в конечном счете, их самих. Исходя из вышесказанного голос Петера Хенна, бывшего летчика-истребителя из эскадры «Мёльдерс»[4] и командира эскадрильи из 4-й эскадры непосредственной поддержки войск на поле боя[5], будет услышан и сегодня и завтра, и мы должны надеяться на то, что он достигнет любой части земного шара, где живут с надеждой на мирное будущее.

Петер Хенн родился 18 апреля 1920 г. Он никогда не пытался избегать опасностей, которым подвергались его товарищи, и совершал самые безрассудные поступки. Он однажды едва не был разорван надвое, взлетая на самолете с крошечной каменистой площадки в Италии, чтобы сбежать – если верить его словам – от союзнических танков. Он, конечно, мог уехать и в автомобиле, но трудности привлекали этого человека, который хотел победить, попытавшись сделать невозможное. Были все предпосылки к тому, что в тот день он мог погибнуть, и удивительно, что ему удалось спастись. Но самым большим

[2] Юнгер Эрнст (1895 – 1998) – немецкий писатель, который, изображая ужасы войны, в то же время утверждал, что она дает возможность «глубочайшего жизненного переживания» и «внутренний опыт».

[3] Саломон Эрнст фон (1902 – 1972) – немецкий радикал-националист. После Первой мировой войны он был членом так называемого «Добровольческого корпуса» и в 1919 г. сражался с красноармейцами в Прибалтике и с коммунистами в Германии. 24 июня 1922 г. фон Саломон участвовал в убийстве министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау в отместку за то, что тот подписал Версальский договор. Он был арестован и до 1928 г. находился в тюрьме. Во времена Третьего рейха он не принимал активного участия в политической жизни и писал сценарии для киностудии UFA.

[4] Имеется в виду 51-я истребительная эскадра люфтваффе (Jagdgeschwader 51, или JG51). Она получила почетное наименование «Мёльдерс» после того, как ее прежний командир оберст Вернер Мёльдерс, первым из пилотов люфтваффе преодолевший рубеж в 100 побед, 22 ноября 1941 г. погиб в авиакатастрофе.

[5] Эскадра имела обозначение SG4 (Schlachtgeschwader 4).

удовольствием для этого бесшабашного юноши было щелкнуть каблуками перед Стариком – командиром своей группы, которому, вероятно, было лет тридцать[6] и который недолюбливал его, – и доложить после некоего нового злоключения: «Лейтенант Хенн вернулся из боевого вылета». А после всего этого наслаждаться его неприязненным изумлением.

Петер Хенн – двадцатитрехлетний лейтенант, сын сельского почтальона, предполагавшего, что тот станет учителем, – едва ли устраивал командира истребительной группы. В люфтваффе, как и в вермахте, всегда холили лишь офицеров, окончивших высшие военные училища. Остальные рассматривались в качестве обычного пушечного мяса и расходного материала. Но война распределяет звания и почести наугад.

В моем представлении образ Петера Хенна ни в коем случае не противоречит образам известных асов всех стран, заслуживших медали, кресты с дубовыми листьями[7] и прочие награды, которые открывали своим обладателям дорогу в советы директоров крупных компаний и к заключению удачных браков. Уберите их золотые цепочки, орлов и погоны, и Петер Хенн будет напоминать одного из этих веселых молодых людей, которых все мы знали в течение войны и чье хорошее расположение духа ничто не могло уничтожить. Потрепанная фуражка, небрежно сдвинутая на одно ухо, придавала ему вид механика, ставшего офицером, но стоило обратить внимание на честный, открытый взгляд и жесткие линии рта, становилось ясно: перед вами настоящий воин.

Его бросили в бой в 1943 г., в момент, когда неудачи Гитлера начинали становиться все более серьезными, и было очевидно, что поражения не вносили в военную службу ничего похожего на здравый смысл и человечность. Он был послан в Италию, возвращен в Германию, вернулся обратно в Италию, провел некоторое время в госпиталях в Румынии, участвовал в сумасшедших схватках на Втором фронте[8] и закончил войну в Чехословакии, попав в плен к русским, из которого вернулся в 1947 г. инвалидом. Преследуемый со всех сторон поражениями, он шел от несчастья к несчастью, авариям, прыжкам с парашютом, пробуждению в операционной, воссоединению со своими товарищами, пока некое новое бедствие не бросало его вниз…

В сражениях он одерживал победы, которые не обходились без жертв. В одном из боев, когда его преследовали десять «Тандерболтов», ему повезло поймать одного из них в прицел своих пушек, и он не упустил случая нажать на спуск. Хенн, должно быть, послал нескольких своих врагов на землю, но можно предположить, что их было не больше, чем у Ричарда Хиллари, чей издатель сообщает нам, что он сбил пять немецких самолетов в ходе Битвы за Англию[9]. Петер Хенн не имел привычки кричать о своих победах в микрофон. Он

[6] Имеется в виду Карл Раммельт, с 7 июня 1943 г. командир 2-й группы 51-й истребительной эскадры (II./JG51), которому в июне 1944 г. действительно исполнилось тридцать лет. 23 декабря 1944 г. его Bf-109G-14 был сбит над Венгрией в бою с американскими самолетами, Раммельт получил тяжелое ранение и в боях уже больше не. участвовал. Согласно данным люфтваффе, он одержал 46 воздушных побед.

[7] Имеется в виду немецкий Рыцарский крест Железного креста с дубовыми листьями, который был учрежден 3 июля 1940 г. и стал четвертым по старшинству среди пяти степеней Рыцарского креста. Однако автор предисловия ошибается, утверждая, что эта награда автоматически открывала путь в руководство компаний и вела к выгодным бракам. Многие асы люфтваффе, удостоенные высших наград, после Второй мировой войны вели достаточно скромный образ жизни. Подобное утверждение больше подходит к американским асам, которых высокие награды и популярность делали выгодными кандидатами в советы директоров крупных компаний.

[8] Так называли фронт, созданный во Франции после высадки союзнических сил на побережье Нормандии 6 июня 1944 г.

[9] Флаинг-офицер Ричард Хиллари, летая в составе 603 Sqdn. RAF, в ходе Битвы за Англию одержал пять личных, три групповых и две вероятных победы, а также повредил еще два самолета. 3 сентября 1940 г. его «Спитфайр» Mk.I в бою с Bf-109E из II./JG26 был сбит над Ла-Маншем в районе города Маргита. Хиллари получил тяжелые ожоги лица, но выпрыгнул с парашютом и вскоре был подобран спасательным катером. Он

не хвастался о «новой победе». Когда Геринг, которого каждый в люфтваффе называл Германом, посетил его группу и произнес одну из своих бредовых речей, все ожидали, что лейтенант Хенн устроит скандал, сказав нечто безрассудное, потому что не сможет сдержать себя. Но кто знает, при иных обстоятельствах, например находясь в составе победоносных эскадрилий в Польше в 1939 г. или в период Французской кампании 1940 г., не был бы лейтенант Хенн опьянен победами? Есть, очевидно, существенное различие между летчиками-истребителями во времена побед и во времена поражений.

В чем же причина человечности Петера Хенна? Полковник Аккар[10], казалось, говорил об этом, когда в журнале Forces Aйriennes Fransaises (№ 66) написал, что «летчик-истребитель – это или победитель, или никто», пытаясь объяснить, почему обе книги Ричарда Хиллари и его письма читаются так, как будто они написаны пилотом бомбардировщика, то есть участником боевых действий, имевшим много времени для размышлений. Он убежден, что лейтенант Хенн не обладал духом летчика-истребителя и что печально известный Рудель с его золотыми дубовыми листьями и бриллиантами, который был всего лишь пилотом «Штуки»[11], обладал им в гораздо большей степени.

Мы должны допустить, что Рудель никогда не чувствовал никакого сострадания, ни к себе, ни к другим[12]. Он был жестким человеком – жестким и беспощадным к себе, в то время как Петер Хенн, кстати, как и Аккар, мог быть растроган по поводу упавшего в море или погибшего приятеля. Или приходил в ярость от высокопарных речей «наземных» чиновников. Его нервы были взвинчены, потому что он ясно видел причины краха люфтваффе на земле и в воздухе, а чушь, вещаемая рейхсминистерством пропаганды по радио, оставляла его равнодушным. Он лишь с презрением пожимал плечами. Он использует слово «бойня», когда речь заходит о войне. Так оно и есть. Должны ли мы назвать этого необычного летчика-истребителя злым гением, я не могу сказать, но очевидно, что он был

провел в госпитале больше года и продолжил летать лишь в 1942 г. Хиллари погиб 8 января 1943 г., разбившись в ходе ночного тренировочного полета на двухмоторном «Бленхейме».

[10] Французский летчик-истребитель Жан Мари Аккар в мае 1940 г. в боях над Францией одержал 12 групповых побед. Днем 1 июня 1940 г. во время атаки группы He-111 из I./KG53, возвращавшейся после налета на железнодорожную станцию в Гренобле, его «Хок» 75A был подбит ответным огнем немецких бортстрелков. Аккар получил тяжелое пулевое ранение в голову, но все же смог выпрыгнуть с парашютом и опустился на землю уже в бессознательном состоянии. Можно сказать, что он родился в рубашке. Пуля, пробив лобовое стекло пилотской кабины, вероятно, потеряла значительную часть своей энергии. Попав точно между глаз, она застряла в черепе, не затронув мозг. Осмотрев рану, врачи решили не удалять пулю, так как опасались, что в результате операции Аккар потеряет зрение. В результате немецкая пуля так и осталась у него в голове. Аккар пошел на поправку и во время нахождения в госпитале даже написал книгу «Охотники в небе», в которой рассказывал о действиях своей истребительной группы в ходе боев над Францией в 1939 – 1940 гг. Он прослужил во французских BBG до апреля 1965 г., выйдя в отставку в звании корпусного генерала.

[11] Ханс-Ульрих Рудель, летая на Ju-87, выполнил в ходе Второй мировой войны 2530 боевых вылетов. Согласно данным люфтваффе, он уничтожил 519 танков, более 800 автомобилей, 150 позиций артиллерийских батарей и четыре бронепоезда, тяжело повредил один линкор, потопил 2 эсминца и около 70 десантных судов. При этом сам Рудель свыше тридцати раз был сбит зенитным огнем и пять раз был ранен. 8 февраля 1945 г. в ходе атаки советских танков севернее Франкфурта-на-Одере в его Ju-87G попал 40-мм зенитный снаряд. Руделю раздробило правую голень, но он смог посадить горящий самолет в расположении своих войск. В тот же день в госпитале раздробленную голень Руделю ампутировали, но уже через шесть недель он вернулся в свою эскадру и продолжил боевые вылеты. 1 января 1945 г. оберст Рудель стал единственным человеком в Третьем рейхе, награжденным Рыцарским крестом с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами.

[12] Когда речь идет о такой тонкой материи, как чувство сострадания, вряд ли можно о ком-то судить однозначно. Так, тот же Рудель шесть раз приземлялся за линией фронта, чтобы вывезти сбитые экипажи, а седьмая такая посадка едва не стоила ему жизни. Хотя надо признать, что неординарная личность Руделя всегда была предметом споров и противоположных оценок. Например, Гюнтер Ралль, один из лучших асов люфтваффе, в одном из своих интервью так охарактеризовал Руделя: «Несомненно, он немного был похож на маньяка… я был удивлен, насколько это был эгоцентричный человек. Он действительно считал себя великим».

талантливым человеком. Лейтенант Хенн слишком много размышлял, и командир его группы не лучшим образом отзывался о нем в своем личном рапорте. «Лучшая вещь, которую можно сделать, – советовал он Хенну, – состоит в том, чтобы бросаться в бой, нажимать на спуск оружия и ни о чем не думать». Фактически это был моральный принцип всех летчиков-истребителей, а также и первое правило войны. Но когда об этом нельзя думать, остается лишь, как я полагаю, оставить службу.

По-моему, Шарль Бенуа рассказывал следующую историю: однажды император Юлий Цезарь на берегу некой чужой реки проводил учения своих частей, состоящих из варваров, и выглядел настолько угрюмым, что его спросили, что случилось. Покачав головой и по-прежнему выглядя сумрачно, он отвернулся. Но когда его советники продолжали настаивать, он коротко обронил: «Это занятие для философа».

И все же в ходе успешного вылета, в редких случаях, когда его самолет не был поврежден, или в день, когда его эскадрилья разбила соединение «Либерейторов», рискнувшее без сопровождения появиться над Италией, Петер Хенн старается не задумываться ни о чем. Но когда его снова начинают преследовать «Лайтнинги», когда под их очередями его самолет звенит, словно кольчуга под ударами меча, и когда он сам, полуослепший от прилившей крови, с трудом выбирается из кабины и падает в пустоту: «небо, земля, небо, земля…», он вновь начинает размышлять и молиться о спасении: «Боже, позволь всему этому поскорее закончиться…» Он очень хорошо помнил американского летчика, который с распростертыми руками выпал из бомбардировщика и упал на аэродроме истребителей.

Так кто были эти немецкие летчики-истребители, за чьим наступлением над Европой мы все наблюдали? Обманутые иллюзорными суждениями, что враги превосходят нас в силе и отваге, мы малодушно думали, будто они днем и ночью взлетают со своих аэродромов подобно беспощадной стае, набирают высоту и устремляются к нам с яростными криками и злобными взглядами вампиров. Это потому, что враг всегда наделяется какими-то таинственными и неизвестными способностями. Мы в течение ряда лет готовились встретить врагов с избыточными мерами предосторожности, но при недостатке реальных фактов наше воображение, естественно, многократно преувеличивало опасности в бою. Если бы мы тогда узнали, что средняя продолжительность жизни пилота, участвовавшего в противовоздушной обороне рейха, будет варьироваться между сорока восемью и шестидесятые девятью летными часами, то рассмеялись бы, – и это пилоты, имеющие двойное или тройное преимущество над нами.

В любом случае это создает определенную связь с врагом. Почему Петер Хенн должен был «расположиться» к американскому пилоту, который тем вечером, выпрыгнув из горящей «Летающей крепости» с парашютом, опустился в их расположении? В ходе беседы пилотов эскадры «Мёльдерс» с военнопленным все были поражены этим диалогом, конечно, вежливым, но откровенным; когда представлялся такой случай, участники боевых действий всегда пытались поговорить с противником и с изумлением осознавали, что с вражескими летчиками у них гораздо больше общего, чем с собственным командованием. «Что вы думаете о нашем «Мессершмитте»?» – спросил Хенн, который выступал в качестве переводчика.

«Мой вопрос застиг его (военнопленного. – *Ред.)* врасплох, и я увидел, что он на мгновение задумался.

– Мы очень довольны тем, что видим их в воздухе так мало, – сказал он наконец.

Это был искусный ответ. Мы могли истолковывать его так, как нам нравилось. Я ждал, когда вопрос задаст он.

– А что вы думаете о «Крепостях»?

Он улыбался, казалось предполагая, какой будет ответ.

– Нам очень жаль, что мы видим их так часто.

Мы засмеялись, и напряженность исчезла. Внезапно мы затихли и в замешательстве посмотрели друг на друга. Мы только что признали нечто, что должны были всеми силами

скрывать».

Так что наш враг был человеком, также преувеличивавшим опасность, когда выполнял свой заход. Он приближался к нам, втянув голову в плечи, поскольку в тот момент был целью для наших бортстрелков и видел отблески трассеров, пролетавших мимо него, и ощущал лишь одно желание – отвернуть в сторону. Этот враг не был роботом, не ведавшим никакого страха. Он был человеком, нуждавшимся в поддержке.

Или далее:

«Герберт[13] был наиболее квалифицированным пилотом среди нас. Неразговорчивый по природе, уроженец Бреслау[14], он был связующим звеном между старым и новым поколениями летчиков. Хладнокровный и расчетливый, никогда не раздражавшийся, всегда дружелюбный, настоящий товарищ. С ним вы могли говорить открыто и высказывать все, что думали. Я помню, как однажды на Сицилии пришел к нему ночью после наших первых вылетов.

– Герберт, я в панике.

– В панике? Не мелите чепухи. Вы не знаете того, о чем говорите. Я в своей кабине гораздо чаще покрывался испариной от испуга, чем вы когда-либо в своей жизни, но никогда мне не приходила мысль, что я боюсь. Главное, видите ли, состоит в том, чтобы преодолеть препятствие, перескочить через преграду, справиться со своим собственном инстинктом самосохранения. Это трудная задача, и мне дорогого стоило, чтобы научиться этому. Поверьте мне, Петер, что я также пугаюсь, как и вы. Я дрожу, подобно всем другим, всем без исключения. Некоторые притворяются, что они не боятся. Это – ложь. Есть другие, которые презирают смерть и тоже притворяются, что не боятся. И это – ложь. Третьи презирают смерть и плюют в лицо своим страхам. Не каждый это может, и, кроме того, это бессмысленно. Несмотря на показное бесстрашие, по их спинам также течет холодный пот, и я могу сказать вам, что некоторые из них испуганы гораздо больше, чем мы. Всегда соблюдайте и помните одно правило, Хенн. Понимая, что испуганы, никогда не показывайте этого. Никто неверно не истолкует, если вы признаетесь в этом. Но совсем иное дело, если в критический момент вы решите сбежать, притворившись, что ваш двигатель теряет обороты. Этого вам никогда не простят. Никогда не показывайте ни малейшей трусости. Лучше пусть вас вызовут на ковер. Я знаю, что это нелегко. В военное время вы никогда не сможете повернуть колесо истории назад, даже если захотите, но, прежде всего, не мучайте самого себя. В следующем вылете придерживайтесь меня, и я буду говорить вам, как нам не испачкать наши штаны. Вы сами все увидите. Это поможет вам почувствовать себя лучше. Вы не должны пугаться. Я верну вас обратно на аэродром. Вы можете положиться на меня».

Герберт погиб, но за свою карьеру военного летчика, он был не дичью, а охотником, в отличие от Петера Хенна. По существу, Аккар прав. Летчик-истребитель бесполезен, когда его самого преследуют. Лейтенант Хенн сильно напоминал Марена ла Месле[15], например, тем, что должен был чувствовать, что служит большому делу, и тем, что не был человеком,

[13] Здесь и далее под этим именем автор имеет в виду Герберта Пушмана, который с 13 января 1943 г. командовал 6-й эскадрильей 51-й истребительной эскадры (6./JG51). В 1941 – 1943 гг. в ходе боев на Восточном фронте, над Тунисом, Сицилией и Италией он одержал 56 побед. 3 февраля 1944 г. в районе итальянского города Витербо гауптман Пушман сбил американский B-26. Это была его 57-я, и, как оказалось, последняя победа. Вскоре после этого его Bf-109G-6 был сбит бортстрелками вражеского бомбардировщика и упал на землю около Чивитавеккьи. 5 апреля 1944 г. Пушман был посмертно награжден Рыцарским крестом.

[14] Пушман был родом из городка Болькенхайн, расположенного в 66 км юго-западнее Бреслау. Ныне это соответственно города Болькув и Вроцлав на территории Польши.

[15] Лейтенант Эдмон Марен ла Месле был самым результативным французским летчиком-истребителем в 1939 – 1940 гг. С 11 января по 10 июня 1940 г. в боях над Францией и Бельгией он одержал четыре личных, двенадцать групповых и четыре вероятных победы. Командир GC I/5 «Шампань» командант (майор) Марен ла Месле погиб 4 февраля 1945 г., когда его P-47D во время атаки понтонного моста через Рейн около французского городка Нёф-Бризак, в 12 км юго-восточнее Кольмара, был сбит немецкой зенитной артиллерией.

думавшим лишь о своей невесте. Хиллари никогда не упоминал о своих победах, но он не видел для себя никакого будущего, когда его страна, казалось, была побеждена, в то время как Петер Хенн всегда ждал момента, когда ему отдадут приказ сложить оружие.

В отношении к Петеру Хенну верх должно одержать великодушие, и две его потерянных ноги послужат нам напоминанием об этом. Он имеет право желать, чтобы его победа не была зарегистрирована; имеет право переживать, когда парашют врага не раскрылся; имеет право отдать последние почести несчастному, раздробленному телу и написать на кресте над идентификационным номером: «Здесь лежит неизвестный товарищ, американский летчик». И наконец, он имеет право думать, что любая война отвратительна и что те, кто ходят на двух своих ногах, должны молчать и слушать его.

Жюль Руа, кавалер британского креста «За летные боевые заслуги» и французского ордена Почетного легиона

Глава 1. Спасение с Сицилии

– Они[16] высадились на Сицилии. Все наружу и быстрее. Пилотам немедленно прибыть в палатку командира группы.

Через откинутый клапан палатки я видел потного, взъерошенного механика, с трудом переводившего дыхание и махавшего нам. Мгновение спустя он исчез так же быстро, как и появился. Его тень на брезенте становилась все длиннее, пока он убегал. Бросив на стол свои карты, я проворчал:

– Мне только что начало чертовски везти, у меня был туз червей. Не важно – бегом марш! Старик ждать не будет.

В палатке 6-й эскадрильи начался настоящий цирк: пилоты, вскакивающие на ноги и ищущие свою одежду, ругательства, крики, грохот отодвигаемых стульев. Адский шум. Все мы слышали приказ, но в тот момент точно не знали, что он означает. Герберт, командир эскадрильи, внятно прокричал:

– Давайте по-быстрому, Франц! Идите к машине. Оставьте свои вещи здесь – мы потом вернемся. Поехали.

Дюжина летчиков, как могли, вскарабкались на аэродромный вездеход. Герберт был за рулем, никто не произносил ни слова. Аэродром Каза-Цеппера[17] на Сардинии, с его песчаной почвой и желтоватой выжженной солнцем травой, походил на муравейник, чей покой только что был нарушен. На другой стороне летного поля, в палатках 4-й эскадрильи и напротив, в 5-й эскадрильи, царил тот же хаос. Здесь и там озабоченно бегали пилоты, механики ждали новостей; аэродромные автомобили, полные летчиков, съезжались к палатке командира группы.

Несколько минут спустя была собрана вся группа. Командир в своей палатке, сидя за складным столом, ожидал, когда прибудут опоздавшие. Пилоты образовали вокруг него полукруг.

– Кто-нибудь отсутствует? – спросил он.

– Нет, все здесь, – хором ответили командиры эскадрилий.

– Слушайте внимательно, парни, – начал командир группы. – Вчера ночью итальянцы снова перерезали провода полевых телефонов. Именно поэтому я должен был послать

[16] Имеются в виду союзные войска, начавшие 10 июля 1943 г. высадку на Сицилии. Ночью на южном побережье острова приземлились 137 транспортных планеров, доставивших около двух тысяч десантников из 1-й английской парашютно-десантной дивизии. После того как англичане захватили несколько стратегически важных пунктов на берегу между городами Сиракузы и Ликата, там после полудня 10 июля начали высаживаться с кораблей части 7-й американской и 8-й английской армий.

[17] Каза-Цеппера – полевой аэродром, располагавшийся приблизительно в 10 км западнее Порто-Фокси на западном берегу залива Кальяри.

гонцов в каждую из эскадрилий. Этим утром американцы высадились на Сицилии. Поскольку наши телефонные линии вышли из строя, я вынужден был ждать радиограмму. Теперь я получил ее. Группа немедленно отправляется в Трапани. Вылететь туда должны все «ящики», пригодные к полетам. Вам понятно? Берите свое мыло, бритвы и зубные щетки, а все остальное оставьте. Порядок взлета: лидер, 4, 5 и 6-я эскадрильи. Я буду кружить над аэродромом и ждать. Теперь обратите внимание. Держать сомкнутый строй, а не так как в последний раз. Мы должны собраться в течение пяти минут. Над морем держать строй и никаких отставших. Если над морем мы встретим противника, 6-я эскадрилья должна прикрыть нас сзади. Вопросы есть?

– Да… – пробормотал Герберт, но командир группы не обратил на это внимания.

– Сколько машин мы имеем?

Подошел дежурный офицер:

– На этот момент тридцать четыре, герр майор.

– Настоящая армада. Мы будем неуязвимы, даже если обнаружатся «Лайтнинги». Что касается вас, парни, нет смысла бояться. Враг, так же как и вы, стреляет пулями, а не из водяного пистолета. Не забывайте, что отставшего всегда сбивают. Вопросы? Нет? Хорошо. Еще одно, Герберт. Проследите за этими двумя новичками. Возьмите с собой по одному с каждой стороны. Это – все. Взлет в течение пяти минут.

В автомобиле, который вез пилотов 6-й эскадрильи к стоянке самолетов, я сидел рядом с Зиги[18], молодым офицером, который только что прибыл к нам.

– Я думаю, Зиги, что ситуация становится опасной, – произнес я.

– Это должно было случиться сегодня или завтра. Я должен признаться, что бездействие последних нескольких дней начало действовать мне на нервы. Теперь мы отправляемся в Трапани на Сицилию, и там будет такой же ад, как и здесь, так что разницы никакой. Вы слышали, что он сказал? Итальянцы перерезают телефонные провода. Их бесполезно восстанавливать. Было бы лучше смотать кабель и отправить его на склад до тех пор, пока мы не разместимся на постоянном аэродроме. Вы понимаете, что сегодня мы впервые летим с командиром эскадрильи? Это действительно событие, разве вы так не считаете?

Я не ответил, проведя рукой по волосам и почесав подбородок.

Через несколько мгновений мы поднялись в свои «Мессершмитты». Мой механик, стоя на крыле, помог мне закрепить привязные ремни и пристегнуть парашют, кислородную маску и надувную резиновую шлюпку. Затем он схватил пусковую рукоятку и начал крутить ее, словно сумасшедший. Треск, несколько хлопков, и двигатель заработал.

– Отпустить тормоза.

"Мессершмитты-109", подпрыгивая, покатились к взлетно-посадочной полосе. Герберт, командир эскадрильи, развернул свою машину против ветра. Я занял позицию с его правого борта, а Зиги – с левого. Эскадрилья рулила по летному полю. Скоро 6-я эскадрилья заняла позицию по четыре самолета в линию, ожидая сигнала на старт, – сигнальной ракеты, выпущенной от штабной палатки. Первое звено из трех самолетов, пилотируемых Гербертом, Зиги и мной, оторвалось от ухабистой песчаной взлетно-посадочной полосы, законцовки наших крыльев были не более чем в пяти метрах друг от друга. 4-я и 5-я эскадрильи уже поднялись в воздух перед нами, и нас окутало толстое облако желтоватой пыли, поднятой винтами самолетов впереди нас. Я едва мог различить машину Герберта, которая летела впереди на скорости 210 км/ч. На высоте 45 метров видимость восстановилась.

Я был поражен и какое-то мгновение не мог понять, что произошло. Когда мы

[18] Здесь и далее под этим именем автор имеет в виду лейтенанта Зигфрида Пфлича. 2 августа 1944 г. он возглавил 5./JG51. 6 ноября 1944 г. в бою в районе Будапешта лейтенант Пфлич был ранен и до 24 декабря 1944 г. находился в госпитале. Затем он снова командовал 5./JG51, а потом 12 апреля 1945 г. был направлен во 2-ю истребительную учебно-боевую эскадру (EJG2) для переподготовки на реактивный Ме-262. К концу войны на счету лейтенанта Пфлича были пять побед.

взлетали, Зиги был с левого, а я с правого борта от Герберта. Теперь мы поменялись местами. Мы, должно быть, поменялись местами в воздухе и были на волосок от катастрофы. Я посмотрел на Зиги через стекло кабины: он был бледен, словно призрак. Герберт покачал головой, и я по двухсторонней связи услышал его голос: «Пара кретинов».

Однако три самолета не смогли взлететь и теперь догорали на краю аэродрома.

Взлетевшие самолеты собрались вместе, затем в течение короткого времени летели над землей перед тем, как над Тирренским морем лечь на курс. Трапани находилось приблизительно в 320 километрах к юго-востоку.

Надо мной – голубое, безоблачное небо, а внизу – сине-фиолетовое море: очень красивый пейзаж.

Вокруг меня в боевом порядке, с интервалами от 150 до 200 метров летели мои товарищи: тридцать девять «Мессершмиттов-109». Мы ощущали себя непобедимыми и готовыми встретить врага, даже если бы он численно превосходил нас и если схватка произошла бы над морем.

Полет над морем в одномоторной машине никогда не считался увеселительной прогулкой. Если только двигатель начнет фыркать и единственный винт остановится, то с вами будет покончено. Почему-то мне посчастливилось так никогда и не испытать этого. Двигатели «Даймлер-Бенц» на наших истребителях работали, должно быть, со значительными перегрузками.

Вы сидите в своей кабине с ручкой управления в руках, глаза прикованы к тахометру, уши прислушиваются к шуму двигателя, а сердце бьется в унисон с ним. Хороший пилот может немедленно услышать звук стучащего поршня, любой необычный скрежет или почувствовать самую незначительную вибрацию.

Глаза каждые несколько секунд пробегают по приборной панели: от тахометра к указателям давления топлива и масла; вы смотрите на стрелки и внимательно изучаете показания приборов. Я продолжаю спрашивать сам себя: «Мой двигатель заглохнет или нет?»

В сомкнутом строю эскадрилья, как правило, летит на крейсерской скорости. Время от времени необходимо увеличивать обороты, чтобы поддерживать свое место в строю. Каждый раз мое сердце колотилось и мне становилось не по себе, когда приходилось увеличивать скорость и догонять остальных. Внезапно в моих наушниках раздался голос: «Говорит «желтая пятерка»! Говорит «желтая пятерка»! Мой двигатель заглох. Он останавливается. Мой двигатель останавливается»

Это был Макс, унтер-офицер, тремя днями ранее вернувшийся из отпуска. Мы находились над Средиземным морем на полпути между Сардинией и Сицилией, на высоте 3700 метров, где кислородная маска обязательна. Его винт вращался все медленнее и медленнее, а затем остановился. Двигатель кашлял, скрежетал, останавливался, снова запускался, фыркал и стучал. Он исчерпал свои возможности, хотя пилот и давал ему полные обороты. Еще раз по двухсторонней связи раздался голос: «Я теряю высоту. Я не могу поддерживать ее».

Голос был жалобным. Это был голос плачущего испуганного ребенка. Ему ответил командир группы; «Макс, не теряйте голову. Сохраняйте спокойствие. У вас множество времени, чтобы выпрыгнуть с парашютом. Мы спешим и не можем вас ждать, но 6-я эскадрилья увидит вас внизу. Она останется с вами, пока вы не упадете в воду. Не падайте духом, Макс. Мы вытащим вас. Сейчас лето и вода очень теплая».

Затем Герберт, командир нашей эскадрильи, вызвал нас по двухсторонней связи: «Петер, Зиги, выходите из строя. Ждите, пока Макс не окажется в своей спасательной шлюпке, а затем самостоятельно направляйтесь в Трапани. Прежде всего, сообщите его точные координаты».

Почему он поручил эту миссию Зиги и мне, когда мы были всего лишь новичками? Предположим, появилась бы группа «Лайтнингов» или заглох бы один из наших двигателей? Из нас бы сделали отбивную.

Мы начали кружить вокруг Макса, терявшего высоту. 1800 метров … Он, вероятно, пытался планировать в направлении Сицилии, насколько это было возможно.

Я вызвал его по радио:

– Макс, до того, как мы спустились к вам, я видел землю. Мы находимся не очень далеко от Мариттимо[19]. Подождите немного и не сбрасывайте фонарь кабины, чтобы мы могли оставаться с вами на связи. Вы рискуете сорвать при этом свою антенну. Выпрыгивайте на высоте 450 метров, не раньше.

– Хорошо.

– Не торопитесь. Выключите рацию в самый последний момент. Снимите привязные ремни, но будьте осторожны с вытяжным тросом и клапаном резиновой шлюпки. Сообщите нам, когда все сделаете.

Через несколько минут мы услышали голос Макса:

– Я готов.

– Теперь слушайте. Сбросьте фонарь кабины. Снимите летный шлем и потяните ручку управления на себя. Резко ударьте ногой по педали руля, и вас выбросит. Нет никакого риска, Макс. Досчитайте до двадцати одного, а затем потяните за свой вытяжной трос.

– Хорошо.

– Оказавшись в воде, быстро избавьтесь от своего «зонтика», иначе он опустится на вас словно шляпа. Нажмите на кнопку и откройте воздушный клапан шлюпки. Вы не сможете потерять ее, потому что она прикреплена к вашей спине. Как бы там ни было, пока будете опускаться, надуйте свой спасательный жилет, затем заберитесь в шлюпку и держите ее носом к волне. Сидите в ней, мы появимся и подберем вас. Вы должны подождать два часа, прежде чем начнете выстреливать какие-нибудь сигнальные ракеты. Вас выудит летающая лодка «Юнкерс»[20].

– Хорошо, парни. Вы знаете адрес моей семьи?

– Да. Он есть у нас.

– Обещайте, что вы напишете, если…

– Обещаем.

– До свидания, Зиги, до свидания, Хенн.

– До свидания, старина.

Из своей кабины я видел самолет Макса, планировавший к воде под все более крутым углом: темная черточка – фюзеляж, белая черточка – парашют. Макс выпрыгнул. В то же самое время в эфире раздался неизвестный голос: «Несчастный ублюдок».

Это был один из пилотов группы, чьи самолеты почти исчезли на горизонте.

Купол парашюта колыхался над темной водой. В то время как Зиги и я кружились вокруг него, Макс продолжал махать нам. «Мессершмитт» спикировал, срикошетил о воду и утонул. Ничего – ни обломков, ни фрагментов – не отметило то место, где он исчез. Ничего, кроме круга пены и нескольких волн, расходившихся все шире и шире. Макс медленно опускался. Мы видели, как он натягивал стропы своего «зонтика», чтобы сохранять баланс.

Опустившись ближе к поверхности воды, Зиги и я увидели, что море неспокойно. Макс достиг воды и скрылся под ней.

У меня в голове пронеслась мысль: «Это критический момент. Он вынырнет или утонет?»

Шелковый купол парашюта опустился, словно саван, и дрейфовал, подхваченный волнами. Несколько секунд спустя появилась голова, а затем около нее выскочила желтая надувная шлюпка.

[19] Мариттимо – западный остров из архипелага Эгадских островов, расположенных в 30 – 50 км от западного побережья Сицилии.

[20] Автор почему-то здесь и далее пишет о летающих лодках «Юнкерс», хотя известно, что эта фирма их не производила. Немецкая морская авиация, и в частности ее аварийно-спасательные эскадрильи, использовали летающие лодки фирм «Дорнье» и «Блом унд Фосс» и гидросамолеты «Хейнкель».

Зиги вызвал меня по двухсторонней связи:

– Благодарите Бога, его шлюпка в порядке.

Макс барахтался словно сумасшедший, его летный комбинезон и тяжелые ботинки, пистолет «Вери»[21] и пояс с красными сигнальными ракетами, ранец парашюта, – очевидно, он не смог избавиться от него, – тянули его вниз под воду, несмотря на спасательный жилет.

– Зиги, если он быстро не заберется в шлюпку, то утонет.

– Какая проклятая жизнь.

Наконец Макс схватил трос шлюпки. Мы видели, как он пытался забраться в нее, а затем упал назад в воду. Он сделал вторую попытку, сумел забраться на резиновый борт, перевалиться внутрь и сесть.

Человек в море, отданный на милость продолговатого, надутого воздухом резинового баллона 90 сантиметров шириной и 1, 5 метра длиной. Макс, сидя по-турецки словно портной, помахал нам. Мы кружились над ним, где-то между Сардинией и Сицилией, в 190 километрах от побережья. Горизонт был пуст: небо, вода и шлюпка, танцующая на волнах… Она поднялась и упала между двумя волнами, появилась и снова погрузилась во впадину между волнами.

Мы видели Макса, хватавшегося за ее края, чтобы не быть унесенным подобно соломе на ветру.

Мы покачали крыльями наших самолетов, чтобы дать ему знать, что наступил момент, когда мы должны оставить его.

Макс, двадцатиоднолетний юноша, остался один на один с Тирренским морем, крепко вцепившись в шлюпку – свою единственную защиту. Под ним непостижимая глубина; между ним и водной могилой непрочная резиновая шлюпка.

Мы еще раз пролетели над ней, чтобы засечь ее позицию. Посмотрев на свой компас и хронометр, я записал их показания и взял курс на Сицилию. Тридцать минут спустя мы приземлились на аэродроме Трапани. Мы летели со скоростью 400 км/ч курсом 124° и точно знали местоположение Макса, в пределах радиуса 190 километров.

Как только мы приземлились, то сразу же помчались в штаб. Стоя перед оперативной картой, мы внимательно изучали ее. Красные линии, показывавшие пункты высадки американцев, мало что значили для нас. Все, чего мы хотели, так это летающую лодку «Юнкерс». Макса необходимо было спасти сегодня. Тем временем наш несчастный товарищ дрейфовал где-то между двумя островами, окатываемый волнами, бьющимися в его шлюпку.

Я позвонил на немецкую воздушную спасательную станцию в Трапани.

– Сожалеем, но самолетов нет. Они все сбиты или уничтожены во время последней бомбардировки. Мы все на земле, – был ответ.

Я повесил трубку.

– Что мы можем сделать, Хенн? Мы не можем оставить его там.

В этот момент в разговор вмешался Гюнтер, командир 5-й эскадрильи[22]:

– Я позабочусь об этом. Я свяжусь с итальянской авиацией.

Он взял телефон и назвал номер. Мы смогли расслышать только несколько итальянских слов, а затем Гюнтер бросил трубку на рычаг.

– Эта свинья не понимает по-немецки, особенно в ситуации, подобной этой. Они не рискуют летать над морем на своих картонных «Савойях»[23]. В воздухе слишком много

[21] «Вери» – сигнальный пистолет, входивший в экипировку каждого пилота люфтваффе.

[22] Речь идет об обер-лейтенанте Гюнтере Рюбелле, который командовал 5./JG51 с 3 февраля 1943 г. Летом 1944 г. он был отправлен в госпиталь люфтваффе в Мюнхене из-за возникавших у него при полетах на больших высотах сильнейших головных болей, которые, как оказалось, стали следствием ранения в голову, полученного в сентябре 1942 г. К этому времени на его счету были 48 побед, и 14 марта 1943 г. он был награжден Рыцарским крестом. Затем с 15 августа 1944 г. по 28 апреля 1945 г. гауптман Рюбелль командовал 1-й группой 104-й истребительной учебно-боевой эскадры (I./JG104).

[23] Вероятно, автор имеет в виду старую летающую лодку S.55SA, хотя итальянская 85-я авиагруппа морских

«Лайтнингов», как им кажется. Дайте мне автомобиль. Я собираюсь заставить их оторваться от земли.

Гюнтер достал из кармана свой Рыцарский крест, надел его, сел в машину и уехал. Он вернулся назад через два часа, кипя от гнева.

– Наши очаровательные союзники наделали в штаны. Они отказываются подниматься в воздух, не получив приказа от командира своей дивизии.

– Какая большая солидарность внутри оси[24], – заметил Зиги.

Теперь уже взорвался Герберт, командир 6-й эскадрильи:

– Надо заставить их сделать хоть что-то, взять рыбацкую лодку, послать подводную лодку или сесть в каноэ. Мы не можем бросить бедного старину Макса, сидящего там среди рыб.

В этот момент вмешался Старик, или, чтобы быть более точным, командир нашей группы:

– Зиги и Хенн, взлетайте. Возвращайтесь и передайте привет Максу, чтобы он знал, что мы не забыли о нем. Тем временем Гюнтер и я отправимся в штаб итальянского корпуса. Герберт, сообщите в штаб, где мы находимся. Надо начинать действовать.

Мы с Зиги сразу же взлетели. Над морем висело заходящее солнце. Острова у сицилийского побережья стали фиолетовыми, а вода сверкала подобно зеркалу. Мы скользили над водой в западном направлении.

Я вызвал Зиги по двухсторонней связи.

– Надеюсь, что мы сможем найти его. Солнце слепит. Я едва могу что-нибудь увидеть в километре перед своим «ящиком». Предположим, что нас обнаружат «Лайтнинги»?

– Прекратите. Держите свои мысли при себе, а рот закрытым. Иначе американцы в Тунисе услышат нас, и через четверть часа мы будем иметь у себя на хвосте парочку этих «двухфюзеляжников»[25].

Двигатели работали ровно, мы молчали, всматриваясь в море. Тридцать минут спустя я не выдержал и вышел на связь:

– Зиги, по теории мы должны были уже найти его. Давайте поднимемся выше, чтобы получить лучший обзор.

– Хорошо. Но смотрите, чтобы солнце было позади вас, иначе мы не заметим его.

– Правильно.

Мы заложили крен и начали снова искать Макса. Внезапно под нашими крыльями от черной воды поднялся красный огонь.

– Он только что выстрелил сигнальную ракету. С ним все в порядке. Он все еще плавает. Давайте снижаться.

Мы кружились вокруг его спасательной шлюпки всего в нескольких метрах над водой. Макс не пошевелился с тех пор, как мы улетели. Он все еще сидел, скрючившись, на дне своей лодки. Взлетела еще одна красная ракета, зависла на вершине своей траектории и зигзагом упала, как горящий уголь, рассекающий ночь. Затем не осталось ничего, кроме облачка серого дыма, который вскоре был развеян ветром.

– Если бы мы только могли поговорить с ним, Петер, или, например, сбросить ему что-нибудь из продовольствия. Бедняга.

Макс был едва видим, но его желтая шлюпка танцевала на волнах. Внезапно белое пятно на дне шлюпки зашевелилось.

разведчиков (85 Gr. R.M.), базировавшаяся в порту Марсала, на западном побережье Сицилии, была оснащена более современными летающими лодками CANT Z.501 и Z.506.

[24] Название союза государств, подписавших 27 сентября 1940 г. в Берлине трехсторонний военно-политический пакт «Рим – Берлин-Токио».

[25] Имеются в виду американские истребители P-38 «Lightning», имевшие двухбалочную аэродинамическую схему.

– Зиги, он машет своим шарфом. Вы видите, какую роль эта тряпка может сыграть в подобном случае, и бог их знает, почему они пристают к нам, летчикам-истребителям, из-за нее[26]. Если бы у Макса его не было, мы могли потерять его из виду.

– Пришло время возвращаться. Темнеет. Покачайте своими крыльями, чтобы показать ему, что мы вернемся завтра.

Наши два самолета выполнили последний круг. Когда мы были над шлюпкой, Зиги выстрелил зеленую ракету и прошептал:

– Зеленый цвет – цвет надежды, Макс. Дождись завтра. Мы спасем тебя.

Ракета упала в воду недалеко от шлюпки. Тридцать минут спустя мы приземлились в Трапани.

– Он все еще на плаву? – спросил Старик.

– Да. Но он дрейфует. Посмотрите, это место, где мы нашли его.

– Его относит к Тунису, – произнес Герберт.

– Да, со скоростью приблизительно восемь километров в час.

– Черт! Каждая минута задержки с нашей стороны приближает его к плену. Море кишит английскими и американскими торпедными катерами.

Герберт нервно прошелся по комнате туда-сюда.

– Мы ничего не можем поделать с этим, – сказал Старик. – Давайте спать.

Подойдя к командиру группы, я спросил:

– Вы смогли чего-нибудь добиться, герр майор?

– Ничего. Итальянцы ожидают приказа от командира своей эскадры[27], но я велел вашему командиру эскадрильи продолжать беспокоить их. Мы завтра должны будем снова позвонить им.

Три аэродромных автобуса уехали. Пилоты побрели от них к своим палаткам, разбитым в тени маленькой оливковой рощи. Мы с Зиги бросили свои вещи в двухместную палатку, наскоро перекусили и легли спать. Недалеко, в растущих островком кактусах, начал трещать сверчок. Зиги первым нарушил тишину:

– Хотел бы я знать, что в этот момент делает Макс.

– Это чертовски глупый вопрос. Он плавает, конечно. Во всяком случае, я не хотел бы быть на его месте. Худшее испытание, Зиги, это жажда. Нельзя пить морскую воду, и, если Макс сделает это, он сильно пожалеет. Даже если он съел свои солодовые таблетки, его все равно будет мучить жажда. Представляете, насколько должно быть жарко под палящим солнцем в открытом море? Вокруг вода, а ты не можешь сделать ни глоточка. Это танталовы муки[28]. С наступлением ночи станет холодно, его одежда промокла… Мы должны спасти его любой ценой.

В течение трех дней и ночей Макс плавал в своей резиновой шлюпке. Предпринимая все возможные шаги и сообщая во все возможные инстанции, мы беспрерывно висели на телефоне, ругаясь словно сумасшедшие по-немецки и по-итальянски. Наконец, мы преуспели. Для его поисков был выделен гидросамолет «Савойя».

[26] Имеется в виду, что многие обвиняли пилотов люфтваффе в пижонстве и нарушении формы одежды, носивших под комбинезонами или летными куртками белые или желтые шарфы.

[27] Еще в 1925 г. территория Италии была поделена на четыре воздушных зоны. В каждой из них располагалась одна воздушная эскадра, которая, как правило, состояла из двух-трех авиадивизий или бригад (Brigata Aerea). Так, на Сицилии находилась 2-я эскадра со штабом в Палермо, в июле 1943 г. ею командовал генерале-ди-скуадра Адриано Монти.

[28] Речь идет о древнегреческом мифе о Тантале, сыне бога Зевса и царе Фригии. За свое высокомерие и за попытку угостить богов, с целью испытать их всеведение, блюдом из тела своего сына Тантал был наказан вечными муками голода и жажды. Он был погружен в воду по грудь, а над ним свисали ветви с плодами. Когда же он наклонялся к воде, чтобы напиться, то вода уходила, а когда он протягивал руки за плодами, то ветви уносились порывами ветра.

Прежде чем мы взлетели, Гюнтер дал последние инструкции:

– Зиги, Хенн и я прикрываем эту «летающую кастрюлю». Я занимаю позицию сзади. Если итальянский пилот продемонстрирует хоть малейшую попытку изменить курс, то я собью его и заставлю кормить рыб.

Мы барражировали над морем около Трапани, ожидая взлета «Савойи». В радиоэфире в тот день было тихо. Наши глаза были прикованы к компасам. Курс был правильный. В паре с Зиги я был ведущим. Достигнув точки, в которой, беря во внимание дрейф, мы надеялись найти Макса, мы начали летать по кругу и осматривать горизонт.

– Где он, Зиги? Он не пускает сигнальных ракет.

– Продолжайте искать, парни. Продолжайте искать, – вышел на связь Гюнтер.

Мы напрягали глаза; в этой водной пустыне не было и следа резиновой шлюпки. По прошествии четверти часа Зиги предложил:

– Давайте искать дальше к югу. Вчера вечером ветер усилился, и его, должно быть, снесло дальше.

Я подал «Савойе» сигнал повернуть влево и сам последовал за ним.

Заметил цель именно я.

– Это он! – закричал я взволнованно.

– Где?

– Посмотрите немного влево – видите желтое пятно… Это шлюпка.

Гюнтер, который летел около «Савойи», спикировал к поверхности моря. Гидросамолет последовал за ним, сел на воду и начал приближаться к шлюпке. Скоро он подошел к ней. Я видел, что члены экипажа выбрались наружу и вернулись назад в фюзеляж, неся Макса на руках.

Мы кружили сверху, тревожась о результате спасательной миссии. «Савойя» снова взлетел. Мы вздохнули с облегчением… Во всяком случае, мы нашли его.

Несколько часов спустя мы все стояли у кровати Макса в госпитале в Трапани. Он не мог говорить. Врач разрешил нам провести с ним пять минут. Не больше. Мы смотрели на его кисти, лицо и руки – кожа от морской воды приобрела фиолетовый оттенок. Макс открыл глаза и попытался улыбнуться. Мы молча стояли вокруг него, в то время как медсестра накладывала первые повязки. Он стонал. Ему сделали укол морфия, и мы услышали, как в бреду он несвязно говорил:

– Торпедный катер. Там… Они не стреляют. Я не хочу умирать. Я не хочу попасть в плен. Я не хочу никогда снова видеть воду, никогда, никогда…

Гюнтер попробовал успокоить его:

– Тихо, Макс. Вам нужно отдыхать. Спите. Вы нуждаетесь в этом.

Макс заснул, чтобы никогда не проснуться. Через несколько часов он умер. Тремя днями позже мы узнали, что он был представлен к Железному кресту. Награду получила его мать. Не очень хорошая штука.

Глава 2. Уцелевшая четверка

Американцы имели все в избытке, у нас же не было абсолютно ничего. Все, что оставалось у нас, так это высшие штабы; и, как все знали, они никогда не могли укомплектовать истребительные части на переднем крае до штатной численности.

На следующий день после высадки союзников на Сицилии в Трапани были собраны три истребительные группы, в общей сложности семьдесят машин. Тремя днями позже каждая из этих групп имела лишь по двенадцать пригодных к полетам самолетов. Ковровые бомбежки превратили аэродром Трапани в изрытый пустырь. Несколько воронок на взлетно-посадочной полосе и рулежных дорожках были торопливо засыпаны. Это создавало впечатление, что аэродром все еще пригоден для использования; однако для взлета и посадки требовалось высокое мастерство. Нашей главной целью было сохранение контроля над своей машиной.

После высадки на южном побережье американские танки «Шерман» продвинулись в глубь острова и находились на полпути к Палермо. Поэтому западная часть Силиции была фактически отрезана и с военной точки зрения не представляла никакой ценности.

В один прекрасный день в воздухе появилось соединение американских самолетов: 500 бомбардировщиков и 200 прикрывавших их истребителей. Им навстречу из Трапани взлетели четыре «Мессершмитта». Их пилотировали командир группы, его ведомый, Герберт и я. Мы находились на высоте 9700 метров, когда увидели бомбардировщики, по обе стороны от них летели стаи «Лайтнингов» и «Кертиссов»[29], готовые словно коршуны атаковать каждый появившийся самолет люфтваффе. Американские экипажи спокойно открыли люки свои бомбоотсеков и не оставили живого места на аэродроме Трапани: три дня спустя столбы дыма все еще поднимались над разрушенными сооружениями. Выполнив свою задачу, самолеты пролетели мимо в безупречном боевом порядке. Они держали строй подобно солдатам во время парадов на партийных съездах в Нюрнберге и, сделав величественный левый разворот, исчезли из вида. Четыре немецких истребителя кружили наверху, но их аэродром прекратил существовать. Все мы понимали, что пытаться приземлиться там было самоубийством.

– Заходим для атаки, – передал мне Герберт по двухсторонней связи.

– «Виктор»[30].

Я приблизился к нему. Теперь мы предоставлены сами себе, Старик и его ведомый выбрали другую цель. Перед нами было замыкающее вражеское соединение: приблизительно 120 бомбардировщиков, пролетавших на высоте 4600 метров над островом Мариттимо на обратном пути в Африку.

Преследуя их, мы были или сумасшедшими, или супероптимистами. Топлива в баках оставалось минут на тридцать, у нас не было никакого аэродрома для приземления, и в дополнение к этому мы атаковали бомбардировщики, которые уже выполнили свою миссию над морем, в 50 километрах от сицилийского побережья. Мы находились на дистанции 2000 метров, когда хвостовые бортстрелки открыли по нам огонь.

– Хенн, берите самолет на правом фланге, а я сконцентрируюсь на левом, – приказал Герберт.

– «Виктор»…

Ни один из бомбардировщиков, ни мы сами не получили никаких повреждений, но наша честь была сохранена: два истребителя напали на 120 бомбардировщиков. Теперь нашей главной задачей было приземление.

Я бросил взгляд на указатель остатка топлива и, нажав на кнопку передатчика, сказал:

– Я дошел до опасного предела. Моя красная лампочка уже горит. Это означает еще минут десять. Где будем садиться?

– Не волнуйтесь, – ответил Герберт весьма бодро. – Если вам не нравится горящий красный свет, то стукните по лампочке пальцем, и вы больше не увидите его. Мы должны попытаться достичь запасной взлетно-посадочной полосы «Дора».

– Хорошая мысль.

По карте, развернутой на коленях, я попытался определить свое местоположение. Где эта «Дора» на земле? Так, она около Салеми[31], между Марсалой и Трапани. Несколько минут спустя в эфире снова раздался голос Герберта:

– Хенн, сначала садитесь вы.

– «Виктор»…

Внизу под собой я увидел желтое, наполовину убранное поле с ухабистой

[29] Имеются в виду истребители P-40 «Kittihawk».

[30] «Виктор» – кодовое слово из словаря радиопереговоров пилотов люфтваффе, означавшее «все в порядке».

[31] Салеми – городок приблизительно в 30 км восточнее Марсалы.

поверхностью. Мое внимание к нему привлек белый крест[32]. Поле и его окрестности казались пустынными. Ни ракет, ни сигналов. Никаких признаков жизни. Было ли оно все еще в немецких руках или же его уже заняли американцы? Ни Герберт, ни я не знали этого. Сейчас имела значение лишь одна вещь – это приземлиться любой ценой. Никто еще не мог оставаться в воздухе без какого-то ни было топлива, и мы не имели никакого особого желания стать первыми, кто попытается сделать это.

Я выпустил шасси, опустил наполовину закрылки и начал заход на посадку.

В это же самое время я подумал: «Эта взлетно-посадочная полоса может быть не длиннее 450 метров». По правилам любому пилоту Ме-109 в Германии запрещалось сажать свою машину на взлетно-посадочную полосу длиной менее 800 метров. Отлично, но, во-первых, я меньше всего хотел заботиться о соблюдении правил; во-вторых, я был не в Германии, так что я должен надеяться на Бога и быть начеку. Если я потеряю контроль над своим «ящиком» и сразу же заторможу, то со мной будет кончено. Я наверняка перекувыркнусь через капот и упаду в ложбину на дальнем конце поля.

Герберт продолжал давать мне советы:

– Петер, попытайтесь сесть точно у белого креста.

– Я сделаю все, что смогу. Я постараюсь.

Я продолжал размышлять и разговаривать сам с собой: «Совсем нет времени, чтобы валять дурака. Не смотри на проклятую красную лампочку, мерцающую на указателе остатка топлива. Ты должен приземлиться с первой попытки. У тебя, несомненно, нет достаточно топлива, чтобы выполнить другой заход, и ты рискуешь разбиться где-нибудь среди камней. Ты едва дотянул сюда. Ты не знаешь это поле. Предполагается, что здесь должна быть запасная взлетно-посадочная полоса, но это не причина, почему оно не должно стать кладбищем. Снижайся к выложенному мелом кресту и не тормози слишком резко».

У меня в ушах снова зазвучал голос Герберта: «Спокойно, Петер, спокойно».

Если бы только он держал свой рот на замке. Я не хуже его знаю, что должен спасти свою шкуру. «Мессершмитт» никогда не прощает плохого приземления. Одна ошибка, и ты у ворот рая.

Поле стремительно приближалось ко мне. Я поднял нос самолета вверх и начал боковое скольжение, чтобы снизить скорость. Указатель скорости показывал 180 км/ч, и теоретически все должно быть хорошо; если бы только все не было так плохо.

130… 120 километров в час… Самолет продолжал лететь, неуклюжий, как деревянная доска.

«Теперь ты видишь, Петер, как полезны инструкции, которые ты получал в летной школе. Теория очень хороша, но…»

Неожиданно я ощутил себя в высшей степени умиротворенным. А секунду спустя мне показалось, что белый крест собирается прыгнуть на меня. Самолет скользнул на крыло, началась тряска, колеса уже коснулись земли. Я автоматически нажал на тормоза. Машина задрожала, фюзеляж заскрежетал – прелюдия к серии небольших прыжков в стиле теннисного мяча. Втянув ручку управления в живот, я изо всех своих сил нажал на тормоза. Раздался пронзительный свист, но самолет не реагировал.

Я толкнул вперед рычаг сектора газа и попытался съехать с взлетно-посадочной полосы, но машина, казалось, приклеилась к земле. Увеличив число оборотов, я, наконец, смог отрулить в сторону, выключил двигатель, выбрался из кабины и замер; изумленный картиной, которая предстала перед моими глазами. Нижняя часть хвостового оперения отсутствовала, будучи оторванной на уровне рулей высоты. Последние почти волочились по земле.

«Отличная работа, Хенн. Поздравляю», – сказал я сам себе, вытирая пот со лба.

Запасная взлетно-посадочная полоса или, чтобы быть более точным, поле, на котором

[32] Выложенный на земле знак в виде неравностороннего белого креста верхушкой указывал направление взлетно-посадочной полосы.

все еще стояла стерня[33] (сицилийцы срезали лишь верхушки, оставляя стебли гнить вместо удобрений), походило на каменоломню. Самые маленькие камни были размером с булыжник. Один из них стал причиной повреждений хвоста самолета; вылетев из-под колеса, он оторвал хвостовое колесо и металлическую обшивку вокруг него. Однако главная цель была мной достигнута. Машина была на земле, а ее пилот цел. Что касается топливного бака, то, хотя он и был пустой, он не был поврежден.

Над полем появились три других самолета. Сначала без каких-либо повреждений приземлился Герберт, за ним командир группы и его ведомый. Стоя на меловом кресте, я направлял их к участку земли, который был менее каменистым, чем взлетно-посадочная полоса.

Наши самолеты были последними немецкими истребителями на западе Сицилии, и мы в оцепенении смотрели друг на друга. Наземный персонал группы, который заботился о нас в Трапани, находился уже на пути в Палермо, откуда на корабле должен быть эвакуирован в Неаполь.

Старик первым нарушил тишину:

– Господа, у меня такое ощущение, что война для нас закончилась. Что мы должны делать? У меня есть идея. Позади вон той хижины есть водоем. Давайте начнем с того, что искупаемся. Не имеет значения, что могут появиться «Лайтнинги». Мы будем купаться и, если они подойдут слишком близко, позволим им лишь мельком увидеть наши спины.

Мы последовали его совету. За эту полосу в Салеми отвечали фельдфебель и ефрейтор. Повсюду валялись бочки с бензином, но никаких других удобств не было. Впервые за несколько месяцев мы могли славно искупаться, и наслаждались этим словно зеленые новички, радостные от того, что для них нет никакой работы. Рации не было, и никакой штабной офицер не мог определить наше местонахождение. Также не было и телефона. Это была ситуация как непредвиденная, так и исключительная. Вымывшись и обсохнув, мы сразу же начали ощущать голод.

Еще раз Старик разрешил проблему:

– Взгляните, вон там ферма. Давайте навестим ее. У меня в карманах все еще есть несколько лир. Я думаю, что их будет достаточно.

Мы дошли до фермы, мучимые жаждой и голодом.

– Buon giorno[34].

Сицилиец в ответ что-то пробормотал.

– Mangiare[35], – добавили мы, показывая общепринятыми знаками, что хотим есть.

Крестьянин, казалось, понял и, исчезнув внутри своего дома, через минуту вернулся с несколькими финиками, зажаренными в оливковом масле, помидорами и ломтем белого хлеба. Мы набросились на них.

Спустя некоторое время мужчина произнес:

– Nix vinceremo[36].

– Мне кажется, что вы, любезный, абсолютно правы, – ответил майор с набитым ртом[37].

Внезапно шум авиационного двигателя заставил нас выскочить наружу. Мы

[33] Невспаханное поле с остатками соломы на корню.

[34] Добрый день (ит.).

[35] Еда (ит.).

[36] Мы победим (ит.).

[37] Сарказм командира II./JG51 майора Раммельта вполне понятен, потому что итальянцы, хотя повсюду и развесили лозунги «Nix vinceremo», на практике мало что делали для этого.

посмотрели вверх и увидели Fi-156 «Шторьх»[38], только что сбросивший на взлетно-посадочную полосу какое-то сообщение.

Командир группы взорвался:

– Черт, едва мы здесь получили пару минут спокойствия, как некая проклятая штабная «крыса» должна вытащить нас отсюда.

Через несколько минут мы читали телеграмму: «Отход по плану «Б» приведен в действие. Взорвите все сооружения, точки сбора и перегруппировки истребителей – Реджо[39] и Кротоне».

Старик разразился смехом:

– Кучка идиотов. План отхода «Б»! Хотел бы я знать, что они подразумевают под своим выдающимся планом «Б». «Взорвите сооружения». Великолепно. Они с таким же успехом могли бы ждать от козла молока. В любом случае это больше не имеет значения. Мы отправляемся в Реджо. Принесите мне карту. Пять с половиной часов полета[40], а? Мы вообще сможем добраться туда на наших машинах? Лучше сначала с тем небольшим остатком топлива, что у нас есть, выполнить короткий перелет в Марсалу, дозаправиться там, а затем вылететь прямо в Реджо. Выполняйте этот приказ немедленно и не мешкайте.

– Но, герр майор, я не могу взлететь. Мой «Мессершмитт» поврежден и бак пуст.

– Так что, вы хотите стать «дикарем» в Канаде[41], а? Во всяком случае, Хенн, мы не можем взять вас с собой. Захватите автомобиль, пару роликовых коньков – все равно что, лишь бы оно было на колесах – и отправляйтесь на север. Если вы не сможете найти никакого транспорта, помните, что вы еще имеете пару ног. Вы не будете первым немцем, вошедшим в Палермо пешком.

– Да, это замечательно, но у других на пятках не было «Шерманов».

– Им было хуже. Их преследовали мамелюки. На вашем месте я бы изучал историю Священной Римской империи[42]. Но теперь это уже не обязательно. Если желаете, то можете уцепиться за мое крыло. Но хватит, мы достаточно подурачились. Слушайте меня. В долине по другую сторону того холма – дорога, по которой отступают наши войска. Отправляйтесь туда вместе с фельдфебелем и ефрейтором. Реквизируйте автомобиль и сматывайтесь.

– Очень хорошо, герр майор.

– О, теперь вы становитесь более благоразумным.

Они трое один за другим поднялись в воздух. Сидя на траве, я наблюдал за тем, как они исчезли за горизонтом, покачав перед этим крыльями. Я чувствовал волнение, как ребенок, стоявший перед рождественской елкой. Когда они исчезли, я сел в свою кабину и включил рацию. Я услышал голос Старика: «Мы больше не увидим Хенна. Война для него закончилась».

[38] Легкий одномоторный самолет Fieseier Fi-156 «Storch», использовавшийся в качестве связного и спасательного самолета.

[39] Имеется в виду Реджо-ди-Калабрия, на берегу Мессинского пролива.

[40] Вероятно, в книге допущена опечатка, поскольку расстояние от Салеми до Реджо по прямой составляет около 260 км. Даже с учетом того, что «Мессершмитты» могли лететь по дуге, вдоль северного побережья Сицилии, они затратили бы на перелет не более полутора часов, что являлось вполне обычным полетным временем.

[41] Подразумевается, что пленных немецких пилотов англичане чаще всего отправляли в лагеря для военнопленных, находившиеся в Канаде.

[42] Римско-германская империя просуществовала с 962 до 1806 г., в ее состав входили Германия, Австрия, Чехия, большая часть Италии, Бургундия и Швейцария. В конце XVIII – начале XIX в. французские войска, среди которых были мамелюки (бывшая личная гвардия султана Египта), захватили часть земель Священной Римской империи и в том числе Сицилию.

Затем наступила тишина. Я выключил рацию, вылез из кабины и оказался лицом к лицу с двумя унтер-офицерами, которые растерянно смотрели на меня.

– По-видимому, мы должны все тут взорвать, – сказал я им. – У вас есть какая-нибудь взрывчатка?

– Нет, вообще никакой.

– Хорошо, тогда не будем об этом больше беспокоиться. Это был первый пункт нашего дела. Но что нам делать со всеми этим бочками?

– Мы можем поджечь их, – предложил ефрейтор.

– Блестящая идея, не так ли? Вы подумали, что случится, если мы их запалим? Через пять минут мы будем иметь над собой толпу «Лайтнингов». Дым привлечет их словно пчел на мед. Есть другой путь. У вас есть топор? Нет? Ладно, мы используем кирку. Пары ударов по каждой бочке будет достаточно, но осторожнее со своими сигаретами, иначе спалите себе волосы.

Мы втроем приступили к работе. Несколько тысяч литров высокооктанового бензина вытекали на песок из приблизительно пятидесяти больших бочек. Затем я пошел и посмотрел на свою машину.

«Я не могу оставить ее здесь, – подумал я. – Двигатель урчит ровно, словно швейная машинка. Может, мне все же попытаться взлететь?»

Я нажал на кнопку электростартера и, запустив двигатель, посмотрел на указатель остатка топлива. Показания были все те же, почти на нуле, и красная лампочка горела, как и прежде. Я был в том же самом положении, что и час назад. В этот момент меня озарило, и я сказал:

– Оставьте две или три бочки целыми. Они могут понадобиться нам позже.

Я отвинтил крышку топливного бака и отважился заглянуть внутрь. Небольшое бульканье показало мне, что еще оставалось двадцать – тридцать литров, которых, конечно, было недостаточно для взлета. «Я должен, так или иначе, выбраться из этой ситуации, – думал я. – Через несколько часов я словно крыса буду пойман в ловушку».

Я обернулся к двум унтер-офицерам.

– Вы поможете мне? – спросил я. – Я собираюсь попробовать взлететь.

– Конечно, герр лейтенант. Но как вы сделаете это?

– Может быть, в доме, где вы живете, случайно есть ручной насос? Прикатив одну из бочек к самолету, мы сможем при помощи насоса заправить его.

– Я пойду и посмотрю, – ответил фельдфебель. Через несколько минут он вернулся, неся предмет, который на первый взгляд выглядел не слишком обещающим.

– Это должен быть насос, но я признаю, что знаю о них немного.

Фактически это был масляный насос, покрытый маслом и ржавчиной.

– Сначала его надо очистить. Сколько там еще неповрежденных бочек?

– По крайней мере шесть.

– Это прекрасно. Мы опустошим одну из них, чтобы прочистить насос, а остальные войдут в мой бак. Пошли.

Я использовал свой козырь. Насос должен был выдержать, иначе все мои надежды были бы напрасны. Мы проработали несколько минут, когда клапан не выдержал.

– Давайте попытаемся налить из ведра, – предложил я.

Первая же попытка оказалась бесплодной. Бак, сконструированный так, чтобы заправляться топливом под давлением, не принимал топливо, заливаемое таким архаичным способом.

– Пробить оставшиеся бочки? – спросил ефрейтор.

– Нет, не сейчас. Только сохраняйте спокойствие. Если появятся американцы и найдут остатки бензина, то они сами же и подожгут его. Они не испытывают недостатка в бензине, даже стали в больших количествах продавать его другим. Не имеет смысла больше беспокоиться об этом. Как вы думаете, мы еще можем добраться до Палермо?

– Я совершенно уверен, что нет, – ответил ефрейтор прямо. – Посмотрите на тот дым.

Они уже обстреливают дорогу. Янки не более чем в нескольких километрах отсюда.

– Я думаю, что вы правы.

С другой стороны холмов видны были облака пыли. Вероятно, это от колонны танков, поднимавшейся на холмы.

– Наше положение становится все более опасным. Нам придется пересечь линию огня, чтобы добраться до Палермо. Артиллерийские снаряды падают точно в его направлении, так же как и позади нас.

– Перспектива, кажется, хорошенькая.

– Когда я был в школе, то немного учил английский язык. Я все еще помню несколько слов. Я не думаю, что это плохо, поскольку, скорее всего, мы попадем в плен.

Мы сидели втроем и курили наши последние сигареты. В моем летном комбинезоне все еще была коробочка с таблетками солода; я распределил их так же, как и несколько конфет, которые обнаружил в другом кармане. Мы ждали, не совсем понимая чего и зачем. Но что бы ни случилось, мы были хорошо подготовлены.

– Вы считаете, что враг может начать стрелять в нас? Мы можем укрыться вон в той траншее.

Оба моих компаньона одобрительно кивнули.

– Правильно, герр лейтенант. Его ничего не остановит, чтобы поступить так.

Снаряды падали все ближе, а разрывы становились все громче. Отступающие войска были с другой стороны холма, находящегося в восточном направлении. Мы видели фонтаны земли и пыли, поднимаемые снарядами, которые били в гребень холма. В большом секторе мы, очевидно, были единственными немецкими военнослужащими.

Внезапно я услышал шум и встал.

– Что это за шум? – спросил я.

– Я предполагаю, что это танк.

– Нет, это другой звук, – сказал ефрейтор. – Скорее похоже на автобус.

Наши глаза теперь были прикованы к дороге, шедшей к аэродрому по оврагу, который окаймлял его с востока перед первой цепью холмов.

– Я не думаю, что они смогли продвинуться так быстро, – пробормотал фельдфебель.

Мое сердце быстро заколотилось.

– Полагаю, что пришло время укрыться в нашей траншее.

Мы бежали, согнувшись пополам, но вдруг я в изумлении остановился:

– Это немецкий автомобиль. Посмотрите, на нем номера вермахта.

Это была группа саперов, команда подрывников под командованием обер-фельдфебеля.

– Здесь еще есть что-нибудь, что нужно взорвать? – спросил он.

Мы, немцы, никогда не изменимся. Мы любим работу, придирчиво исполненную до последней детали. Какой-то штабной офицер, должно быть от волнения, дважды отдал один и тот же приказ: «Взорвать сооружения на полосе «Дора» в Салеми», – один раз в сообщении, сброшенном на парашютике, а потом снова – команде подрывников. Подобная вещь могла случиться только с немцами. Мы уникальны в этом отношении.

Не ответив на вопрос, я сказал:

– Вы доставили именно то, что мне требуется. Пойдемте – поможете мне запустить мой двигатель. Этим вечером я должен быть в Кротоне всенепременно.

Обер-фельдфебель через плечо посмотрел на разрывы снарядов, потом на свои часы, а затем на своих людей.

– Слишком поздно. У нас совершенно нет времени, – произнес он.

– Но нужно всего лишь заправить бак. Если у вас случайно есть ручной насос, на это уйдет несколько минут. Пошли – подкатим эти две бочки к самолету и подсоединим насос. В течение трех минут я буду готов, а вы сможете забрать с собой наземный персонал.

Я указал на двух своих человек. Солдаты согласились, и, наконец, командовавший ими обер-фельдфебель позволил себя убедить.

– Хорошо, давайте. Но не теряйте ни минуты, если не хотите быть раздавленным «Шерманами».

Они начали толкать бочки.

Когда обер-фельдфебель увидел мой «Мессершмитт», он пожал плечами:

– Вы действительно намереваетесь взлететь на этой развалине? Половина хвоста отсутствует.

– Да, я могу взлететь.

Стрелка указателя остатка топлива стояла на отметке 400 литров. Я был счастлив.

– Теперь я чувствую, что могу долететь до Северного полюса и обратно.

– Но посмотрите, ваше шасси тоже повреждено. Лопнула правая шина… Парни, быстрее. Принесите запасное колесо и поставьте его на самолет.

Какой молодец! Я готов был его расцеловать. За двадцать минут машину привели в порядок.

– Мы останемся здесь, во всяком случае, пока вы не исчезнете из поля зрения, – сказал обер-фельдфебель, чтобы подбодрить меня. – Вы никогда не попросили бы, я знаю.

– Спасибо. Поставьте под колеса тормозные колодки. Я скажу, когда убрать их. На сей раз я должен буду взлетать по ветру, так быстро, как могу. Я не могу рулить по этим камням.

Обер-фельдфебель, беспокоившийся о том, что со мной может случиться беда, попробовал переубедить меня:

– Герр лейтенант, вы знаете, что взлетно-посадочная полоса слишком короткая, чтобы оторвать машину от земли. Вы почти наверняка свалитесь в овраг. Почему бы вам не поехать с нами, не рискуя напрасно?

– Если у меня есть даже самый небольшой шанс, я должен его использовать.

Неожиданно все стало мне безразлично. Я нажал на кнопку стартера и запустил двигатель, потом я закрепил привязные ремни и парашют, надел наушники, закрыл фонарь кабины и приготовился к взлету. Я снова открыл фонарь, высунул голову наружу и сказал:

– Если вы увидите, что самолет перекувыркнется через капот и загорится, то оставьте меня жариться и уезжайте как можно быстрее.

Ответа не последовало, шум двигателя заглушал мои слова. Затем я прибавил обороты. Тормозные колодки сдерживали самолет, который нетерпеливо вздрагивал, как норовистый скакун, не имевший возможности двигаться. Я легко толкнул ручку управления вперед, чтобы облегчить взлет с поврежденными рулями и обшивкой. В это же самое время я, четко осознавая свои действия, подумал: «Если сейчас они уберут колодки, то машина должна принять горизонтальное положение».

Двигатель ревел, машина подскакивала и тряслась. Высунувшись, я прокричал: «Убирайте колодки!» – показывая при этом жестом, что нужно сделать. Самолет рванулся вперед словно пантера и, выбрасывая из-под колес камни, помчался по полю. Я изо всех сил нажимал на ручку управления, удерживая нос так, чтобы хвост не ударился о землю. Снизу по фюзеляжу стучали камни, отбрасываемые воздушным потоком пропеллера. Я дал полный газ. Двигатель с ужасным свистом и фырканьем превысил 2800 об/мин. Я боялся смотреть на приборную доску.

Все эти действия заняли несколько секунд. Затем я вместо того, чтобы давить на ручку управления, медленно потянул ее на себя. Самолет подпрыгивал и скользил на крыло, снова опускаясь вниз.

Мной владела одна всепоглощающая мысль – овраг. Мой бог – овраг!

Он приближался с тревожащей быстротой. С сумасшедшим отчаянием я дернул ручку управления на себя. Или я сделаю это, или же нет…

Казалось, что самолет как будто ударили кнутом. Рванувшись, он оторвался от земли, рухнул обратно, словно лошадь, которая, преодолевая препятствие, не желает терять контакт с землей.

«Хорошо, – подумал я, – на сей раз я это сделаю».

Я снова потянул за ручку управления. Быстрее вверх, словно я был всадником,

преследуемым врагами и всаживающим шпоры в живот своей лошади. «Мессершмитт» дрожал как раненый зверь, но продолжал держаться в воздухе. Он трепетал словно лист на осеннем ветру.

«Хорошо, Петер, теперь ручку вперед, – сказал я сам себе. – Будь осторожней с рулем и держи его горизонтально. Под тобой девять метров пустоты и склон. Теперь малейшая ошибка станет фатальной. Сохраняй спокойствие».

Самолет подпрыгнул, приподнял нос и понесся подобно выпущенной стреле. Указатель скорости показывал 195 км/ч. Я непроизвольно погладил борт фюзеляжа и прошептал: «Отлично, старина. Ты сделал свою работу хорошо».

Я уменьшил газ до 2200 об/мин. «Мессершмитт», казалось, вздохнул с облегчением, и я – тоже. Альтиметр показывал 45 метров – идеальная высота для того, что я хотел сейчас сделать, то есть достичь Палермо на бреющей высоте. Поскольку я летел над дорогой с отступающими войсками, меня обстреляли зенитные батареи. Я смог пролететь мимо в нескольких метрах над землей и включил рацию. В ужасе я услышал следующее: «Посмотри назад, ты, проклятый дурак. У тебя на хвосте три «Лайтнинга». Отворачивай. Почему ты не уходишь, ты ненормальный? Внимание, внимание. Снова сомкнуться. Отлично сделано. Ты сделал его. Поздравляю. Боже, в меня попали».

Отдельные слова и несвязные фразы, казалось, летели из эфира со всех сторон. Где-то на востоке Сицилии, над Этной или в окрестностях Сиракуз, последние истребители люфтваффе вели бой с множеством вражеских самолетов. Сначала я подумал, что предупреждали меня. Я выполнил левый вираж и осмотрелся вокруг. Нигде не было видно никаких «Лайтнингов».

«Я одинок на западе Сицилии, – подумал я. – Мой самолет здесь последний Ме-109, и американские пилоты полагают, что я бездельничаю, собирая цветочки. Теперь бои, должно быть, сосредоточились около Мессины. Это то место, где ловушка может захлопнуться. Я должен проскользнуть в «ящике», который плетется со скоростью 370 км/ч с наполовину отсутствующим хвостовым оперением. Это отчасти лотерея, но я надеюсь, что смогу увидеть Палермо. Опустись пониже. Скользи прямо над крышами. Обходи колокольни как можно ниже».

Оставив белый город позади, я увидел море. Благодаря Богу мой двигатель выдержал и мягко урчал. Счастье, что на Сардинии его отрегулировали. Настоящая швейная машинка. В тот день это спасло мою жизнь.

Побережье Южной Италии находилось в поле зрения. Сверившись со своей картой, я взял курс на восток, мои глаза приклеились к компасу. Я медленно скользил над морем вдоль побережья, готовый, если будет необходимо, приземлиться на песок. Крылья моего самолета были окрашены в голубой цвет, поэтому сверху их трудно было различить на фоне воды. Я летел низко над волнами, настроение у меня было хорошее, и я начал напевать. Под крылом я видел рыбацкие лодки, плавно покачивавшиеся около берега.

Очевидно, итальянцы – фаталисты. В нескольких километрах отсюда янки перемалывали окружающую местность, а их танки готовились войти в Палермо, но рыбаки, казалось, не понимали, что идет война. Как ни в чем не бывало они продолжали ловить сетями сардин.

Внезапно впереди замаячили два черных пятна. Если это вражеские истребители, то со мной все будет кончено. Я никогда бы не смог уйти от них на этом «летающем гробу». К счастью, солнце светило в спину, и меня не смогут увидеть до самого последнего момента.

Вместо «Лайтнингов» я увидел два «Шторьха» с желтыми полосами – штабные машины. В их кабинах сидели какие-нибудь «шишки». Они также летели восточным курсом, выполняя запланированный отход по плану «Б». Эти господа, должно быть, прижимали к груди свои штабные бумажки – драгоценные документы, помеченные грифами «секретно», «совершенно секретно» и т. д.

Неожиданно мне пришла в голову идея. Я подумал, что могу поиграть с ними.

Если смотреть спереди, то Ме-109 довольно сильно походил на «Спитфайр». Я

накренил самолет к поверхности моря, снял предохранитель и дал очередь по воде. Она прошла приблизительно в сотне метров позади последнего «Шторьха». Паника была неописуемой. Обе связные машины немедленно спикировали к пляжу и поспешно приземлились.

Если и было что-то, чего они не должны были делать, так это посадка. Если бы я захотел, то мог пригвоздить их к земле одной-единственной очередью.

Выскочив из своих машин, эти штабные чины помчались по песку, высоко подпрыгивая. Пролетая над группой беглецов, я увидел, как эти господа рухнули животами на песок, угрожающе махая мне руками в перчатках. Я летел так, чтобы они могли очень отчетливо рассмотреть черные кресты, нарисованные снизу на моих крыльях, и выпустил очередь в их честь. У летчиков-истребителей пулеметная очередь была эквивалентна команде «На караул!».

«Это проучит вас, – пробормотал я. – Штаб должен оставаться в контакте с подразделениями, а, господа? По крайней мере, вы получили представление о воздушном бое. В любом случае мой Ме-109 в три раза быстрее ваших улиток, а в Южной Италии такая неразбериха, что вы потратите время впустую, пытаясь найти «желтую двойку», которая так сильно напугала вас. Хорошо, прощайте, пока вы не догнали меня».

После шутки, которую я только что сыграл с ними, я чувствовал себя счастливым, словно ребенок в песочнице.

Это произошло незадолго до того, как я достиг Мессинского пролива. В нем было такое оживленное движение, что он напоминал своего рода фабрику. Сцилла и Харибда[43], должно быть, наслаждались зрелищем гордой армии великого германского рейха, жавшейся на паромах. В воздухе над ними господствовали американские самолеты.

Эти парни, конечно, не теряли времени. Бомбы дождем сыпались вниз, волна за волной. Едва фонтаны воды опадали вниз, как на их месте появлялись новые. Немецкие зенитные батареи стреляли словно сумасшедшие и иногда поражали свои цели. Пылающие обломки падали по нисходящей спирали подобно горящим бабочкам. Покинутые, кувыркающиеся самолеты тонули среди фонтанов воды, поднимаемых разрывами бомб, в то время как над этим бурлящим котлом колыхались парашюты.

Скверное дело для сбитых янки. Пилоты падали среди града собственных бомб. Была ли резиновая шлюпка или нет, результат был одним и тем же: reguiescant in pace[44].

«Либерейтор» с полным бомбоотсеком, получив прямое попадание, взорвался, но его соединение продолжало полет как ни в чем не бывало. Оно следовало своим курсом, летя над паромами; была выпущена красная сигнальная ракета, и вниз дождем посыпались бомбы.

Время спасаться бегством. Никто не переживет этого. Воздух был полон железа и стали.

Я выполнил вираж над морем и скоро достиг Реджо-ди-Калабрия. Мессинский пролив позади меня напоминал громадный котел; под моими крыльями поднималось огромное грибовидное облако дыма. «Сделано в США». Затем вдали я увидел море огня в том месте, где должен был находиться аэродром Реджо. Последний аэродром, где я мог приземлиться, превратился в картофельное поле. Я снимаю шляпу перед вами, господа. Прекрасная работа. И это то, что они называют отходом согласно плану. Немецкие летчики на юге теперь должны ходить пешком, как и все остальные. Где мне приземлиться? Этот вопрос стал настоящим кошмаром, поскольку топливо кончалось. В Кротоне, проскользнув в одиночку над итальянским «сапогом»? Теоретически, но только теоретически, топлива для этого было достаточно. Если не хватит, то мне придется где-нибудь совершить аварийную посадку и

[43] Сцилла и Харибда – два чудовища из древнегреческой мифологии, которые жили на скалах Мессинского пролива, отделяющего Южную Италию от Сицилии, и губили всех проплывавших мимо мореходов.

[44] Да почиет в мире (лат.).

проделать остальной путь пешком. У меня все еще было несколько дней в запасе, прежде чем американцы высадятся в Италии. Они сначала должны «переварить» Сицилию.

Я обдумывал свой план, но наступала ночь. Отовсюду, со всех частей горизонта в воздух поднимались столбы дыма. Того же самого происхождения, что и столбы дыма над Трапани и Реджо. «Сделано в США». Надо было быть сумасшедшим, чтобы полагать, что американцы остановятся. Та же самая картина над Кротоне. Я кружил над аэродромом и сильно ругался. Было невозможно приземлиться, не сломав себе шею.

Внизу я видел неясные бегающие силуэты. Снова на приборной панели зажглась красная лампочка. Тем хуже – я должен рискнуть и попробовать сесть. Я начал медленно снижаться к аэродрому, а затем увидел красные сигнальные ракеты, взлетающие с дальнего конца взлетно-посадочной полосы. Посадка запрещена.

Я попытался определить причину этого: возможно, дело было в том, что мое шасси не вышло. Однако это не важно. Я должен совершить аварийную посадку и сделать это без шасси. Учитывая состояние фюзеляжа, это[45] было бы так, если бы я рулил в темноте и наверняка опрокинулся бы в какую-нибудь воронку от бомбы. Я все еще стремился спасти свою шкуру. Кроме того, я думал о том, в каком состоянии мои шины после взлета с полосы «Дора» в Салеми. Если случилось так, что одна из них пробита, то без аварии не обойтись. В таких условиях лучше было не выпускать шасси.

Я медленно приближался к земле. Красные сигнальные ракеты стали взлетать все чаще: категорическое запрещение посадки. Мне уже было не до осторожности…

Я выровнял машину, убрал газ и выключил зажигание. Неожиданный удар… Хвост ударился о землю. Машина заскользила по земле, накренившись в одну сторону, и остановилась. Я весь взмок, но все же сделал это.

Открыв фонарь кабины, я расстегнул привязные ремни, поднялся и огляделся вокруг. Винт, зарывшийся в землю, был похож на стрелку компаса, но кроме этого машина, казалось, не получила повреждений. Вал винта разрушился, но я был уверен, что двигатель еще можно использовать. Я отстегнул ремни парашюта, вылез на крыло и увидел спешившую ко мне фигуру.

– Ваше имя? – прокричала быстро увеличивавшаяся тень.

– Спокойнее, мой друг. Спокойнее. Вежливее было бы сказать «добрый вечер».

– Вы что, сумасшедший? Этот аэродром закрыт для использования. Разве вы не видели, что бомбы превратили его в перепаханное поле. Я продолжал выпускать сигнальные ракеты, чтобы предупредить вас. Я запретил вам приземляться.

Я разразился смехом. Я не помню, чтобы когда-то в своей жизни так сильно смеялся.

– Ха-ха-ха! Как вы кричите. Почему вы не протрете глаза? Вы видите, что я благополучно приземлился. И кроме того, кто отдал приказ, что аэродром не пригоден для использования?

– Командир корпуса… Да какая разница – кто?! Вы не видели красных сигнальных ракет? Вопиющее неподчинение приказу! Я доложу о вас. Как вас зовут?

Очень медленно, подчеркивая каждое слово, я ответил:

– Идите к черту.

Лицо человека побагровело, и он стал подпрыгивать на месте, размахивая пистолетом «Вери».

– Юный мерзавец! Что вы о себе думаете? Я здесь командую.

– Наллевать мне на всяких… Я не у вас в подчинении, но я знаю одно: я последний летчик-истребитель, вернувшийся с запада Сицилии, и если вы хотите знать, то я совершенно измотан. И всякому, кто будет приставать ко мне, я оторву уши. Вы поняли?

– Я запрещаю вам разговаривать со мной таким дерзким тоном! Я – комендант аэродрома.

– Ну и что! Что вы хотите сделать?

[45] Имеется в виду обычная посадка с выпущенным шасси.

– Вы находитесь под арестом. Немедленно следуйте за мной в канцелярию.

– Отлично, это замечательно. У вас все еще есть канцелярия, а? Вы не понимаете, как вам повезло. В Трапани бомбы превратили все задания на аэродроме в клубничный джем.

Я снова разразился смехом. Человек подошел ко мне и, заметив мою лейтенантскую нашивку[46], внезапно успокоился:

– Мне жаль, товарищ.

– Бросьте, «товарищ». Все, чего я хочу, так это чтобы меня оставили в покое.

Вытащив из кабины свое имущество, я зашагал в темноту. Пересекая взлетно-посадочную полосу, я бормотал сам себе: «Проклятый аэродромный кретин!»

Пройдя лишь несколько метров, я вернулся к своему «ящику» и в качестве сувенира снял с приборной панели ключ зажигания. Мой добрый старый «стодевятый» имел жалкий вид. Теперь я был рыцарем без коня. Не думайте, что только люди имеют душу. Самолеты тоже имеют ее. Вы испытываете настоящую привязанность к своему самолету, и он благодарен вам за внимание, которое вы оказываете ему. Он радуется вместе с вами, реагирует на малейшее ваше движение, пикирует, когда необходимо, летит сквозь облака, набирает высоту, изрыгает огонь и пламя в воздушном бою, энергично разворачивается, чтобы уберечь своего пилота от вражеских очередей, и спасает его жизнь по несколько раз в день. Но теперь он мертв и стал лишь кучей замысловатых железок, гнутых панелей и отдельных узлов.

Возможно, завтра ковровая бомбардировка уничтожит его. И от самолета не останется ничего, кроме нескольких кусков алюминия, обрывков проводов, двух или трех головок цилиндров, сломанного винта и остатков краски, которой был окрашен его фюзеляж.

«Мессершмитт-109». Некогда самый скоростной истребитель в мире, ныне ты лишь цель для противников. Из-за серии последовательных модификаций, нарушивших твой внешний вид, пилоты окрестили тебя «сковородой с ручкой». Тебя постоянно усовершенствовали, добавляя все новые приспособления, но твой «живот» был слишком мал, чтобы «переварить» их. Новые устройства вызвали появление первых «шишек»[47], которые уничтожили твои обтекаемые линии. Теперь ты напоминаешь шестнадцатилетнюю девушку, съевшую слишком много взбитых сливок, а каждый знает, что объевшийся человек не может быстро бегать. Это именно то, что произошло с тобой. «Шишки» вызывают слишком большое сопротивление воздуха, и именно поэтому ты так легко «задыхаешься», но все еще можешь лететь со скоростью 500 км/ч. Правда, ты еще в 1939 г. достиг этой скорости. С тех пор ты не стал быстрее, а только тяжелее, и если ты все еще преодолеваешь 500 км/ч, то лишь потому, что любишь своего пилота.

Такой мысленный монолог я произносил, пока зигзагом от одной бомбовой воронки к другой шел к зданию, чьи неясные контуры были видны впереди. Тот аэродромный малый пропал. Арест отменяется. Больше всего я хотел найти какой-нибудь кров над головой и узнать, что случилось с моими товарищами. Добравшись до канцелярии, я увидел нескольких пехотинцев и спросил первого же из них, не знает ли он чего-нибудь о моей группе.

– Мне сказали, что здесь должны были перегруппировываться истребители. Именно поэтому я здесь приземлился, – сказал я.

– Кто вам сказал это?

– О, какой-то штабной тип на западе Сицилии.

– Мы ничего не знаем об этом.

– Хорошо, но где же мне искать свою группу?

[46] Поскольку ношение погон на комбинезонах летного персонала люфтваффе не предусматривалось, звания пилотов обозначались специальными нарукавными нашивками. Одна узкая полоска указывала на звание лейтенанта.

[47] Имеются в виду выпуклые обтекатели в верхней части фюзеляжа перед кабиной, отличавшие Bf-109G от предыдущих модификаций. Благодаря им этот истребитель в люфтваффе прозвали «Beule», то есть «шишка».

– Я знаю не больше вас. Во всяком случае, ясно одно: это не здесь. Завтра утром в Неаполь вылетит «Юнкерс-52». Почему бы вам не отправиться на нем и не узнать о своей главной базе в штабе?

– Неплохая идея. Приберегите для меня место; но сейчас скажите, где я могу провести ночь?

– До вчерашнего дня в секторе номер шесть был барак, предназначавшийся для пилотов, но я не знаю, существует ли он еще. Приблизительно два с половиной часа назад на аэродром был налет. С тех пор я не высовывал свой нос наружу. Если барак все еще стоит, вы там найдете пилота «Юнкерса». Взлетно-посадочная полоса будет восстановлена к завтрашнему утру. Мы будем работать всю ночь.

Я шел по аэродрому, осматриваясь вокруг в поисках славного сектора номер 6. Каждый солдат, которого я встречал, указывал мне противоположное направление. Один из складов был в огне. Несколько итальянских солдат рылись в его развалинах, наполовину уничтоженных огнем, в поисках консервных банок с продовольствием. Наконец, измученный поисками, я направился к дому, у которого была даже дверь, вошел и представился:

– Добрый вечер. Я хотел бы где-нибудь поспать.

Я оказался лицом к лицу с майором, с которым перед этим поругался, смотревшим на меня с ненавистью. Бросив парашют на стул, я сел на табуретку, зажег свою трубку и начал курить.

Несколько мгновений спустя я обратился к майору:

– Тридцать минут назад вы несколько раз спрашивали о моем имени. Хорошо, я – лейтенант Хенн, 6-я эскадрилья 51-й истребительной эскадры.

Человек, казалось, смягчился и сказал мне:

– Нервы у вас были на пределе, и боюсь, что и я потерял контроль над собой. Ну а теперь, только между нами, почему вы приземлились?

– Потому что у меня не осталось топлива, и я не мог лететь никуда дальше.

– Почему вы не сказали об этом прежде?

– Я думал, что вы поймете мой намек. Тот факт, что я сел с убранным шасси, должен был послужить достаточным объяснением.

– Хорошо, тогда все в порядке. Давайте больше не будем вспоминать об этом. Вы отобедаете со мной?

– Это первое разумное предложение, которое я услышал с момента посадки. Что мы будем есть?

– Все, что нам оставили бомбы.

Проглотив последний кусок, я отыскал раскладушку, улегся и попытался заснуть. Несмотря на все усилия, я продолжал бодрствовать, терзаемый мыслями.

У нас оставались еще четыре машины, когда «Крепости» бомбили аэродром Трапани. Где они теперь? Разнесены на части. Выведены из строя. Где Герберт, командир группы и его ведомый? В Кротоне, где мы должны были встретиться, я был один. Возможно, остальные не смогли приземлиться в Реджо из-за состояния летного поля. Я был последним взлетевшим, но стал первым прибывшим сюда. Хватило нескольких дней, чтобы истребительная группа, включавшая тридцать четыре машины, была уничтожена, разнесена на части бомбами и пулеметными очередями. И все же мы практически не понесли потерь в воздухе; потери были вызваны бомбежками. «Ящики» были уничтожены на земле, а пилоты рассеяны. Немецкие истребители были разбиты на земле, а не в воздухе.

На следующее утро я забрался в «Юнкерс», который доставил меня в Неаполь. Как только мы прибыли, я стал ходить из канцелярии в канцелярию, задавая каждому один и тот же вопрос. Каждый раз мне давали один и тот же ответ: «51-я эскадра? Ничего не знаем о ней. Никто не сообщал нам о ней».

Запрыгнув в транспортный самолет, я полетел в Фоджу. Мне сказали: «Летите и поищите там. Возможно, они знают, что случилось с вашей группой».

Я достаточно уже наигрался в эту игру в прятки, перелетая с аэродрома на аэродром, со стационарного аэродрома на запасную взлетно-посадочную полосу. Зная, что «Лайтнинги» имеют огромный радиус действия, я предпочитал сидеть в задней части фюзеляжа, чтобы следить за возможным появлением вражеских самолетов. Для них было бы детской забавой сбить «Юнкерс». Я не знаю ничего более неприятного для пилота, чем встретиться с ними. «Юнкерсом» управлял молодой фельдфебель, который, прежде чем мы взлетели, спросил меня:

– Сколько у «Лайтнинга» пушек?

– Четыре или шесть, в зависимости от модификации, все они спаренные[48]. Первой же короткой очередью вас может обдать великолепным «дождем».

Теперь он скользил над гребнем Апеннин, прижимаясь к каждой впадине. Я не мог не подумать, что он, должно быть, чертовски напуган. Для безопасности он снижался в каждую долину, летя зигзагами из страха быть замеченным вражеским истребителем. На наше счастье, у «Лайтнингов» на Сицилии, кажется, был полуденный отдых.

Американцы имели огромное преимущество над нами. В течение нескольких недель они бомбили окружающую местность, оставляя после себя одни развалины, а затем повсюду внезапно установилось спокойствие. В любом случае люфтваффе утратили инициативу в воздухе. Начиная с Туниса союзники достигли ужасающего численного превосходства в воздухе, с которым мы не могли бороться.

Я вздохнул с облегчением, когда мы приземлились в Фодже. Удача была на моей стороне, поскольку первая же группа солдат, с которой я столкнулся, принадлежала к одному из подразделений наземного персонала 51-й эскадры. Они были уже несколько месяцев в Фодже и проводили время, напиваясь красным вином. Старина Закс, командовавший подразделением, встретил меня с распростертыми объятиями. На мой первый же вопрос он пожал плечами.

– Я понятия не имею, где могут быть наши «птички», – ответил он. – Они должны быть или в Лечче, или еще где-нибудь на «пятке сапога»[49]. Для вас было бы лучше самому полететь и посмотреть.

– На чем?

– Что за вопрос. У нас в Фодже «Мессершмиттов-109» больше, чем нужно. Пойдите посмотрите на стоянке и выберите один для себя. Я притворюсь, что ничего не вижу.

И действительно, я обнаружил массу «Мессершмиттов» в хорошем состоянии, выстроенных в линию, которые совершенно спокойно ожидали следующей ковровой бомбардировки. В Трапани мы были бы на седьмом небе, имея все эти «ящики». И все это время ангары в Фодже не вмещали новые машины, прибывавшие из Германии!

– Хорошо, Закс, но когда я думаю, что мы с Гербертом вдвоем атаковали 120 «Крепостей», а у вас тут пылятся 150 самолетов, ожидающих отправки, возникает вопрос: почему вы не направили их нам, когда еще было время?

– Послушайте, Хенн. Мне теперь все до лампочки. Я еще в Первую мировую научился не думать. То, что происходит сейчас, превосходит все пределы идиотизма. Бюрократизм одержал победу. Таким образом, я просто выполняю распоряжения. Если бы вы знали, сколько штабных офицеров в Фодже приходится на одну вашу задницу. Судя по количеству кабинетов, война здесь должна уже была закончиться.

Я проворчал что-то невразумительное и забрался в «стодевятый». Спустя четверть часа я был в Лечче. Я обнаружил там истребительную группу, но, наученный опытом, воздержался от каких-либо вопросов и отправился с рапортом к ее командиру.

[48] Фактически вооружение истребителя P-38 включало одну 20-мм пушку и четыре 12, 7-мм пулемета.

[49] «Сапог» – прозвище Апеннинского полуострова, который действительно своей формой напоминает сапог на высоком каблуке. Соответственно «пяткой сапога» называют часть провинции Апулия в районе Таранто – Отранто – Бриндизи.

– Подождите немного. Я попытаюсь выяснить, где находится ваша группа. Мне кажется, что она должна быть около Бриндизи. Я думаю, что встречал вашего командира группы и командира 6-й эскадрильи. Я не могу вспомнить, было ли это вчера или позавчера. Летите и посмотрите сами, и, между прочим, передайте им от меня привет.

– Спасибо. Я сразу же отправлюсь. Как называется аэродром?

– Сан-Вито-деи-Норманни[50].

– Несомненно, исторический памятник.

Я взлетел. Как только я сел на новом аэродроме, один из механиков сказал мне:

– Ваш командир здесь. Он разговаривает с нашими на другом конце аэродрома.

Не выходя из самолета, я порулил к другому концу взлетно-посадочной полосы, выключил двигатель и выбрался наружу. Откинув полог палатки, я встал по стойке «смирно» и доложил:

– Лейтенант Хенн прибыл из Салеми.

Старик и Герберт были изумлены.

– Откуда вы, Петер?

– Я весьма ясно сказал вам. Из Салеми.

– Это невозможно.

– Однако это правда.

– Но ваш «ящик» был разбит.

– Как бы там ни было, я взлетел и с тех пор искал вас по всей Италии.

– Отлично, я…

Старик вскочил и так сильно хлопнул меня по спине, что едва не свалил с ног.

– Все, хватит. Мы втроем отправляемся в Германию. Я пресытился Италией. Мы должны пройти переформирование в Нойбиберге[51], около Мюнхена. Мой ведомый уже выехал туда. В настоящее время наземный персонал из Каза-Цеппера плывет по морю где-то между Сардинией и Ливорно. Они прибудут домой через Бреннер[52]. В нашей группе трое офицеров, и это больше, чем ей требуется сейчас. Что касается остальных, то они где-то в Италии, но я не имею представления где. Центры перегруппировки предупреждены, и они будут направлять пилотов в Нойбиберг. Поднимайтесь, парни, сворачиваем лагерь; эта штука продолжалась достаточно долго. Все наши машины уничтожены в Реджо. Едва мы приземлились, как вниз дождем посыпались бомбы. С тех пор мы скитались по каменистым дорогам, словно апостолы. А где ваша «желтая двойка», Хенн? На летном поле?

– Нет, в Кротоне. Это все, что осталось от нее, – сказал я со смехом, достав из кармана ключ зажигания.

– Разумно, Хенн. Как бы там ни было, в Мюнхене не будет так жарко. У нас найдется время побездельничать, пока мы будем ждать переформирования группы. Знаете, что это означает? Отпуск, парни. Хорошая кровать, чтобы выспаться, и девица, чтобы подоткнуть одеяльце. Восхитительная жизнь!

Глава 3. Первые сомнения

Три человека избежали бойни. Мы ехали поездом в Мюнхен – это сутки пути. Сначала каждый из нас спокойно сидел в своем углу, молча разглядывая из окна проплывающий мимо пейзаж: Везувий, Рим, Тоскана, долина По и Бреннер. Мы были уставшие, измотанные, безразличные ко всему и, прежде всего, ужасно разочарованные. Первым нарушил тишину

[50] Сан-Вито-деи-Норманни – городок в 19 км западнее Бриндизи.

[51] Нойбиберг – городок, ранее располагавшийся около юго-восточной окраины Мюнхена. Ныне находится в городской черте.

[52] Бреннер – название перевала в Тирольских Альпах на границе между Италией и Австрией.

командир нашей группы, он сказал со злостью:

– Вы знаете, что я слышал? Командир истребительной группы, базировавшейся в Трапани, был срочно вызван в Берлин, непосредственно к Герингу. Его отчитали словно новичка. Жирный Герман был в дикой ярости от того, что истребители не смогли выполнить поставленной задачи на Сицилии. «Мне жаль, что с вами там не разделались, – ревел он. – Я не буду больше посылать вам подкрепления, потому что вы – кучка трусов. Неспособные сбивать врага в воздухе, вы позволяете уничтожать себя на земле словно кроликов!!!» Ирония всего этого состояла в том, что офицер, прибывший прямо с Сицилии, точно знал, что там происходило.

– Несомненно, что он так и не раскрыл рта. Клянусь небесами, он был в достаточно хорошем положении, чтобы знать, что сказать. Мне смешно, когда я представляю их лица, когда мы доберемся до Нойбиберга, и вместе с вами двоими я доложу: 2-я группа вернулась из вылета. Вы сможете увидеть, какой прием ожидает нас. Только скажите мне, что еще мы могли сделать? Сколько вылетов вы совершили, Хенн?

– Всего пять. Один против «Крепостей» в районе Мариттимо; остальные против «Лайтнингов» над Кальтаджироне, Марсалой и Палермо.

– Довольно скудный список.

– Я не мог летать больше, чем летал. Мой двигатель держался до конца, я поднимался в воздух каждый раз, когда мне приказывали.

– А сколько вылетов у вас, Герберт?

– О, приблизительно дюжина.

– Столько же и у меня[53]. Наши потери составили тридцать четыре машины. Что же касается побед, то сколько мы прибавили к нашему счету?

– Три.

– А скольких пилотов потеряли?

– Мы все еще не знаем. Нужно дождаться, пока все прибудут в Нойбиберг.

– Я знаю, но сколько приблизительно?

– Возможно, всего десять, – ответил Герберт.

– Славная картина. Три сбитых вражеских самолета, дюжина собственных потерь и тридцать четыре самолета группы, превращенных в металлолом. Хорошее круглое число. Я вам скажу кое-что: как только я вернусь, держу пари, меня понизят в должности.

– Не говорите ерунду. Кто, по-вашему, примет командование над группой? У кого есть необходимый опыт? Вы не должны задумываться на этот счет.

– Хорошо, в нашей группе соотношение побед к материальным потерям – один к десяти. Каждый знает, что, когда американцы нападают сотнями «Крепостей», мы поднимаем в воздух десять несчастных самолетов. Такова ситуация. Интересно, изменится ли она когда-нибудь?

Его вопрос остался без ответа. Снова наступила тишина. Я просто покачал головой и продолжил смотреть в окно вагона.

Неожиданно Герберт воскликнул:

– Если дела будут идти так же, то я предвижу очень мрачное будущее! Союзники полностью выбьют нас из воздуха.

– У меня меньше опыта, чем у вас, – произнес я с сомнением, – но я думаю, что есть и другие причины, кроме нашей меньшей численности. Против нас как численное, так и техническое превосходство. Мы, несомненно, должны продолжать сражаться, но Ме-109 устарел. Два года назад, в Африке, пилот подобный Марселлю мог сбить шестнадцать «Спитфайров» в течение одного дня[54]. По всеобщему признанию он был асом, но

[53] В течение 10 июля 1943 г. истребители II./JG51 трижды поднимались в воздух, а 11 и 12 июля – по девять раз.

[54] Ханс-Иоахим Марселль был самым результативным пилотом люфтваффе, действовавшим против союзников в Северной Африке. Он совершил 388 боевых вылетов и одержал 158 воздушных побед. В том числе

интересно, смог бы он повторить свой подвиг сегодня? Нет никакой тени сомнения в том, что наши враги не только имеют ту же квалификацию, что и мы, но и превосходят нас. Это, в дополнение к нашей малой численности, еще одна причина трудностей, с которыми мы сталкиваемся в ходе боев. Вы очень редко можете сбить четырехмоторный бомбардировщик во время своего первого вылета. Удивительно, как много эти «ящики» могут выдержать. Наша машина, получив лишь половину тех попаданий, была бы сразу сбита. Сбить «Крепость» или «Либерейтор», имея два крупнокалиберных пулемета и одну 20-миллиметровую пушку – это высший пилотаж. Вы, «старики», можете сделать это, если необходимо, но молодежи остается лишь болтаться в их воздушных потоках; по вам бьют со всех сторон, а вы должны как можно лучше прицелиться под массированным огнем пулеметов. Вы должны приблизиться к цели на дистанцию 150 метров, если хотите изрешетить ее, а тем временем они могут это сделать с вами с 2000 метров. Я делал все, что мог, но еще не освоил этот трюк. Два или три захода на бомбардировщики, и ваш боекомплект на исходе, принимая во внимание, что «Крепости» продолжают стрелять как ни в чем не бывало.

– Это просто потому, что вы плохой стрелок, Хенн.

– Возможно, или потому, что я не имел достаточной практики. Я не единственный. Остальные новички тоже стреляют мимо цели. В любом случае, сколько из опытных пилотов способны приблизиться к бомбардировщику, хладнокровно нажать на кнопку и отправить его в штопор? Вы должны целиться всей своей машиной. Хвостовой бортстрелок бомбардировщика, сидящий в турели, имеет автоматизированный привод. Он может поймать несчастный истребитель в свой прицел на дистанции 1500 метров. Его пулеметная лента 30 метров длиной. Он может спокойно жать на кнопку, в то время как мы способны ответить лишь 150 снарядами[55]. Три ствола против четырех на стороне противника[56]… 120 «Крепостей», летящих в плотном строю, против двух истребителей. Прелестная разница.

– Вы забываете одну вещь, – вмешался Герберт. – Хвостовой бортстрелок немеет от страха, когда видит приближающийся «стодевятый». Я не хотел бы поменяться с ним местами. Для нас бортстрелок неподвижная мишень, тогда как мы можем бросить самолет в сторону, если его огонь подберется к нам слишком близко. Он привязан к своему месту, мы – нет. Он выполняет неблагодарную работу.

– Я соглашусь с вами, если есть сразу несколько «Мессершмиттов», а не один-единственный. Было бы не слишком плохо посылать по два истребителя на бомбардировщик, чтобы сбить его. Помните, как вы и я над Мариттимо атаковали 120 «Крепостей»: 1440 стволов против четырех пулеметов и двух пушек. Хотите, чтобы я вычислил пропорцию?

– Вы слишком много думаете, Хенн, – прервал меня Старик. – Вы решаете и вычисляете все дни. Никто не просит вас об этом. Все, что вы должны делать, это стрелять, нажимать на свою кнопку словно сумасшедший и ни о чем не думать. Вы должны быть быстрее врага и первым открывать огонь… Тогда вы сможете увидеть его падение. Я, как и

в течение 1 сентября 1942 г. в ходе трех боевых вылетов в район Эль-Аламейна он, согласно данным люфтваффе, сбил 17 британских самолетов: по восемь «Харрикейнов» и P-40 и один «Спитфайр». Командир 3./JG27 гауптман Марселль погиб 30 сентября 1942 г., когда в ходе боевого вылета в район Эль-Аламейна на его Bf-109G-2 неожиданно загорелся двигатель. Марселль смог дотянуть до своей территории и на высоте около 200 м покинул кабину, но, ударившись о хвостовое оперение падающего самолета, получил смертельную травму головы.

[55] Bf-109G-6 был вооружен 20-мм пушкой MG151 с боезапасом 200 снарядов и двумя 13-мм пулеметами MG131 с боезапасом по 300 патронов.

[56] Вероятно, автор имеет в виду, что хвостовая огневая точка включала четыре пулемета. Однако американские бомбардировщики B-17 «Flying Fortress» и B-24 «Liberator» имели в хвосте один спаренный 12, 7-мм пулемет, лишь на английских четырехмоторных бомбардировщиках Avro «Lancaster», преимущественно выполнявших ночные налеты, в хвостовой башне был установлен счетверенный 7, 7-мм пулемет.

вы, знаю, как обращаться с логарифмической линейкой, когда хочу доказать, что ситуация безнадежна, но, в отличие от вас, я ни о чем не думаю, когда атакую противника. Я набрасываюсь на него. Это граница моих рассуждений. Сбить его так или иначе. Не имеет значения как, пока вы не преуспеете в этом, и порой я добиваюсь успеха.

– Иногда, но не всегда, – вздохнул Герберт.

– Это не имеет никакого значения. Когда-нибудь придет и моя очередь, и это будет доказательством того, что враг прицелился лучше меня. Тогда все закончится. Это однажды случится. Вот так-то!

Я продолжил спор:

– Возможно, мы могли бы действовать другим способом.

– Что вы имеете в виду? – спросил Герберт.

– Я, в частности, думаю о 150 «Мессершмиттах-109», все новые машины, которые сейчас стоят на аэродроме Фоджа под охраной пехотной роты. Мы могли бы использовать их. В теории, когда пилот сбит и ему повезло выжить, он спустя пять минут может сесть в новую машину. Вместо праздного стояния в Фодже, эти «шишки» добились бы большего успеха в Трапани, Салеми или в другом месте. Если бы только мы имели их. Мы должны были лишь сесть в них и запустить двигатели. Вместо этого мы ждем, когда очередной дождь бомб уничтожит их на земле. И мы трое едем в Германию, в то время как 150 пригодных к полетам самолетов находятся в Фодже. Вы понимаете это? Для меня это просто…

– Вы бы лучше помолчали, Хенн. Мы не знаем, кто сидит в соседнем купе.

– Что вы подразумеваете? – спросил я, уставившись на Герберта. – Что я сказал? О да, конечно. Подрывные разговоры против армии. Мятеж. Давайте держать наши рты закрытыми и продолжать летать до самой победы.

Старик не прерывал меня, позволяя говорить. Я посмотрел на него краем глаза и сильно смутился, словно школьник, пойманный с банкой варенья. Я открыл свой портфель и сделал вид, что ищу какой-то документ. В этот момент он произнес:

– Скажите мне, Хенн. Откуда вы знаете о 150 «Мессершмиттах» в Фодже?

– Так мне сказал Закс. Я украл один из них, чтобы добраться до Лечче, но никто не заметил этого.

Командир группы встал и заложил руки за спину.

– В чем мы нуждаемся, так это в новом и более быстром самолете. «Стодевятый» устарел. Что с реактивными самолетами Вилли Мессершмитта, которые достигают скорости звука? Разве вы не слышали о них? Это будет настоящая работа. Очевидно, они сейчас испытываются. Если бы мы имели их в Трапани, то какую резню мы могли бы устроить.

– Могли иметь, – заметил я. – Да, вот именно могли. Испытательный аэродром Рехлин на другом конце Германии[57]. Там у них свои несчастья. Вы когда-нибудь слышали о славном «Мессершмитте-210»? Это было потрясающее фиаско. Первоначально этот двухмоторный «ящик» достигал той же скорости, что и «Лайтнинг». Предполагалось, что он будет даже быстрее. Конструкторы направили опытный образец в Рехлин, где его осмотрели чиновники. Сначала были крики восторга, а затем у высокопоставленных инженеров возникла сомнительная идея относительно размещения в хвосте машины дистанционно управляемых огневых точек. Они принялись за работу, не подумав об ухудшении качеств самолета. Двойное хвостовое оперение «двухсотдесятого» было заменено огромным килем. Сектор огня был увеличен, но машина утратила устойчивость[58]. По любому пустяку она

[57] Испытательный центр люфтваффе находился около поселка Рехлин, в 44 км юго-западнее Нойбранденбурга.

[58] Действительно, проект Ме-210 первоначально не предусматривал дистанционно управляемых огневых точек. Однако замена двухкилевого хвостового оперения, как у его предшественника Bf-110, на однокилевое с огромным рулем направления не была вызвана их установкой. Решение о замене было принято после того, как первый испытательный полет прототипа Ме-210V-l, состоявшийся 5 сентября 1939 г., едва не закончился катастрофой сразу же после взлета. Самолет продемонстрировал крайне плохую управляемость, а также слабую

сваливалась в штопор. Ее переработали в многоцелевой самолет, пикирующий бомбардировщик, разведчик, штурмовик и легкий бомбардировщик, тогда как она проектировалась как истребитель[59]. Они вернули опытный образец из Рехлина на завод «Мессершмитт» в Аугсбурге. Помните, что этот «двухсотдесятый» в то время был самым быстрым двухмоторным самолетом в мире. Теперь в него пихали различные штуки: однотонную бомбу, автомат для бомбометания с пикирования, автопилот, бронезащиту и дополнительные топливные баки[60]. Самолет становился все медленнее и медленнее. Конструктор не воспринимал это всерьез, потому что это, должно быть, стоило ему больших денег. Сотрудники рейхсминистерства авиации, занятые закулисной борьбой, знают об этом лучше. Фюзеляжи этих «двестидесятых» снова были демонтированы. Их удлинили на метр, чтобы придать большую устойчивость[61], после чего самолеты послали в Тунис[62]. Были посланы все шестьсот. Геринг тогда сказал: «Тем лучше. Мы израсходуем их». Он был прав. Их истратили, а вместе с ними и их пилотов. Дистанционно управляемые огневые точки так никогда и не использовались, а двигатели никогда не развивали мощность свыше 1450 лошадиных сил. «Лайтнинги» сбивали их, словно мух, от Орана до Алжира и от Алжира до Туниса[63]. Ныне Мессершмитт спроектировал другую машину, которая известна как Ме-410. Никто не должен забывать этого. И командир группы, и Герберт молчали. Я чувствовал, что они оба, по существу, согласны с моими доводами, но ни один из них никогда не говорил так искренне, как только что сделал я.

Глава 4. «Мои истребители – кучка трусов»

В Мюнхене царило абсолютное спокойствие. Нам дали заслуженный отпуск на три дня, пока остальная часть группы присоединилась к нам. Мы были пополнены до штатной численности. К счастью, наши потери были не столь тяжелыми, как мы сначала опасались. Что же касается самолетов, то они прибывали в больших количествах – казалось, сами собой вырастали на аэродроме Нойбиберг.

Пилоты нашей группы постепенно восстановили свою уверенность, оправившись от потрясения, испытанного нами на Сицилии. Дни проходили монотонно – тренировочные

продольную и поперечную устойчивость. Конструкторы посчитали, что причиной этого была малая площадь рулей двухкилевого оперения, и потому решили заменить его.

[59] Это неверно, поскольку изначально Ме-210 проектировался как многоцелевой самолет. По своему основному назначению он был тяжелым истребителем, но должен был иметь возможность после оснащения в полевых условиях дополнительным оборудованием действовать в качестве пикирующего бомбардировщика, штурмовика или разведчика.

[60] В действительности проект Ме-210 с самого начала предусматривал бомбовую нагрузку в 1000 кг, и в фюзеляже имелся бомбоотсек, рассчитанный на две 500-кг фугасные бомбы. Затем в мае 1941 г. было решено обеспечить подвеску в бомбоотсеке одной 1000-кг бомбы. Для возможности сброса бомб с пикирования на самолет начали устанавливать тормозные решетки и автомат пикирования, обеспечивавший его вывод из пике.

[61] Для улучшения управляемости Ме-210, на которую негативно влияли турбулентные потоки, образуемые винтами и формой кабины, хвостовую часть фюзеляжа весной 1942 г. полностью перепроектировали. Ее диаметр увеличился, а длина увеличилась на 0, 9 м. Из-за этого максимальная скорость самолета снизилась до 560 км/ч, но управляемость улучшилась. Подобной переделке подверглись около 450 серийных Ме-210, которые успели собрать к этому времени.

[62] Фактически Ме-210 начали использовать в боевых частях люфтваффе начиная с ноября 1941 г.

[63] Имеются в виду города Алжир и Тунис, бывшие тогда центрами французских колониальных владений в Северной Африке. Трудно сказать, чем руководствовался автор, говоря, что Ме-210 «сбивали словно мух». Несмотря на потери, группы и эскадрильи, оснащенные этими самолетами, неплохо показали себя в боях как в Северной Африке, так и затем над Европой.

полеты в строю, учебные стрельбы и обучение новичков.

В один прекрасный день командир произнес речь:

– Если мы будем продолжать в таком духе, то вражеские четырехмоторные бомбардировщики уничтожат нас. В Лехфельде[64] базируются бомбардировщики. Вместе с их командиром я разработал план, который поможет нам в подготовке. «Хейнкели-111» будут играть роль атакуемого соединения. Они будут лететь в таком боевом порядке, что и «Крепости». Таким образом, мы сможем ознакомиться с различными методами атаки: сзади, снизу и сверху, сбоку и, прежде всего, спереди. Вы увидите, что атака со стороны носовой части бомбардировщика – это идеальное решение. Его пилот не сможет миновать наших очередей, если мы будет атаковать в боевом порядке группы. Это – ахиллесова пята больших бомбардировщиков. Спереди у них лишь два пулемета. Мы спикируем на них звеньями по четыре истребителя, летящих крылом к крылу, на скорости 635 километров в час. В этот момент лидирующий бомбардировщик будет иметь у себя перед носом двенадцать стволов, в то время как у него самого лишь два ствола. Боевой порядок «клин», принятый американцами, подразумевает, что лидер плохо защищен машинами, следующими за ним. Поэтому если мы собьем лидера, то сможем одним ударом уничтожить единственного человека в их соединении, способного вывести его к цели[65]. Остальные будут летать кругами, не зная, где сбросить свои бомбы. Поэтому сейчас есть только одна тактика. Атака с фронта.

Мы практиковались в полетах в группе, кружа над Мюнхеном и его окрестностями. Однажды мы провели генеральную репетицию. Появилась группа «Хейнкелей» из тридцати машин. Ее «атаковали» две группы истребителей, состоящие из восьмидесяти «Мессершмиттов-109». Я летел в составе своей эскадрильи, замыкавшей круг, который мы описывали вокруг бомбардировщиков. Четыре машины 4-й эскадрильи ринулись в «атаку», слегка растянувшись во время пикирования. Истребители, выстроившись в боевой порядок, один за другим начали набирать высоту лишь непосредственно перед бомбардировщиками. Первый пилот промчался над группой бомбардировщиков.

Второй и третий последовали за ним. К сожалению, четвертый пилот, который держался слишком близко к самолету ведущего, не успел вовремя уйти вверх. На скорости 970 км/ч[66] он врезался в лидирующий бомбардировщик.

Возникла вспышка, огненный шар со столбом сине-черного дыма поднялся в небо. Во все стороны полетели куски металла. Это было все, что осталось от «Мессершмитта» и «Хейнкеля». Позднее было невозможно идентифицировать ни один их фрагмент. От пяти летчиков – четырех членов экипажа бомбардировщика и пилота истребителя – буквально не осталось следа. Несколько дней спустя в различных частях Германии в землю были опущены пять гробов, в каждом из которых лежал лишь мешок с песком.

Когда мы приземлились, командир группы вызвал всех нас в комнату для инструктажей.

– Теперь вы сами видели, что нужно делать и чего избегать. Я повторяю еще раз: начиная атаку и приближаясь к противнику, определите свой угол атаки и быстро уходите вверх, чтобы выйти на один уровень с целью, а затем снова набирайте высоту, чтобы пройти над бомбардировщиками. Иначе будет столкновение, как произошло сегодня.

Тренировки продолжились, но теперь уже без помощи бомбардировщиков. Группа против группы, пилот против пилота, истребитель против истребителя.

[64] Лехфельд – аэродром, располагавшийся в 20 км южнее Аугсбурга.

[65] Как показывала практика, это было не совсем так. Обычно место сбитого лидера занимал бомбардировщик, принадлежавший старшему по званию пилоту и имевший в экипаже опытного штурмана. Этот самолет и вел далее все соединение, и давал ему сигнал на сброс бомб.

[66] Имеется в виду суммарная скорость столкнувшихся самолетов.

Затем произошло сражение в небе над Швайнфуртом – самое крупное за всю историю воздушных боев над территорией Германии. Воодушевление било через край. Мы праздновали победу, а о числе сбитых нами самолетов объявлялось во всеуслышание. Геббельс надрывался о том, что это был самый большой успех, достигнутый противовоздушной обороной рейха. С другой стороны, никак не упоминался тот факт, что наша оборона понесла тяжелые потери, пострадала не меньше, чем нападавшие, которые выставили против нас 1000 сильно вооруженных «Крепостей», не имевших истребительного прикрытия[67]. Это был первый большой налет на Германию[68].

Потом состоялся налет на Регенсбург[69]. Ковровая бомбардировка уничтожила завод, где собирались наши истребители. Мы были поставлены в затруднительное положение. Появился слух, что в дополнение к заводу в Регенсбурге бомбы уничтожили сборочную линию реактивных самолетов Ме-262[70], которая в то время была единственной в Германии. Вскоре после этого бомбардировщики, прилетавшие из Северной Африки, нанесли визит в Винер-Нойштадт[71]. Был уничтожен еще один авиазавод. Стратеги люфтваффе пришли в изумление, вычислив расстояние, которое преодолели четырехмоторные бомбардировщики союзников. Стала очевидна следующая вещь – американцы концентрировали свои удары на производственных центрах немецкой авиапромышленности. Наша группа постоянно находилась в движении: один день над Северной Германией, на следующий день – над Веной, чтобы встретить бомбардировщики, вылетевшие из Северной Африки, затем снова над Центральной Германией или над побережьем Северного моря. Пилоты сажали свои поврежденные машины на самых разных аэродромах[72]. Теперь даже в Нойбиберге группа

[67] Имеется в виду дневной налет, состоявшийся 17 августа 1943 г. Фактически в нем участвовали 376 B-17 из 8-й воздушной армии США, которые должны были одновременно атаковать две цели: 146 бомбардировщиков 4-й авиадивизии – авиазавод фирмы «Мессершмитт» в Регенсбурге, а 230 самолетов 1-й авиадивизии – завод шарикоподшипников в Швайнфурте. Однако из-за плохой погоды над Юго-Восточной Англией вторая группа задержалась со взлетом на три часа. Координация между группами нарушилась, и фактически они действовали каждая сама по себе. Это позволило люфтваффе сконцентрировать свои силы: свыше 300 одномоторных и около 200 двухмоторных истребителей, и атаковать каждую группу по отдельности. В результате были сбиты 60 B-17, еще 168 получили тяжелые повреждения, из которых 5 затем разбились уже в Англии, а еще 32 были списаны как не подлежащие ремонту. Немцы же потеряли 25 истребителей, погибли 17 пилотов, 14 получили ранения.

[68] Фактически первый налет на Германию с участием свыше тысячи бомбардировщиков провела английская авиация. В ночь на 31 мая 1942 г. курс на Кёльн взяли 1047 самолетов, из которых около 900 смогли достичь цели и сбросить бомбы. Американские бомбардировщики совершили первый дневной налет на Германию 27 января 1943 г., сбросив бомбы на Вильгельмсхафен, впоследствии число самолетов, атакующих отдельные цели, постоянно возрастало. Так, 14 октября 1943 г. во втором налете на завод шарикоподшипников в Швайнфурте участвовали 266 B-17. Немецкие истребители и зенитная артиллерия сбили 61 и повредили 140 бомбардировщиков. Собственные потери люфтваффе составили 35 истребителей.

[69] Имеется в виду упоминавшийся выше дневной налет 17 августа 1943 г.

[70] Это действительно был не более чем слух. В тот момент Ме-262 еще находился в стадии испытаний, причем в августе 1943 г. из пяти построенных прототипов в пригодном для полетов состоянии был лишь один. Однако летом 1943 г. на авиазаводе в местечке Обертраублинг, в 7 км юго-восточнее Регенсбурга, началась сборка 70 серийных ракетных истребителей Ме-163B, и в ходе налета 17 августа 1943 г. там были уничтожены 11 готовых самолетов.

[71] В этом австрийском городке, в 44 км южнее Вены, располагался завод фирмы «Мессершмитт». 2 ноября 1943 г. его атаковали 112 бомбардировщиков из 15-й воздушной армии США, базировавшейся в Северной Африке. Согласно данным люфтваффе, удалось сбить 16 самолетов, в том числе четыре B-17 были на счету II./JG51.

[72] 14 октября 1943 г. во время отражения налета на Швайнфурт II./JG51 потеряла шесть Bf-109G-6 и еще девять самолетов, получив сильные повреждения, приземлились во Франкфурте и Висбадене. 2 ноября 1943 г. во время отражения налета на Винер-Нойштадт группа потеряла пять Bf-109G-6.

насчитывала лишь приблизительно двадцать пилотов; и хотя по отчетам она имела полную штатную численность, к полетам была пригодна только половина наших машин.

Самолеты таяли, словно снег на солнце. Вражеские бомбардировщики уже больше не нападали исключительно на заводы, выпускавшие истребители. Они теперь сметали перевалочные пункты и базы готовой продукции. Соответственно, когда новая партия Ме-109 покидала сборочные линии, самолеты поступали на аэродром, откуда распределялись по различным подразделениям, согласно их потребности. Едва аэродром заполнялся, на него немедленно обрушивался град бомб, падавших на взлетно-посадочные полосы и стоянки. Как результат, группы должны были ждать месяцы, пока не будет готова следующая партия самолетов. И так это продолжалось и дальше…

В один из дней в Нойбиберг пришло сообщение: «Рейсмаршал собирается проинспектировать 2-ю группу».

Все были выстроены в каре перед штабом командира группы. Чтобы выслушать речь рейхсмаршала, к нам присоединилась еще одна группа.

Около 100 пилотов и более 500 человек наземного персонала провели в ожидании половину утра. Наконец, в одиннадцать часов приземлился «Юнкерс» со штабным вымпелом в носовой части.

В сопровождении группы офицеров всех рангов к нам двинулась фигура в безупречном белом мундире, в красных сафьяновых сапогах и с маршальским жезлом в руке. Человек поднял свой жезл и осмотрел нас. Пилоты формировали левый фланг построения, а наземный персонал – правый. Производя осмотр, Геринг останавливался и говорил несколько слов каждому из пилотов по очереди. Позади него тянулась когорта, включавшая Галланда[73] и целую толпу других «шишек». Я не мог поверить своим глазам. Никто из них не носил свои награды. Даже Геринг отказался от своего Большого командорского креста «За заслуги»[74]. Галланд носил простой китель со стоячим воротником, никаких Железных крестов, никаких дубовых листьев с бриллиантами[75].

На тучной груди Германа мерцали лишь Железный крест и «крылья»[76] пилота. Я посмотрел налево от себя, на офицеров его эскорта. Геринг разговаривал с Гербертом, командиром моей эскадрильи. Затем он подошел ко мне. Держа руку у козырька своей фуражки, словно деревянный солдатик, я отвечал на вопросы, которые он задавал мне. Герман перешел к следующему пилоту.

Я не мог поверить своим глазам и подумал, что, должно быть, слепну или зрение обманывает меня. Герман был накрашен словно проститутка. Он выглядел как одна из них и пах как одна из них!

Я ткнул своего соседа Зиги в ребро:

– Видел?

Зиги сморщил нос, дождался, когда Геринг окажется вне пределов слышимости, и

[73] Адольф Галланд с 28 ноября 1941 г. по 12 января 1945 г. занимал должность инспектора (командующего) истребительной авиации люфтваффе. Он был одним из немногих представителей высшего командования люфтваффе, пользовавшихся уважением и авторитетом среди рядовых летчиков.

[74] Прусский орден, учрежденный королем Фридрихом III как высшая награда за выдающиеся заслуги на поле битвы. Геринг был награжден им 2 июня 1918 г. за свои достижения в качестве летчика-истребителя во время Первой мировой войны.

[75] Имеется в виду Рыцарский крест с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, который до 29 декабря 1944 г. был высшей военной наградой Третьего рейха. Галланд был награжден им 28 января 1942 г. и стал вторым человеком, удостоенным этой награды. Всего же ее получили 27 человек, в том числе 10 пилотов.

[76] Речь идет о Знаке пилота, учрежденном 20 марта 1936 г., на котором изображен орел с распростертыми крыльями, держащий в когтях свастику.

сказал:

– Я знаю – это «Тоска», духи. Ими пользуются «элегантные» женщины.

Не довольствуясь демонстрацией огромного револьвера на поясе, фуражкой гостиничного швейцара с золотой тесьмой на голове и сапогами донского казака на ногах, Герман пользовался женскими духами и красил лицо! Это был последний штрих.

Затем пришло время величественной речи. Мы в зале столовой[77] смотрели во все глаза и внимательно слушали. Через несколько минут Зиги прошептал мне:

– Он оратор, мой мальчик. Этот парень действительно знает, как говорить.

Геринг сразу же перешел в атаку:

– Ребята, я очень рассержен на вас. Вы сбиваете недостаточно вражеских самолетов. Какие оправдания я могу представить нашим соотечественникам из Эссена, Гамбурга и Кёльна, когда они выбираются из своих укрытий, потеряв в ходе бомбежек все, что имели, и носят траур по погибшим? Что я могу ответить их женам, которые спрашивают меня, когда закончится это свинство? Я просто не могу сказать им, что мои истребители – кучка трусов. Четырехмоторные самолеты союзников нужно выгнать из немецкого воздушного пространства. У вас в распоряжении самый быстрый в мире истребитель. Что вы делаете с ним? Вы бежите. Если бы мы имели ваши «ящики» во время Первой мировой войны, то вы увидели бы, что нужно делать с ними.

Я не смог удержаться от мысли, что, возможно, «Мессершмитт-109» в 1917 г. и летал бы словно молния, но притворяться, что эта «сковорода» в 1943 г. была самым быстрым в мире истребителем, это уж слишком.

– Ме-109, – продолжал Геринг, – может развивать скорость 725 километров в час.

Я вздрогнул.

«Ради всего святого, Герман, – подумал я, – кто сказал вам такую ерунду? Человек, который в 1938 г. достиг на «стодевятом» 725 км/ч, пилотировал прототип, оснащенный специальным двигателем, отрегулированным так, чтобы в течение нескольких часов работать на максимальном числе оборотов. После этого двигатель годился лишь на свалку. Это был самый большой обман, который вы когда-либо позволяли себе, Герман. Вы, случайно, не забыли это? Вы должны понимать, что летные характеристики серийных самолетов иные. «Сковорода» никогда не превышала скорость 420 км/ч и в очень редких случаях могла достичь 485 км/ч».

Геринг, казалось, собирался твердо придерживаться «своих» 725 км/ч. Я смог расслышать позади несколько покашливаний. Один из моих соседей, фельдфебель, робко наклонился ко мне и спросил низким голосом:

– Вы верите в это, герр лейтенант?

Я задержал дыхание и надул щеки, чтобы не разразиться смехом, подмигнул Зиги и толкнул его в ребра.

– Что такое эти «Москито»? – продолжал Геринг. – Английские самолеты-разведчики, «жуки-олени»[78]. Если вы побеспокоитесь обследовать сбитые «Москито», то заметите, что они сделаны из трехслойной фанеры и парусины и что они фактически развалины. Разве вы не стыдитесь того, что позволяете им разгуливать вокруг у себя над головами, словно это тренировочный полет над Германией?

Я продолжал размышлять: «Вы допускаете очень серьезную ошибку, Герман. Эти «развалины» приводятся в движение мощнейшими двигателями. Причина, почему «Москито» летают так быстро, в том, что они сделаны из парусины и трехслойной фанеры. Наши радары не могут их быстро засечь, так как только двигатели сделаны из металла.

[77] Под словом «столовая» понималось гораздо больше, чем просто здание с помещением для приема пищи. В нем также были жилые комнаты пилотов, клуб и бар, и в нем летчики проводили большую часть своего свободного времени.

[78] Название одного из самых крупных жуков, встречающихся на территории Европы.

Прежде чем наши посты слежения успеют заметить на своих катодных трубках «Москито», он, по всей видимости, уже исчезнет. С двигателями с компрессорами наддува, спроектированными для работы на больших высотах, ваши знаменитые «Москито» имеют потолок от 9000 до 10 700 метров.

Мы всегда получаем предупреждение о них слишком поздно, и эти «птички» делают свои фотографии с высоты, которой мы никогда не сможем достичь. Кроме того, на этой высоте их обычная скорость между 640 и 675 км/ч. Это именно то, чего мы ждем от ваших знаменитых реактивных самолетов, Герман, и это именно то, чего нам не хватает».

Геринг безмятежно продолжал:

– Вы, вероятно, ждете новые машины, которые вскоре покинут авиазаводы. Вы становитесь самонадеянными. Не обманывайтесь и хорошо вбейте себе в головы: вы закончите войну на Ме-109. Надеюсь, что вы поняли меня.

Это была бессмыслица. Я ничего не мог понять. О какой войне он говорил? Войне в Италии или войне вообще? В обоих случаях дело было плохо.

Я посмотрел на нашего командира. Он с большим вниманием рассматривал свои руки. В зале не было никакого движения.

Мы слушали, но было очевидно, что в душе мы все задавались вопросом, не пытался ли Герман ввести нас в заблуждение. Я мог предположить, что каждый думал: «О чем же, спрашивается, он говорит?» В принципе он должен был быть информирован лучше всех. Геринг говорил нам неправду, и она не выдерживала никакой критики. Что за тип сказал ему подобный вздор, или он действительно пытался заморочить нам головы? Как маршал великого германского рейха, он должен был обдумывать каждое слово, которое произносил. Люди, перед которыми он сегодня выступал, вернулись с Сицилии, а некоторые из них перед этим из Туниса, и они на своем опыте знали, как летают англо-американские самолеты. Мы слишком хорошо знали эффективность их коврового бомбометания и очередей их «Лайтнингов». В его глазах мы были трусами, потому что знали, что янки обладали лучшим самолетом, чем мы сами, который летал быстрее, чем наши «сковороды».

Геринг начал запинаться и побелел, словно лист бумаги. Сидя за столом, покрытым тканью, он нервно вертел в руках машинописный текст. В своей речи он использовал заметки, раскрывавшие основные пункты, которые он хотел развить.

– Ребята, я недавно узнал, что «Либерейторы» сделали разворот над Линдау[79], вместо того чтобы лететь к Аугсбургу, который был их фактической целью. Некоторые сказали мне, что причиной этого отклонения стало изменение погоды. Другие полагают, что причина была в том, что ваша группа сформировала истребительный барьер севернее Боденского озера. Несомненно, что ваше присутствие в воздухе заставило этих господ дважды подумать. Пожалуйста, я готов допустить, что они были напуганы вами. Однако этого недостаточно. Вы не должны играть роль лишь средства устрашения. Вы должны вселить во врага отвращение к полетам в нашем небе.

Очевидно, что мысли Германа и мои собственные далее шли разными путями.

«Будь я на вашем месте, Герман, – подумал я, – то выбрал бы вариант плохой погоды. «Либерейторы» не в первый раз встречают нас в воздухе, и это пока еще ни разу не заставило их отменить свой налет и освободить свои бомбоотсеки».

– Есть еще одна вещь, которую я хочу сказать вам, – продолжил Геринг, повысив голос. – Когда вы летите с дополнительными баками и перехватываете противника, то не ждите, что можете их сбросить. Я знаю, что вы делаете это, так как считаете, что эти внешние баки обременяют ваш самолет и что с топливом под фюзеляжем Ме-109 менее маневренный. Меня это не волнует. В будущем баки будут оставаться там, где они есть. Топливо не должно бесцельно распыляться по небу. В Германии имеется громадная нехватка бензина. В настоящий момент не может идти никакой речи о его растрате. В будущем вы будете выполнять атаки, не сбрасывая свои подвесные баки.

[79] Линдау – город на берегу Боденского озера, в 19 км юго-восточнее Фридрихсхафена.

Моя голова начала кружиться.

«Ради бога, Герман, попытайся быть хоть немного более реалистичным. Одна зажигательная пуля, – а Бог знает, что в бою их летит множество с обеих сторон, – и самолет в мгновение ока может превратиться в пылающий факел. А это станет еще проще, если под брюхом у самолета будет болтаться бак, полный топлива. С тем же успехом можно летать на бочке с горючим и щелкать зажигалкой».

Геринг продолжал говорить в течение трех часов. Все мы почувствовали, как нас обдало ледяным душем, и люди перестали слушать. Он просто осуждал всех подряд. Единственными, кто еще пользовался благосклонностью в его глазах, были летчики-истребители на Восточном фронте – его фавориты. Что же касается остальных – летчиков-истребителей в Германии, Италии или на Западном фронте, – то они не стоили выеденного яйца.

Прямо посередине речи внезапно вошел офицер разведки и возбужденным голосом объявил:

– Герр рейхсмаршал, я обязан доложить вам, что «Москито» направляется к Мюнхену.

– Сейчас мы увидим кое-что, – прошептал Зиги.

Надменно посмотрев на нас, Геринг неожиданно произнес:

– Так, господа, и что мы собираемся сделать с этим?

Повисла длительная тишина.

Наконец наш командир поднялся на ноги:

– Быстрее, мы должны поспешить. Все по местам! Вы, вы и вы. Взлетайте немедленно. Кстати, где «Москито»?

– На 9000 метров над Ульмом. Он движется прямо на нас.

– Хорошо. Как только взлетите, в сомкнутом строю берете курс на Аугсбург и набираете высоту. Вы, Хайнц, берете на себя командование, а вы, Франц, возглавите вторую пару. Как только заметите «Москито», расходитесь. Первая пара зайдет ему в хвост и попробует сбить его. Вторая пара барражирует над Ульмом, чтобы отрезать ему путь отхода и перехватить его.

Геринг не сделал никаких комментариев. Он, вероятно, хотел узнать, как истребительные группы претворяют полученные от него инструкции на практике. Наконец он подал голос:

– Почему четыре «Мессершмитта»? Зачем тратить излишнее топливо?

Командир побледнел, сглотнул и повернулся к Герману.

– Я хотел… – Он запнулся. – Я хотел… так, я собирался принять меры безопасности, герр рейхсмаршал.

– Вы заставляете меня смеяться над вашими мерами безопасности. Вы всегда говорите это. Достаточно двух машин, как и одного курса. Хорошо, продолжайте.

Два пилота выбежали наружу.

– Они никогда не получат этот «Москито», – сказал мне на ухо Зиги.

Я согласился с ним. Несколько минут спустя мы услышали шум взлетающих самолетов. Геринг посмотрел на свои часы и нарушил смертельную тишину:

– Эти двое, кажется, не торопятся.

Возникло всеобщее чувство неловкости. Геринг продолжил свою прерванную речь. Его комментарии теперь были отрывистыми. Он почти что бредил. Я всегда буду помнить эту фразу, которая была особенно тяжела из-за своего двойственного смысла:

– Еще раз, ребята, я должен привлечь ваше внимание к тому факту, что я хочу результатов. Каждого человека, о котором доложат как о трусе, я отдам под суд военного трибунала. Если мы не будем иметь побед в воздухе, то мы проиграем войну.

Наконец, он произнес эти слова. Это было единственное, что он действительно хотел сказать, и все мы знали это. В них была причина его визита. Его лицо было белым, как его мундир, Геринг поднял голову и уставился прямо на нас.

Я не мог сдержаться и прошептал: «Удачи вам, господа».

Никто не шевелился. Можно было бы услышать падение булавки. Мы все говорили сами себе: «Если не случится чуда, если не произойдет радикальных перемен, с нами со всеми покончено».

Зиги бросил ремарку: «Прощайте, парни. Прощай, фатерланд». Я думаю, что его, должно быть, слышали все. Я испугался за него. Геринг поднялся, свита последовала его примеру. Они, наверное, уже знали эту речь наизусть, поскольку, вероятно, слышали, как он произносил ее перед большим числом других истребительных групп. Комендант аэродрома проревел: «Смирно!»

Герман тяжело ступая направился к двери.

В его честь в столовой был устроен банкет. Геринг ел мало, и остальные также демонстрировали небольшой аппетит. Во время беседы Галланд сказал нашему командиру:

– Продолжайте сбрасывать свои подвесные баки при приближении к врагу, как делали это раньше. Но он (Геринг) прав в одном – вы должны сбивать большее число «ящиков». Наша статистика прискорбная. Обломков тех, кого вы собьете, всегда будет достаточно, чтобы сделать новые баки, если мы будет испытывать нехватку в них.

Пожав плечами, он больше ничего не сказал.

Час спустя «Юнкерс» улетел. Немедленно начался гвалт.

– Вы видели? Ни один из них не носит никаких наград. Герман без своего «пасьянса», Галланд без своих дубовых листьев с бриллиантами. Герман носит только старый кайзеровский Железный крест[80]. Какая речь, парни! Теперь я могу понять, почему Адольф велел ему носить награды[81].

Шум был потрясающий.

Ясно, что тот «Москито» так и не был сбит. Но Герман никогда не узнал об этом.

Глава 5. Туман над долиной По

Наша группа выполнила несколько вылетов на перехват соединений вражеских бомбардировщиков. Потери были не слишком многочисленными, но и число самолетов, сбитых нами, не увеличивалось. Речь Геринга приносила свои плоды. Никто не говорил об этом, но впечатление, которое она оставила, не могло так легко стереться из нашей памяти.

Ме-109 продолжали производиться максимально быстрыми темпами. Иногда нам казалось, что сбрасываемые бомбы никогда не смогут выстроить дамбу на пути потока новых машин, которые поступали из подземных сборочных цехов. Летные школы продолжали выпускать новые партии молодых пилотов и направлять их в группы. Как когда-то в 1940 г., в ходе Битвы за Англию, теперь в 1943 г. Германия снова участвовала в воздушном сражении. Хотя до кульминации было еще далеко, после возвращения из каждого вылета каждый говорил сам себе: «Это, конечно, был самый ожесточенный бой, в котором я когда-либо участвовал. Ничего более худшего уже никогда не сможет произойти».

Первоначально союзники посылали на Германию соединения всего из 500 самолетов.

[80] Он был учреждению марта 1813 г. королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III. Железный крест был боевой наградой, и награждение им проводилось только с началом боевых действий, при этом на нем был выбит год начала этой войны. Когда во время Второй мировой войны к награждению Железным крестом представлялись военнослужащие, уже получившие Железный крест в ходе Первой мировой войны, то они получали лишь специальный значок с указанием года начала новой войны, служивший дополнением к «старому» кресту.

[81] В 1943 г. на одном из совещаний Геринг обвинил Галланда и командиров истребительных эскадр в том, что они якобы совершенно необоснованно представляют своих пилотов к награждению Рыцарскими крестами и что это все сплошное надувательство. Галланд, не выдержав такого оскорбления, встал и громко заявил, что полностью верит своим людям, и, сорвав свой Рыцарский крест с бриллиантами, бросил его на стол прямо перед Герингом. Позднее Геринг принес личные извинения Галланду, но, несмотря на это, тот еще в течение полугода принципиально не надевал Рыцарский крест. В конце концов это заметил Гитлер и поинтересовался у своего адъютанта, почему Галланд не носит наград.

Теперь их численность достигала 1000 самолетов. Позднее появились эскадры, включавшие 2000 бомбардировщиков, сопровождаемых дальними истребителями[82]. День за днем, ночь за ночью, в течение целой недели они выбирали в качестве цели один и тот же город, одни и те же военные объекты: нефтеперегонные заводы, Берлин или Пенемюнде[83]. Истребительные группы, выделенные для противовоздушной обороны рейха, метались по небу во всех направлениях. На Южном фронте союзники постепенно захватили «носок» Италии. Другие десанты были высажены в Калабрии[84], Салерно…

В один из дней в Нойбиберг пришло следующее сообщение: «2-я группа должна возвратиться в Италию».

Командир послал за мной.

– Хенн, вы возглавите арьергард. Присоединитесь к нам позже.

Какой подарок фортуны! Я получил разрешение остаться в Мюнхене, в то время как большая часть группы с максимальной быстротой отправлялась в Италию. Мне приказали собрать пилотов, рассеянных по всей Германии, и ждать, пока их машины не отремонтируют. Когда это будет сделано, мы должны будем вылететь в Лавариано[85]. Это был декабрь 1943 г. Я предупредил отсутствующих пилотов по телефону и проводил досуг, наслаждаясь отсрочкой, которую Провидение подарило мне.

Остальные мои товарищи по группе – приблизительно двадцать человек – приземлились на аэродроме Лавариано, около Удине. Каждый день я получал телеграмму. Она неизменно была одного и того же содержания: «Когда вы прибудете?»

Моим неизменным ответом было: «Погодные условия неблагоприятные. Взлет невозможен».

Однажды, когда погода улучшилась, я послал следующую телеграмму: «Здесь прекрасная погода. Как у вас?»

Ответ гласил: «Погода отвратительная. Долина По закрыта туманом. Ждите».

Я ждал.

Каждый раз, когда мы были готовы вылететь из Мюнхена, из Лавариано сообщали нам, что приземление невозможно, и наоборот. Никто сильно не беспокоился, так как приближалось Рождество. Собрав свою группу, я обратился к ней со следующей речью:

– Послушайте, мои мальчики. Те из вас, кто живет в Мюнхене и поблизости от него, получают отпуск. Вы можете оставаться дома до тех пор, пока продолжается плохая погода. Но есть одно условие: вы не должны ничего говорить о том, что мы собираемся в Лавариано. Оставьте мне свои номера телефонов, чтобы я мог связаться с вами, когда будет необходимо. Если небо прояснится, вы должны прыгнуть в поезд и отправиться в Мюнхен. В этом случае мы вылетим приблизительно в полдень.

Была вспышка радости. Меня завалили обещаниями. Скоро я остался один. Странная вещь, даже жители Берлина внезапно обнаружили, что имеют баварских предков.

Я имел в своем распоряжении шофера, дюжину механиков, десяток самолетов, а в своей личной жизни – невесту, которая звонила мне каждый день. Мне все осточертело. Почему я должен был давать другим отпуск, а сам быть привязанным к своему посту? Мы уже не участвовали здесь в боевых вылетах, поскольку теоретически, как предполагалось,

[82] Имеется в виду общая численность всех самолетов, участвовавших в налете, – бомбардировщиков и прикрывавших их истребителей.

[83] Пенемюнде – городок в северной части Узедома, около входа в пролив Пене, отделяющий остров от побережья Германии. Около него располагался исследовательский центр, в котором велась разработка немецкой ракетной техники.

[84] Калабрия – название южной провинции Италии с административным центром в Катандзаро.

[85] Аэродром Лавариано расположен в 11 км южнее Удине.

должны были быть в Италии.

Несмотря на все, день за днем один и тот же женский голос спрашивал меня по телефону:

– Что происходит, Петер? Ты приедешь на Рождество, или мне отправить твой подарок тебе по почте, чтобы ты мог взять его с собой?

– Чего ты ждешь, чтобы я ответил? Я не отвечаю за погоду. Кто знает, возможно, через час я буду пролетать над Альпами. Или еще проведу здесь две недели.

Я был словно птица в клетке. Моя последняя штатская рождественская елка была в 1938 г. Я только что сдал свои выпускные экзамены. С того времени уже миновал мой двадцать третий день рождения, и у меня появилась довольно привлекательная белокурая девушка. Еще раз небо продемонстрировало благосклонность ко мне. В сочельник я упаковал свой чемодан и тихо ускользнул. Единственный, кто имел номер моего телефона, был комендант аэродрома.

На следующий день я вернулся со своей невестой. Никто не заметил ни моего отсутствия, ни моего возвращения. По существу, я оказался прав. В тот же самый день моя группа поднялась в воздух. У меня хватило лишь времени, чтобы связаться с каждым и по тревоге вернуть их обратно. Я послал в Лавариано следующее сообщение: «Готовимся вылететь. Взлет приблизительно в 14.00. Посадка, вероятно, будет около 15.30. Небо облачное с ясными промежутками. Видимость – пять километров».

Из Лавариано от командира группы пришел ответ: «Взлетайте!»

Мы пошли к своим самолетам. Я отдал парням распоряжения относительно боевого порядка и направился к своей машине.

Моя невеста провожала меня на аэродроме, кутаясь в меховое пальто. Она в первый раз видела истребитель так близко и выглядела очень бледной. Она дрожала от холода, или, по крайней мере, так говорила. Механики запустили двигатель. Я опробовал управление и снизил обороты. У меня было еще несколько минут, пока двигатель прогревался.

Настал момент прощания.

– Поцелуй за меня мою старую матушку.

– Конечно, я сделаю это.

– И пиши почаще.

– Да.

– И не засматривайся на других мужчин.

На сей раз «да» не последовало, а лишь пожатие плечами.

– И не волнуйся за меня. Со мной все будет в порядке. Я всегда берегу себя.

– Да.

– Держи свое обручальное кольцо на правом пальце. – Я улыбнулся, говоря эти слова.

– Да.

– И будь хорошей девочкой.

– Я буду.

– Хорошо, до свидания. Теперь я должен взлететь.

– И возвращайся ко мне целым, Петер. Я буду ждать тебя.

Это была самая длинная фраза, которую моя невеста произнесла за последние минуты. Я обнял ее. Моему механику не было никакой необходимости наблюдать за нашим прощанием. И все же в тот момент, когда поднимался в машину, я увидел, что этот негодник нахально смотрел на нас. Я закрыл фонарь кабины, затянул привязные ремни, толкнул рычаг дросселя вперед и начал рулежку. Позади маленькая девушка махала мне на прощание красным шарфом. Она не проронила ни слезинки, но два или три раза шмыгнула носом.

Группа легла на курс. Впереди мы видели огромную груду облаков, дальше – Альпы, а внизу под собой большой город, полностью окрашенный в серый цвет.

Я начал размышлять: «Сейчас она идет домой, а я должен вернуться на войну. Хорошая перспектива. Если ты хочешь когда-нибудь увидеть ее снова, то должен нажимать на эти кнопки и переключатели быстрее и точнее, чем твой враг, когда он ловит тебя в прицел

своих пушек и пулеметов. Именно тот, кто стреляет первым, и увидит свою родную деревню снова. Что бы ты ни говорил, но твоя жизнь зависит от этой конкретной секунды».

Я предавался этим мрачным мыслям, но все пока шло гладко. Двигатель мягко урчал, мы летели своим курсом. Поскольку я чрезвычайно хорошо знал Альпы, то каждая долина была мне знакома. Все мои товарищи тщательно держали дистанцию. Оглядываясь, я не смог удержаться от мысли: «Все в твоих руках, Петер. Сегодня впервые ты – лидер. Ты ответственный. Десять «стодевятых» должны через час приземлиться невредимыми, иначе ты должен будешь заплатить за это».

Мы летели над Альпами: снежные сугробы, ледники, долины, заполненные синеватыми тенями, сосновые леса и деревни, приветствующие нас облачками дыма, когда мы пролетали над ними. Под нашими крыльями царил мир. Люди ожидали от нас, обманывая друг друга, что война закончится в конце этой зимы или самое позднее следующей весной. Над Швейцарией была облачность; небо все еще имело бледно-синий оттенок, но на горизонте собирались большие кучевые облака. Чем дальше мы продвигались на юг, тем сильнее ухудшалась погода.

Пики и горные хребты были покрыты дымкой, завитки тумана дрейфовали в долинах, мы видели, что долина реки По утопала в плотной мгле. Наконец горы исчезли, но туман превратился в «гороховый суп», и я начал нервничать. Мне надо было обязательно найти промежуток в облачности, через который группа могла бы проскользнуть. Ничего. Наоборот, чем ниже мы опускались, тем плотнее становился туман. Было невозможно спикировать сквозь эту «вату», потому что я не знал наверняка, миновали мы Альпы или нет. Теоретически, согласно нашему расчетному времени прибытия, мы могли рискнуть и спикировать. Мы должны были находиться над равниной, но я не был уверен в этом. Туман мог висеть над самой землей. Кроме того, во время снижения мы могли столкнуться с каким-нибудь нелепым холмиком, достаточно высоким, чтобы принести нам гибель. Запрещалась одна вещь: повернуть назад. Позади нас были горы: камни, ледники и горные хребты… Вернуться на ближайший аэродром в Мюнхен или даже в Инсбрук теперь было невозможно. Для этого в наших баках не осталось топлива. Во что бы то ни стало мы должны были приземлиться в долине По.

Я еще раз посмотрел вокруг. Все были на месте. Конечно, если мы будем продолжать следовать нашим курсом, то через четверть часа должны быть над Лавариано. Возможно, там мы найдем промежуток в облаках или нижняя облачная кромка там будет повыше.

Я включил передатчик.

– У всех все в порядке?

– Все идет нормально.

Затем я вызвал контрольно-диспетчерский пункт в Лавариано, один раз, второй, но ответа так и не получил. Парни слышали это, и я почувствовал, что они начинают нервничать. Чтобы придать им уверенность, я передал: «Сохраняйте спокойствие. Мы снизимся, как только найдем промежуток».

Они успокоились, чего я не мог сказать сам про себя.

Какого черта Лавариано не отвечает? Прошло пять минут с тех пор, как я настроился на их длину волны. В наушниках не было слышно никакого потрескивания. Ленивые ублюдки, должно быть, спали, в то время как мы кувыркались в плотном тумане на высоте около 1800 метров.

Я попробовал еще раз. «Говорит «желтая двойка»… говорит «желтая двойка». Ответьте мне. Ответьте мне. Готовлюсь к снижению через облака. Вынужден приземляться при плохой видимости. Вынужден приземляться. Отвечайте немедленно».

Я орал в микрофон.

Это был не лучший момент, чтобы терять голову. Если мы будем летать вокруг и ничего не обнаружим, то это будет почти что верная смерть.

«Сохраняй спокойствие… сохраняй спокойствие…»

Я говорил сам с собой, но парни услышали меня и сомкнулись вокруг. Минутная

стрелка часов миновала расчетное время. Я снова вышел в эфир: «Мы должны быть над Лавариано. Займите свои позиции в колонне с интервалами в 300 метров».

Мы начали снижаться. Десять «стодевятых» скользили сквозь слой облаков, которые были столь же плотны и белы, как сливочный крем. Между нами и землей было 250 метров тумана. Группа выполнила медленный разворот, готовясь пройти сквозь него. Я добросовестно считал самолеты. Все были на месте. Если мы действительно были над аэродромом, то внизу должны были услышать шум наших двигателей и попытаться установить с нами радиосвязь. Я продолжал повторять в микрофон: «Говорит «желтая двойка»… говорит «желтая двойка». Вызываю Лаву[86]… вызываю Лаву… Ответьте мне. Как поняли?»

Никакого ответа. Ничего.

«Что бы ни случилось, – сказал я сам себе сквозь сжатые зубы, – ты должен оставаться со своими людьми, даже если мы вынуждены будем выпрыгнуть с парашютами. В любом случае, если мои расчеты верны, мы должны быть над Лавариано».

Я начал снова. «Говорит «желтая двойка». Вызываю Лаву… Ответьте мне».

У меня в ушах эхом звучали слова моей невесты: «Возвращайся ко мне целым, Петер. Я буду ждать тебя».

Внезапно я услышал в своих наушниках потрескивание.

– Говорит Лава. Говорит Лава. Кто вы?

– Здесь «желтая двойка» с десятью самолетами. Видимость нулевая. Через пятнадцать минут наши баки опустеют. Пускайте сигнальные ракеты.

Неожиданно я почувствовал, что успокоился. Мы, наконец, получили ответ.

Мы все слышали сообщение, которое только что пробилось к нам сквозь туман, нетерпеливо вслушиваясь в немногие слова. Однако я знал, что мы еще не были в безопасности. По-прежнему был туман, и он был все таким же непроницаемым. Мы знали, что находились около аэродрома, и были уверены в том, что будем найдены нашими товарищами, если по какому-то роковому стечению обстоятельств будем вынуждены выпрыгнуть с парашютами.

Я еще раз вызвал контрольно-диспетчерский пункт.

– Сообщите наше точное местоположение.

– Два километра к западу от взлетно-посадочной полосы.

Идиот! Я заходил слишком низко. Изменив курс, я повернул в восточном направлении. Туман начал рассеиваться, и я смог различить какие-то тени. Затем я внезапно увидел колокольню с крестом, показавшуюся из полосы тумана.

– Вот это место, парни. Есть наземный ориентир для вас. Дальше влево. Крест на колокольне.

Надежда возродилась. Спустя несколько мгновений взлетела серия сигнальных ракет. Уже темнело. На моих часах было 17.45.

Снова раздался голос с контрольно-диспетчерского пункта.

– Говорит Лава. Направляйтесь к колокольне. Держите курс на сигнальные ракеты. Никаких помех, кроме церкви. «Желтая двойка», переходите на частоту пеленгатора.

– «Виктор»… перехожу… конец.

Я передавал инструкции остальным, когда перед нами взлетела новая серия сигнальных ракет.

– Медленно следуйте за мной вниз. Не беспокойтесь о тумане. Держите свои глаза открытыми и снижайтесь. Как только пройдете над колокольней, переключайтесь на частоту контрольной вышки. Переведите тумблер в позицию «два». Если не сможете увидеть сигнал на своем приборе[87], продолжайте следовать своим курсом и ждите, пока не покажется

[86] Лава – сокращенное название аэродрома Лавариано.

[87] Имеется в виду система радионавигации AFN2, обеспечивавшая посадку по приборам в условиях плохой видимости. Ее индикатор находился в правой верхней части приборной панели Bf-109G.

земля. Понятно?

В ответ послышалась серия подтверждений: «Виктор».

Держа колокольню под своим левым крылом, я развернулся точно на восток. На высоте 75 метров я выпустил шасси, закрылки и скользнул в туман. Я не мог ничего разглядеть. Мимо ветрового стекла проносились какие-то тени и клочки тумана.

Я продолжал шептать сам себе: «Давай… давай…» Или я приземлюсь, или разобьюсь. Система радионавигации работала хорошо. Стрелка постепенно приблизилась к центральной линии. Это означало, что я был на правильном курсе.

Туман цеплялся за кабину. Он, казалось, имел лицо, пальцы, щупальца – осьминог… А немного спустя он превратился в лебединый пух. Внезапно через разрыв я смог увидеть тени, траву и стелющийся туман. Затем все снова скрылось за пеленой.

Это было похоже на кинофильм. Игра теней и света, которая промелькнула внизу перед моими глазами за доли секунды. Стрелка продолжала колебаться, а я не мог удержаться от воспоминания о том, что велел невесте носить обручальное кольцо на пальце. Она ответила, что будет ждать. Момент приближался. Времени дурачиться не было.

В отдельных местах туман был черный как смоль. Машина медленно снижалась, и я должен был держать себя в руках, чтобы не пропустить ни малейшей детали. Я заставил себя не закрывать глаза. Неожиданно в 9 метрах под собой я увидел взлетно-посадочную полосу, контрольную вышку, силуэты «Мессершмиттов» и посадочный знак, расположенный под прямым углом ко мне. Я потянул ручку управления на себя и зарулил по земле.

Я торжествующе передал по двухсторонней связи: «Я внизу. Следуйте за мной…»

Я остановил двигатель, выпрыгнул из машины и ждал. Они все приземлятся? Если бы только они смогли…

Я считал… первый, второй, третий, четвертый…

Машины одна за другой появлялись между колокольней и контрольной вышкой. Взлетели новые красные сигнальные ракеты, выпущенные офицером, отвечавшим за взлетно-посадочную полосу. Пятый, шестой, седьмой, восьмой. Еще один. Последний пилот кружил над слоем тумана, отыскивая правильное направление. Я слышал спокойную работу его двигателя.

«Чего он ждет? Почему не снижается?»

Рядом появился мой старый механик:

– Быстрее в автомобиль.

Я ворвался в радиофургон, стоявший на краю взлетно-посадочной полосы.

– Что происходит?

– Его рация не работает.

– Пока с ним ничего не случилось… Он видел, что мы приземлились. Какого черта он не следует за нами? Он же видит сигнальные ракеты.

– Кто это? – спросил радист-фельдфебель.

– Унтер-офицер Мирц. Он прибыл к нам из летной школы лишь три недели назад. Это его первый вылет.

– Какой чертовский шанс показать себя.

Радист снова надел шлем, повернул переключатели, все еще пытаясь вызвать машину Мирца. Никакого ответа. Я выбежал на взлетно-посадочную полосу. Мирц должен был рискнуть. Видя сигнальные ракеты и направление, которое выбирали те, кто был перед ним, он должен был сесть.

Внезапно я увидел машину, которая снижалась, раскачиваясь, словно детский воздушный шарик. – Он сломает свою чертову шею! – закричал я.

– Не волнуйтесь, – раздался голос позади. – Новички никогда не ломают свои шеи. Все знают это.

Я оглянулся и увидел Старика, стоявшего позади меня.

– Герр майор, арьергардная группа из десяти самолетов только приземлилась.

– Не швыряйтесь словами. Взгляните! Он счастливо отделался. Теперь ваш доклад правильный. Вы, кажется, все исполнили.

Я облегченно вздохнул.

– Полагаю, что вы никого не забыли в Нойбиберге?

– Никого, герр майор.

На мгновение я увидел белокурую женщину, махавшую своим красным шарфом, и продолжил:

– Я думал, что здесь прекрасная погода.

– Так оно и было, более или менее. Туман опустился внезапно. Теперь, Хенн, позаботьтесь о своих товарищах и покажите им их бараки.

Я отправился к ним, и первым, кого я увидел, был Мирц.

– Почему вы отстали?

– Моя рация вышла из строя. Я не слышал ни одного слова с самого начала полета. В самом деле, когда я увидел, что вы спикировали в туман, то задался вопросом, почему вы это сделали.

– Разве вы не видели сигнальные ракеты? – Нет.

– У вас что, на голове нет глаз?

– Я неотрывно следил за машиной впереди себя, чтобы не потерять ее из виду. Когда я увидел, что она снизилась в туман, то не посмел последовать за ней.

Остальные, возбужденные из-за пережитых эмоций, начали смеяться.

– Парни, замолчите. Хорошо, что вы сделали затем?

– Я заметил место, где исчез самолет впереди меня. – Мирц запнулся. – В тумане был промежуток, и я не отрывал глаз от своего указателя скорости.

Он замолк. Вероятно, онемел от страха.

– Хорошо, но в следующий раз постарайтесь держать себя в руках. Командир группы видел, как вы приземлялись, а я не дал бы и пары пфеннигов за вашу шкуру.

– Да, герр лейтенант.

Немного позже, осматривая машины, я заметил, что Мирц просто забыл включить свою рацию.

Когда я затем зашел в столовую, мне встретился Зиги.

– А, это ты, наконец. Пойдем выпьем.

– Ты, кажется, не ждал меня, как и другие.

– Признайся, зрелище было впечатляющее. Вот, держи. – Он сунул мне в руки стакан.

Я отхлебнул пива и спросил:

– Где моя кровать?

– Идем, покажу. В комнате мой спальный мешок и твой тоже. Но что с тобой? Ты, кажется, сердит?

– В то время как я с десятью парнями блуждаю наверху, вы все сидите здесь, спокойно напиваясь. Ты должен признать, что это может взбесить любого. Вы – кучка алкоголиков, а я только что думал, что мое лицо могло стать пищей для корней одуванчиков!

Зиги хриплым голосом твердо произнес:

– Ну и что? Послушай, ты, болван: если у тебя есть какие-то тревоги, топи их в алкоголе, а если их у тебя нет, то делай то же самое.

– Убирайся и оставь меня в покое. Я хочу спать.

– Это великолепно. У тебя был чертовски хороший отдых в Мюнхене, в то время как мы здесь дрались, а теперь ты начинаешь ворчать. Петер, здесь редко бывает туман. Мы воспользовались им. Ты понимаешь?

– Нет, не понимаю.

Я выставил Зиги за дверь и закрыл ее. Заснуть было невозможно.

Я не хотел ни есть, ни кого-нибудь видеть. Я хотел побыть один. Внизу, на первом этаже, парни кричали, пели и веселились. Чертовски странный мир, в котором мы жили!

Глава 6. Поединок с «Лайтнингом»

В течение нескольких дней царило спокойствие. Затем погода прояснилась. Американцы захватили большие аэродромы вокруг Фоджи, а высадка в районе Салерно начала приносить свои плоды. В течение какого-то времени эти господа отдыхали. Они приводили в порядок взлетно-посадочные полосы, увеличивали свои запасы топлива, боеприпасов, бомб и новых самолетов, рассредоточивали свои 1500 бомбардировщиков и истребителей по различным аэродромам. Со своей стороны, мы в Италии могли поднять против них лишь 150 истребителей, – несколько групп находились на фронте в районе Вольтурно[88], а остальные были сконцентрированы в северо-западной части долины По, создавая там истребительный барьер. Десять к одному. Это всегда была одна и та же история. Десять союзников, преследующих одного немца.

В один из дней в Лавариано пришло сообщение: «Вражеское соединение над Апеннинами, летит курсом на север. Вероятная цель – Южная Германия».

Все по местам!

Вскоре двадцать пять «Мессершмиттов» собрались в группу над аэродромом. Мы понятия не имели о численности противника. К нам присоединилась вторая группа истребителей, базировавшаяся на аэродроме западнее Удине[89]. В воздухе находились пятьдесят немецких истребителей. Небо было заполнено шумом их двигателей, а мы ощущали себя сильными и были в хорошей форме.

Старик по двухсторонней связи объявил: «Сегодня мы непобедимы».

На высоте 5500 метров мы направлялись на юго-запад, в направлении Тревизо – Падуя.

Мы сидели словно на горящих углях. Пятьдесят пар глаз осматривали горизонт в поисках противника.

Внезапно раздался крик:

– Ниже нас, слева, большое соединение… пятьдесят «Либерейторов».

Другой голос радостно прокричал:

– На сей раз они не имеют никакого истребительного прикрытия.

– Невозможно, – произнес третий и довольно скептический голос.

Бомбардировщики проходили под нами, следуя к своей цели курсом на север.

«Предстоит хорошая драка, – раздался по двухсторонней связи голос Старика. – На этот раз наши шансы равны. Пятьдесят на пятьдесят. Доберитесь до них, парни».

Я подумал, что они, должно быть, опробовали какую-то новую тактику или имели некий план. Почему их было так мало, вопреки обычной практике? Наши силы были равны. Это было действительно нечто новое.

– Атакуем…

Эскадрильи спикировали. На высоте 1800 метров, чуть выше четырехмоторных бомбардировщиков, «Мессершмитты» выравнивались, выпускали очереди и резко уходили вверх. Мы стреляли словно безумные, наши пальцы автоматически нажимали на кнопки спуска. Мы снова и снова шли в атаку, вцепившись в бомбардировщики подобно пиявкам. Мы прицеливались хладнокровно и безжалостно, наши пушки извергали огонь.

Лидирующий «Либерейтор» ощутил всю мощь наших ударов. Облака черного дыма, кружащиеся в воздухе обломки самолета, очереди, взрывы, красные языки пламени, облизывающие фюзеляж. Затем он взорвался. Один «Мессершмитт» получил попадание и, вращаясь, падал к земле. Никто не обратил на это никакого внимания. Истребители сохраняли боевой порядок, как будто были на параде, непрерывно атакуя крылом к крылу и

[88] Вольтурно – река, впадающая в залив Гаэта, в 33 км северо-западнее Неаполя.

[89] Речь идет о III./JG53, базировавшейся на аэродроме Вилла-Орба, в 18 км юго-западнее Удине. II./JG51, IH./JG53 и I./JG4, тоже находившиеся на аэродроме Лавариано, входили в так называемое истребительное командование «Северная Италия» (Jagdfliegerfьhrer Oberitalien).

пикируя почти вслепую. Они взмывали вверх, снижались, корректировали курс, заходили бомбардировщикам в хвост, обмениваясь очередями с бортстрелками. Держа пальцы на кнопках спуска, пилоты следили за ниточками трассеров, сеявшими смерть среди бомбардировщиков. «Либерейтор» горел лучше, чем «Крепость». Из каждых трех снарядов, вылетавших из наших пушек, один был зажигательным с белым фосфором. От наших пулеметов тянулись белые следы, и взрывы пронизывали вражеское соединение.

Командир группы поощрял нас:

– Вот так. Задайте им. Ни один бомбардировщик не должен вернуться на свой аэродром.

В этот момент случилось невероятное. «Либерейторы» внезапно стали покидать боевой порядок и рассеиваться. Этого прежде никогда не случалось.

Они спасались бегством небольшими группами или поодиночке. Они пытались уйти, спастись от нашего огня.

Началось преследование. Летчики-истребители были радостны и довольны. Каждый выбирал себе цель, вцеплялся в своего врага, не оставляя его в покое ни на мгновение. Несколько бомбардировщиков лишились кусков обшивки. Американцы снижались, пытаясь достичь кромки облаков, простиравшихся к юго-западу над долиной По. «Мессершмитты» висели за ними, пролетали среди них, стремительно атакуя и не оставляя никакого времени на передышку.

По двухсторонней связи послышался возглас: «Проклятье! У меня закончился боекомплект. Отдам свою получку за патронную ленту к пулемету. Есть предложения?»

В воздухе, подобно огромным белым колокольчикам, раскачивались парашюты. Друг или враг? Никто не знал.

По двухсторонней связи раздался еще один голос: «Это – счастливчики. Война для них закончилась».

А затем другой голос: «Ни один из них не уйдет, это я вам говорю».

Мы гнались за бомбардировщиками на высоте верхушек деревьев. Мы атаковали их парами, а они даже не отвечали. Американские бортстрелки в своих турелях, должно быть, были убиты, иначе они просто бы выпрыгнули с парашютами. Наконец последний «Либерейтор» исчез в гряде облаков. На какое-то время беглецы могли почувствовать себя в безопасности. Однако было сомнительно, что со своими поврежденными двигателями они смогут вернуться в Фоджу.

Истребители перестраивались, покачивали над аэродромом крыльями в знак победы и приземлялись[90]. Пилоты бросались в бар столовой.

Какие учения!

Выбравшись из своего самолета, я увидел направлявшегося ко мне механика.

– Вы видели свою «желтую двойку», герр лейтенант? Она словно решето. Пробоины в крыльях, дыры повсюду, от одного конца фюзеляжа до другого.

– Я не верю в это.

– Хорошо, пойдите и посмотрите сами. Одна пуля прошла сквозь нос, а другая – сквозь хвост, и стабилизатор пробит в двух местах.

– Боже Всевышний! Я счастливо отделался. Чуть ближе, и я должен был бы погибнуть. Откуда эти пятна масла? Двигатель, кажется, не поврежден.

– Это американское масло. Оно имеет иную структуру, чем наше. Вы можете это сразу видеть. Вы, должно быть, пролетели позади поврежденного «Либерейтора». Вся нижняя

[90] Около полудня 28 декабря 1943 г. истребители из I./JG4, I./JG51 и III./JG53 перехватили соединение B-24. Согласно данным люфтваффе, в течение тридцати пяти минут в районе Виченца – Падуя удалось сбить 20 бомбардировщиков, в том числе семь «Либерейторов» были на счету 1I./JG51. По американским же сведениям, были потеряны только 11 самолетов. В то же время ответным огнем бортстрелков были подбиты несколько истребителей, в том числе Bf-109G-6 командира II./JG51 майора Раммельта. Немецкий пилот получил ранение и выпрыгнул с парашютом. В течение нескольких следующих недель группу в воздухе возглавлял командир 5./JG51 обер-лейтенант Рюбелль.

часть вашего самолета также черная. Предстоит довольно напряженная работа.

Механик взял тряпку, окунул ее в керосин и начал чистить мой самолет.

Мы снимали летные шлемы, расстегивали ремни и освобождались от спасательных жилетов – снаряжения, которое мы надевали в каждый вылет, – вытирали тыльными сторонами ладоней свои лица и смотрели друг на друга.

– Хорошо, для одного дня достаточно. Мы можем отдохнуть до вечера.

Зиги, затянувшись сигаретой, довольно категорично произнес:

– В чем мы нуждаемся, так это в нескольких тысячах истребителей. Какую взбучку мы можем задать им.

– Ты забываешь одну вещь, – раздраженно проворчал я. – Мы не имеем их.

На следующий день небо было совершенно чистым. Плохое предзнаменование. Приблизительно в половине одиннадцатого пилотов вызвали в комнату для инструктажей. На столе коменданта аэродрома накопилась куча телеграмм. Он разъяснил нам ситуацию.

– Над Фоджей небо заполнено большими бомбардировщиками, настоящий парад. Можно предположить, что они собираются в группы. Они продолжают взлетать один за другим.

Нам сообщили местоположение, высоту и приблизительное количество бомбардировщиков, все было четко отмечено на бумаге в клетку.

Мы покачали головами.

– Сколько мы имеем пригодных к полетам самолетов? – спросил командир группы.

– Двадцать.

– Вполне достаточно. Другая группа, вероятно, имеет такое же количество, что дает нам общее число в сорок «Мессершмиттов».

Зиги не смог удержаться от замечания:

– С ними надо быть поосторожней.

Офицер, проводивший инструктаж, взглянул на него искоса и сказал:

– Все группы бомбардировщиков имеют сильный истребительный эскорт.

– Они начинают терять уверенность, – произнес я.

– Так, – продолжил офицер, – 500 «больших грузовиков» и 200 «малолитражек» на высоте 4600 метров направляются на север в секторе «Цезарь». В настоящий момент мы не знаем, какова их цель, мы ожидаем дополнительной информации.

– Очень замечательное собрание, а? Это месть за вчерашнее. Пятьсот бомбардировщиков и двести истребителей, а мы во всей долине По имеем сорок истребителей.

Ожидая приказа на взлет, мы играли в карты и шутили друг с другом, пытаясь не думать и сохранить наш моральный дух. Мы пытались не обращать внимания на неприятное, сосущее ощущение в животе, которое возникло у нас с тех пор, как мы узнали подробности.

Это было затишье перед бурей, и мы пользовались последними спокойными минутами.

Прежде чем янки соберутся в группы, у нас было время для размышлений. До того как мы взлетим, было еще два часа.

Мы залезали в свои машины, снова выпрыгивали, ходили туда-сюда, прикуривали сигареты и отбрасывали их, ложились на свои койки, чтобы через пару минут снова вскочить, нервно и нетерпеливо. Единственная мысль владела всеми. Семьсот против сорока. Катастрофическая разница. Бесполезное жертвоприношение, а фактически чистое безумие.

Мы не говорили этого, но именно так и думали.

Чтобы успокоить свои нервы, я пошел поговорить со своим механиком.

– Вы заделали все вчерашние пробоины? Двигатель в порядке? Оба магнето[91] работают должным образом? А что с двухсторонней связью?

На все свои вопросы я получал один и тот же ответ:

[91] Магнето – небольшой компактный генератор, вырабатывающий ток высокого напряжения, необходимый для зажигания топливной смеси в двигателях внутреннего сгорания.

– Да, да, да, герр лейтенант.

В глубине сердца я надеялся на то, что в последний момент что-нибудь пойдет не так, как надо, но сразу же ощутил чувство стыда и стал убеждать сам себя.

«Ты не один отправляешься в эту схватку. Тот факт, что самолет вышел из строя, заставил бы людей подумать, что его пилот трус. Это было бы недостойно тебя. Даже если двигатель работает не слишком хорошо, ты все равно должен лететь. Только это очень плохо. Для того чтобы избежать необходимости покинуть боевой порядок, ты должен пойти к своему механику и сказать: «Мой двигатель фыркает. Пойдите и посмотрите, что с ним».

Каждый пилот проходил через это. Единственный выход состоит в том, чтобы продолжать выполнять свои обязанности и смотреть ситуации прямо в лицо.

Пехотинец в своем окопе тоже знает, что враг будет атаковать в большем числе, но он никогда не знает заранее, каково соотношение между нападающими и обороняющимися. Он лишь вздрагивает, когда видит танки, идущие волна за волной, но быстро берет себя в руки. Как правило, в подобных ситуациях инстинкт побеждает логику и разум. Ни у кого нет времени на размышления.

Летчики-истребители же, напротив, бездельничающие в своих шезлонгах около столовой, имеют предостаточно времени, чтобы взвесить ситуацию. Какое это испытание для нервов. Самая большая решимость рассыпается; вы должны бороться с самим собой прежде, чем вы начнете бороться с противником. Я не знаю ничего худшего, чем эти часы, предшествующие вылету, чем эта отсрочка перед взлетом.

Из «Танноя»[92] раздается рев: «Готовность три минуты».

Мы ждем около своих машин. Три минуты спустя мы должны быть в воздухе над аэродромом. Нервы напряжены до предела.

«Все по местам».

Я забираюсь в кабину, механик поднимается на крыло и помогает мне застегнуть привязные ремни. В любой момент может быть выпущена сигнальная ракета, дающая команду на взлет. Последний взгляд на средства управления. Теперь есть время лишь на то, чтобы отрегулировать летный шлем, проверить ход рулей, убедиться, работают ли клапаны кислородных баллонов и… ждать.

Я знал, что это состояние полной боеготовности порой тянется часами. Вражеское соединение может, лишь слегка изменив курс, пролететь вне радиуса действия Ме-109 или просто взять курс на другую цель. Однако это редко случалось.

В тот день я ни о чем не думал, а продолжал пристально разглядывать свою приборную панель.

Бац! Сигнальная ракета взлетела над контрольно-диспетчерским пунктом. Я толкнул вперед рычаг дросселя, вырулил на старт, поднялся в воздух и присоединился к остальным. Вторая группа заняла свое место в строю, и мы взяли курс на врага.

Американцы шли в строгом порядке. Я видел их приближение, гигантский летящий квадрат, массивный, но компактный. Сверху, снизу, впереди, позади, на флангах переплетались звенья истребителей. «Лайтнинги» ревностно охраняли свою собственность. К соединению бомбардировщиков было невозможно приблизиться. Внезапно вражеские истребители заметили нас, и начались «собачьи схватки»[93].

Наша группа рассеялась, как это сделали «Либерейторы» накануне. «Лайтнинги» рассредоточились, прижимая нас вниз, преследуя и окружая. Они были со всех сторон. «Лайтнинги» продолжали снова и снова поджаривать нас на гриле, радуясь своему превосходству.

[92] «Танноя» – фирменное название радиоретрансляционной и радиовещательной аппаратуры производства одноименной компании.

[93] «Собачьи схватки» – жаргонное выражение военных летчиков, обозначающее ближний маневренный воздушный бой между истребителями.

Я посмотрел через плечо и понял, что мне угрожает реальная опасность. Холодный пот потек по моей спине, когда я понял, что нахожусь один на высоте 5500 метров, преследуемый звеном «Лайтнингов». Они пикировали на меня, так что хватило времени сосчитать их.

Один, два, три, четыре. Это была удача. Их могло бы висеть у меня на хвосте вдвое больше.

Затем начался цирк. Ручку управления на себя. Конденсационные следы начали формироваться на концах крыльев, а также позади выхлопных патрубков. Открыв полностью дроссель, я заставил двигатель взреветь на максимальных оборотах. В моих ушах стучали слова, всегда одни и те же слова: «Ты должен спасти свою шкуру. Ты должен спасти свою шкуру».

Вражеские истребители наседали на меня, кружась вокруг, заходя в хвост, окружая. Один был слева позади меня, второй – справа, третий – выше, а четвертый – ниже.

«Хорошая работа, джентльмены. Меня поймали словно крысу. Нет шанса вырваться даже резким разворотом. Один из вас всегда преградит мне путь».

«Лайтнинги» резкими рывками постепенно приближались. Но ни один из них не стрелял. Они выжидали и выбирали подходящую позицию, чтобы не промахнуться.

Странно, как четко начинаешь рассуждать в подобной ситуации. Тебя охватывает абсолютное спокойствие. Одно неправильное движение, и я окажусь на земле.

Они танцевали вокруг меня, извиваясь подобно рыбам, поднимавшимся в горном потоке. Я был зажат этими «двухфюзеляжниками». Выпущена первая очередь. Она прошла слева от моей кабины и зацепила законцовку крыла. Я отвернул вправо.

Почему правый «Лайтнинг» не стреляет? Я ошибся. Вспышка трассеров. Слишком поздно. Повторный быстрый маневр ухода с линии огня, который, к моему большому удивлению, заставил моих преследователей изменить тактику. Теперь они летели друг за другом колонной.

Сейчас единственным, кто мог стрелять в меня, был лидер, который был ближе остальных. Я стал действовать необдуманно. Враги поняли мои намерения и заняли свои прежние позиции. Следующая очередь прошла справа от моей кабины.

На сей раз я ничего не мог сделать. Они достали меня. Два их двигателя давали им дополнительную скорость 50 км/ч, и они полностью использовали это преимущество. Они медленно нагоняли меня.

Теперь они были на дистанции лишь в 500 метров. Так же как я вцепился в «Либерейторы» вчера, сегодня «Лайтнинги» вцепились в меня.

Взгляд на высотомер – 3700 метров. В течение долгого времени я не мог определить свой курс, хотя стрелка компаса указывала на север.

Я должен был оторваться от них так или иначе, спикировать и исчезнуть на высоте нескольких метров над землей. В пикировании я имел небольшое преимущество перед ними. Двухбалочный фюзеляж замедлял их развороты. Это был единственный способ, которым я мог воспользоваться, чтобы разрушить их планы.

Я резко толкнул ручку управления вперед и нажал на нее изо всех сил. Нос самолета опустился вниз. Кровь загудела у меня в ушах[94]. Песок, который накопился в кабине, полетел мне в лицо и застучал по моим летным очкам. «Мессершмитт» падал словно камень.

Я смотрел на указатель скорости – 480, 515, 560, 600, 640, 690 км/ч. Внизу я разглядел деревню и церковь, чей шпиль появился в моем лобовом стекле. Внезапно у меня в мозгу сверкнула мысль, которую я немедленно осуществил. Я резко ударил по левой педали руля направления. Хотя я пикировал почти вертикально, машина отреагировала и начала переворачиваться. Войдя в вираж под углом 80°, я перевернул самолет на спину и потянул ручку управления на себя. Мои преследователи, которые следовали за мной, выдерживая тот

[94] При резком переходе в пикирование на тело пилота действует отрицательная перегрузка, кровь приливает к голове. И наоборот, при резком наборе высоты возникает положительная перегрузка, когда кровь отливает к ногам.

же угол пикирования, теперь промчались мимо ниже. Мой переворот сбил их с толку. Снизившись и развернувшись на 180°, я теперь летел на юг. Этот резкий маневр, который я только что выполнил изо всех своих сил и со всем вниманием, возымел эффект. От него зависела моя жизнь. У них не было времени, чтобы прицелиться. Их очереди проходили значительно выше меня, в то время как расстояние между «Лайтнингами» и мной увеличивалось. Они теперь были в 1000 метрах позади меня. Я взмок от пота, но смог оторваться от них.

К сожалению, мое удовлетворение продлилось недолго. Я видел двух из них, но не мог обнаружить двух других. Первые продолжали преследование, летя за мной. Впервые с самого начала боя я летел правильным курсом, на северо-восток.

Сейчас я должен добраться до дома. Не было никакой речи о том, чтобы те позади меня атаковали. Они должны были повернуть обратно. Я приземлюсь на следующем же аэродроме, который увижу.

Полет на бреющем, с двигателем на полных оборотах и с парой «двухфюзеляжников» позади, на высоте крыш и шпилей. Постепенно эти два ковбоя подтягивались все ближе.

Больше не было никакой возможности пикировать или уйти от них набором высоты. Их скороподъемность в любом случае превосходила мою… Лететь на бреющем и сохранять высоту до последней капли топлива. Охота снова начиналась. Теперь я мог видеть их; один слева, другой справа, они дожидались возможности сбить меня. Если бы только моя скорость не была на 50 километров меньше, чем у них. Это была проблема. Я не мог сохранять дистанцию, и в этих условиях не имело значения, сколько «Лайтнингов» преследовали меня – два или двадцать. С каждой секундой они приближались. Мой двигатель начинал перегреваться, поскольку я закрыл створки радиатора, чтобы получить хотя бы маленькую прибавку в скорости. Заложив крен, я посмотрел назад. Мои противники продолжали спокойно лететь прямо вперед, сберегая свои двигатели. Несмотря ни на что, они все еще нагоняли меня.

Чувство неполноценности захлестнуло меня, и я ощутил желание прекратить борьбу.

«Продолжай сражаться, Хенн, – сказал я сам себе, – и жди, пока очередь не покончит с тобой. Ты никогда не сможешь оторваться от них».

Два или три свистящих звука, срежет металла о металл. Первые пули нашли свою цель. Я оказался в положении пловца, который хочет утопиться. Так же как и последний начал бы инстинктивно плыть, я стал работать ручкой управления, делая развороты, виражи над крышами и полями, скользя над лесом и верхушками деревьев. Позади меня очереди взрыхляли землю. Мой самолет танцевал словно бесенок, перепрыгивая через преграды, кренясь на одно крыло и выравниваясь в нескольких метрах от земли. Бросок влево, бросок вправо, круг над шпилем. Шла охота, и целью был я. Полный газ…

Ничего сделать было нельзя. «Лайтнинги» с 400 метров вели по мне непрерывный огонь. Пули грохотали по фюзеляжу и крыльям.

«Боже, позволь, чтобы это закончилось!»

«Двухфюзеляжники» пересекали друг другу курс и должны были быть внимательны, чтобы не столкнуться. Пули продолжали барабанить. Клац, клац… Я все еще был жив. Ни одна пуля не попала в меня. Я продолжал размышлять: «Если ты пока слышишь их, то, значит, они не последние для тебя».

Высота, на которой я летел – между 18 и 30 метрами, – не давала мне возможности выпрыгнуть с парашютом. Я опустил нос самолета вниз. Мои руки и ноги постоянно двигались, действуя ручкой управления и педалями руля.

Через некоторое время, разворачиваясь в очередной раз, я смог увидеть лишь один «Лайтнинг». Второй исчез, так же как сделали и первые два.

Они, должно быть, договорились о том, кто должен покончить со мной. Я издал вздох облегчения. Теперь бой должен стать равным: человек против человека, машина против машины.

Этот парень был прекрасным пилотом, но, если удача была на моей стороне, почему бы

не попытаться сбить его? Мои магазины были полные, поскольку я еще не стрелял, тогда как он, скорее всего, почти исчерпал свой боекомплект. Он, должно быть, обезумел от гнева и через несколько секунд снова нажал на кнопку огня.

Я поднял нос самолета вверх и выполнил разворот с набором высоты. Он сопровождал меня словно тень, приклеившись сзади. Каждый раз, когда я разворачивался, «Лайтнинг» выполнял более крутой разворот и преграждал мне путь. Я сжал зубы, решив сражаться до последнего. Я хотел застать его врасплох неожиданным разворотом, который позволит мне зайти ему в хвост и сбить его. Но это была лишь бесполезная предельная перегрузка моей машины, пустая трата времени.

Я обливался потом, руки и ноги начало сводить судорогами. Голова раскалывалась от боли, меня бил озноб, но я старался рассуждать: «Другой парень держит в руках такую же ручку управления, что и ты, а в этом танце ведешь ты. Он должен следовать за тобой, хочет он этого или нет. Он давит на педали и поворачивает руль».

Левый вираж, правый вираж… Такие энергичные развороты, что самолет почти останавливается. Не имеет значения, главное в том, чтобы продолжать маневрировать.

Казалось, что я слышал шепот врага: «Я сделаю тебя любой ценой». Я видел, как его очереди опутывают меня, словно арканом, красные трассеры вылетают из его пулеметов и со свистом проносятся мимо, а подо мной мелькают земля, деревья, дома и шпили…

«Боже, позволь нам закончить это!»

Сейчас он был не более чем в 150 метрах позади меня. Во время одного из виражей мне показалось, что я смог увидеть его лицо, белое пятно за ветррвым стеклом кабины. Он стрелял из всего, что имел, нажимая на спуск, как только оказывался в благоприятной позиции. Неожиданно местность, над которой я пролетал, показалась мне знакомой. Вместо леса, домов и живых изгородей я увидел огромное открытое пространство. Прозвучал новый разрыв. Оглядевшись вокруг, я увидел аэродром. С его дальнего конца вела огонь зенитная батарея.

«Боже, теперь они собираются стрелять в меня!»

Но снаряды разрывались сзади.

К счастью, они были выпущены в моего противника. Повернувшись в кресле, я увидел, что «Лайтнинг» вошел в вираж и начал восходящую спираль. Разрывы зениток следовали за ним. Американец выполнил левый вираж, спикировал и исчез. Я помчался к зенитной батарее, ища ее защиты и пытаясь увидеть, что случилось с моим преследователем. Его разнесло на куски. Я вернулся к своему собственному аэродрому, совершенно не желая этого, потому что развороты и маневры, которые я выполнял, заставили меня потерять всякое представление о направлении полета. Теперь я мог спокойно приземлиться, уверенный в том, что зенитки прикроют меня. Я снова уцелел, но случайность сыграла в моем спасении гораздо большую роль, чем осознанные действия.

Я приземлился, прорулил через летное поле, выключил двигатель и открыл фонарь кабины, но почувствовал, что ни в состоянии подняться с кресла. Мои ноги подкашивались, а сердце колотилось. Руки не могли отпустить ручку управления и рычаг дросселя. Пропеллер замер, но от моего двигателя веяло адским жаром.

Примчался мой механик.

– Каждый, кто видел это, подумал, что вы пролезли сквозь замочную скважину, герр лейтенант.

Он помог мне снять снаряжение. Я был весь мокрый от пота, но смог встать. Моими первыми словами стала просьба дать сигарету.

Дотащившись до столовой, я рухнул в шезлонг. Мой механик все еще занимался проверкой самолета. Долгое время я не мог вымолвить ни слова, а затем, протирая глаза, спросил:

– Где остальные?

Никто не ответил. Мои товарищи стояли вокруг меня молча, словно воды в рот набрали. Некоторые их них покачали головой. Мой механик вернулся и спросил меня о

подробностях:

– Что случилось, герр лейтенант? Расскажите нам.

Я махнул ему, чтобы он замолчал, и закрыл лицо руками.

Один за другим начали прибывать другие пилоты, их машины имели сильные повреждения. Парни приземлялись, падали в шезлонги и сидели в абсолютной тишине.

Некоторые из пилотов не вернулись.

Наш командир группы сидел широко расставив ноги и уперев руки в бедра. Через минуту я подошел к нему. Он смотрел прямо перед собой, его волосы были мокрыми от пота, а лицо осунувшимся. Он даже не заметил меня, и я пошел дальше.

Фюзеляж моего самолета позади кабины был похож на решето. Вальтер, командир 4-й эскадрильи[95], показал мне в своей машине дыру размером с человеческую голову, зиявшую на одном уровне с бронепластиной, прикрывавшей кресло пилота. Снаряд прошел сквозь фюзеляж. Самолет командира группы был словно дуршлаг. Крылья были пробиты сотнями пуль, а в кабине зияла пробоина от снаряда. Снаряд, должно быть, едва не задел его усы. Гюнтер, командир 5-й эскадрильи, лежа под фюзеляжем своего самолета, добросовестно считал дырки в радиаторе. К счастью, он успел приземлиться раньше, чем стало бы слишком поздно. Каждый из наших самолетов, за исключением двух, нуждался в отправке в мастерские для серьезного ремонта.

Глава 7. Пустые стулья

Ту ночь все мы встретили в столовой. Холодный обед после горячего дня – повар группы определенно был остроумным парнем. Из двенадцати офицеров на перекличке отсутствовали семь, а из унтер-офицеров не вернулась третья часть. Некоторые стулья были пусты, так же как и тарелки на скатерти. Скатанные салфетки ожидали своих владельцев, чьи фамилии были выгравированы на кольцах[96]. Эти пустые стулья символизировали предупреждение и угрозу. Возможно, один или два их владельца вернутся. Возможно, они просто были вынуждены приземлиться где-то еще.

Как и у остальных, аппетит у меня отсутствовал. Мы все были совершенно измотаны. Пустые стулья и тарелки раздражали нас, и ординарец вынес их на кухню. Тишину нарушил голос командира группы. Хриплый, серьезный голос.

– Кто-нибудь из вас знает, где Герберт? Кто-нибудь видел его?

Никто не произнес ни слова.

– Наша группа разлетелась во все стороны, когда атаковали вражеские истребители, – продолжил Старик. – Почему вы не сохранили боевой порядок? У меня на хвосте моментально оказалось приблизительно двенадцать «двухфюзеляжников». Я оглянулся назад. Я был один. Ни одного «Мессершмитта» в поле зрения. Где, черт возьми, вы все были?

– Я получил более тридцати попаданий в свой «ящик», – робко сказал Вальтер.

– И что?! Вы думаете, это достаточно хороший повод? Мой напоминает кусок «Грюйера»[97]. В таком случае, как сегодня утром, вы должны сохранять боевой порядок и держаться все вместе, если не можете сделать что-нибудь еще, и не разбегайтесь словно кролики. Поумнейте. Семеро из нас отсутствуют и, скорее всего, не вернутся. Почему? Скажите мне, почему их стулья пусты? Просто потому, что вы не смогли держаться вместе. Вы умчались во все стороны, словно стая попугаев в джунглях, когда слышат рев слона.

[95] Имеется в виду обер-лейтенант Хорст Вальтер, который с 6 июня 1943 г. командовал 4./JG51, а затем 11 июня 1944 г. возглавил 11./JG51. В ходе Второй мировой войны он одержал 35 побед.

[96] Имеются в виду кольца для салфеток.

[97] «Грюйер» – название марки швейцарского сыра.

Результат – никто не был прикрыт огнем соседа. «Лайтнингам» оставалось только разделить вас и начать преследовать.

– Пять к одному, – пробормотал я громко.

– По вашему мнению, что лучше? Пять против одного или двести против сорока истребителей в боевом порядке?

– Это одно и то же, – произнес Зиги.

– Это не так, если вы не болван. Если бы мы сохранили боевой порядок, то не имело бы значения, сколько было их, хоть две тысячи. Сила не в количестве. Вы знаете пословицу…

– В любом случае, – заметил я, – эти парни знали, как действовать ручкой управления. Если бы зенитки не избавили меня от ковбоя, сидевшего на хвосте, то мой стул был бы пуст сегодня вечером.

Закончив есть, Старик сразу же встал и пересел за небольшой стол в одном из углов гостиной. Он молчал. Один за другим мы присоединились к нему.

В этот момент появился дежурный офицер. Он отдал честь, сел за стол и начал есть.

– Сколько машин мы сможем завтра поднять в воздух? – спросил его командир группы.

Проглотив кусок, дежурный офицер равнодушно ответил:

– Вероятно, вообще ни одной. Они все повреждены. Двигатели необходимо менять. Некоторые из них определенно придется списать. Ваш в том числе, герр майор.

– Отличная работа. Надо лишь продолжать в таком духе, и мы выиграем войну.

Опустив голову, ни один из нас не произносил ни слова.

Наконец Вальтер вытащил из своего брючного кармана небольшой кусок материи.

– Взгляните, что осталось от моей фуражки. Перед тем как взлететь, я положил ее в отсек сзади своего кресла.

Козырек был пробит, ремень висел, то, что раньше было фуражкой, смотрелось как тряпка.

– Моя мать подарила ее мне, а это все, что от нее осталось. Я больше ни разу не смогу надеть ее.

Все засмеялись, но смех был натянутым и неестественным.

Старик вызвал ординарца:

– Заберите пустые стулья. Они не понадобятся сегодня вечером.

А завтра их поставят? Что случилось с остальными?

Через несколько мгновений ординарец вернулся.

– Вас вызывают к телефону, герр майор.

Отблеск надежды засветился в наших глазах. Старик встал, вышел, но уже спустя пару минут возвратился.

– Герберт выпрыгнул с парашютом. Завтра он будет здесь.

Он говорил грустным голосом, но это сообщение восстановило нашу уверенность. Командир 6-й эскадрильи был жив. Теперь отсутствовали только шестеро.

Минуты проходили. На столе стояла бутылка вина, но никто, казалось, не имел желания пить. Мы безмолвно сидели, съежившись в своих креслах. Тишина стояла угнетающая, но мы могли читать мысли друг друга. Они читались по нашим лицам с заострившимися чертами, по нашим жестам, когда кто-нибудь проводил рукой по мокрому лбу или закрывал руками лицо.

Я размышлял: «Сегодня их шестеро. Сколько завтра? Когда я сам достигну той черты, которая обозначает границу между жизнью и смертью? Когда пробьет мой час? В любом случае ждать не так долго. Мы уже потеряли половину летного состава. Тот и этот исчезли. Когда настанет моя очередь?»

Я вновь во всех подробностях переживал утреннюю погоню. Призраки преследовали меня, я видел серебристые животы «Лайтнингов», пятиконечные звезды на их крыльях, стреляющие пулеметы, вспышки, град пуль по металлу обшивки. Я поднял голову и открыл глаза, чтобы вернуться к действительности. Я оглянулся вокруг и начал считать. Один… два… три… четыре… пять… – Старик, Вальтер, Гюнтер, Зиги и я сам. Пять офицеров.

Шестой – Герберт – был на пути домой. Ординарец, передвигаясь на цыпочках, убирал стол. Столовая была полна табачного дыма. Мы нервно курили, чтобы забыться.

Я опять погрузился в свои мрачные мысли. «Группа все еще имеет шесть офицеров и дюжину унтер-офицеров и ни одного самолета. Старик никогда не перестает говорить: «В моем подразделении первыми летят на задание офицеры. Именно они имеют самое большое денежное содержание и обязаны показывать пример». Наш командир на самом деле вырос из нижних чинов. Прежде он был фельдфебелем, механиком, в совершенстве знавшим свою работу. Его рассуждения были правильными. Завтра нам нужны самолеты, но тем не менее не будет ни одного».

Я подумал, что лучше отправиться спать, но все же решил задержаться.

Герберт начал подавать признаки жизни. Кто знает, возможно, телефон снова зазвонит сегодня вечером.

Полночь, но ничего не происходило. Телефон молчал…

Поскольку мы фактически были разбиты, командир группы сказал:

– Так, завтра у вас свободный день. Враг может прилетать, если хочет, но мы не взлетим. У нас каникулы.

– Лучшее, что мы можем сделать, – заявил громко Зиги, – это потратить день на настоящую пьянку, пока не свалимся под стол.

Никакой реакции не последовало. Мы продолжали курить трубки и сигареты, пока дым не начал разъедать глаза, а веки не покраснели.

Внезапно Вальтер взорвался:

– Кто-нибудь в конце концов откроет окно, иначе наши глаза начнут слезиться от этого дыма.

– Я понимаю, Вальтер. Я понимаю… Хайо[98] был вашим лучшим другом, вы учились вместе. Если он действительно пропал, то я вполне понимаю, почему вы хотите открыть окно[99].

Вальтер не стал дожидаться, когда откроют окно. Он погасил свою сигарету в пепельнице и выскочил из столовой.

Последовав его примеру, я вышел на террасу небольшого замка, в котором мы были расквартированы. Воздух был прохладным, а парк темным и пустынным. Ни огонька, ни одной звезды на небе. Силуэт дома выделялся на фоне стены деревьев. Единственный лучик света просачивался через светомаскировочные шторы, опущенные на открытом окне гостиной.

«Время ложиться спать. Возможно, я смогу заснуть. В конце концов, я все еще жив. Это был третий раз, когда смерть обошла меня. Я должен суметь воспользоваться этим».

Я вошел в свою комнату и упал на кровать. Усталость окутывала меня подобно туману. В очередной раз в моем мозгу начали прокручиваться те же самые картины: летящий «Лайтнинг», обжигающие очереди, а затем уничтоженная фуражка Вальтера, которая превратилась в клочок материи.

Я крутился и ворочался на кровати, пытаясь избавиться от этого кошмара, но он вцепился в меня, словно пиявка. Ночная тишина, тиканье стоявшего на столе будильника, разрезавшего время на минуты и секунды, сводили меня с ума. Я хотел встать, но был слишком измотан. Какой толк слушать и считать секунды, отбиваемые часами. Число всегда одно и то же. Шестьдесят – только шестьдесят.

На следующий день на аэродром вернулись Герберт и Фриц. У одного рука висела на перевязи, а у второго перебинтована голова. Никаких новостей об остальных пилотах не поступало. Пять их фамилий еще раз записали, на этот раз в список потерь. Рядом с каждым

[98] Хайо – сокращение от немецкого имени Ханс-Иоахим.

[99] Имеется в виду, что таким образом Вальтер хотел скрыть свои слезы по поводу невернувшегося из боевого вылета друга.

именем дежурный офицер написал номер машины, на которой тот летал.

Дни проходили, вылеты продолжались. Время от времени в столовой оставался свободным новый стул. Чтобы занять места погибших летчиков, прибывали другие – молодые мальчишки, только что закончившие летные школы. Сначала они с открытыми ртами слушали наши наставления, затем вылетали с нами, и, только выполнив свои первые боевые вылеты, они становились равноправными членами нашего сообщества.

Война продолжалась. Старики, которых становилось все меньше, держались вместе; новички заводили друзей среди себе подобных. Каждый раз после схватки вокруг столов в столовой оставались пустые стулья, и, когда Зиги и я отправлялись спать, я обычно говорил:

– Полеты – это прекрасная вещь, Зиги. Разве ты так не думаешь?

И Зиги отвечал:

– Я и без тебя знаю. Это ты только сейчас понял, как пилотировать машину, которая в любой момент может быть превращена в пыль. Спокойной ночи.

Глава 8. Игра в прятки

Однажды утром в Лавариано пришел приказ: «Ваша группа перебрасывается в район Рима». Вечный город окружала цепь аэродромов. С юга – Чампино с двойной взлетно-посадочной полосой; с юго-востока – Ченточелле; с севера – Литторио[100], аэродром с огромным летным полем, и несколько других, неупомянутых ввиду их малой значимости. Наша группа должны были разделиться между Чампино и Ченточелле.

Приблизительно около полудня, пролетев на высоте 1800 метров над куполом собора Святого Петра, мы приземлились в Чампино и задались вполне резонными вопросами: «А что же «Крепости»? Почему они все еще не нанесли нам визит?»

Мы получили от командира группы нагоняй, он ужасно орал на нас:

– Вы что, круглые идиоты? Вы думаете, что большие «ящики» прибудут средь бела дня? Но я держу пари на пару пуговиц от штанов Рокфеллера, что через полчаса «Крепости» будут здесь. Вы трепались между собой по радио на частоте истребителей. Вас можно было услышать за 240 километров. Вы, случайно, не думаете, что враги ненормальные? Вы можете быть совершенно уверены в том, что они внимательно слушали вас и точно знают, где вы. А теперь вы, ослы, смотрите на свои часы и ждите появления «Крепостей» из Фоджи. Через тридцать минут вы услышите в небе их оглушающий рев, и вместо того, чтобы стоять на летном поле, подобно кучке болванов, вам надо сматываться. Используйте последние остатки топлива, чтобы укрыть свои самолеты, и делайте это моментально, иначе с вами покончат. Давайте приступайте! Одна эскадрилья вылетает в Малагротту[101]. Я пошлю с вами одного из своих парней, иначе вы можете не найти этот аэродром на берегу Тибра. Поберегитесь. Единственная взлетно-посадочная полоса шириной 37 метров и длиной 460 метров. С этим ничего не поделаешь. На этом аэродроме должны уместиться две эскадрильи. Будет сильная толчея. Что же касается 6-й эскадрильи, мы не можем спрятать ее в Ченточелле. Но куда же ее отправить? Ах да, она должна отправиться в Литторио. И прежде всего, не пользуйтесь рациями, иначе вас сразу же засекут, и тогда мы будем собирать вас по кускам.

Дежурный офицер схватил свой пистолет «Вери», выстрелил несколько красных сигнальных ракет и закричал:

– Все по местам!

– Что происходит? – спросил Зиги.

– Это новый трюк, – ответил я. – Ты уже слышал о ковре-самолете, если, конечно,

[100] Аэродром Чампино находится в 12 км к юго-востоку от центра Рима, Ченточелле – в 5 км к востоку, а Литторио – в 8 км к северу.

[101] Малагротта – запасной аэродром, находившийся около одноименного местечка в 13 км западнее Рима.

помнишь «Тысячу и одну ночь», но этот сделан в США[102]. Ты должен действовать быстро.

Я поднялся на крыло своего «Мессершмитта» и забрался в кабину.

Нам еще раз необходимо подняться в воздух, но не для того, чтобы встретить бомбардировщики, а чтобы спасти свои машины, укрыв их.

Спустя четверть часа мы прибыли в Литторио и замаскировали свои машины среди кустарника на берегу Тибра, ставшие практически невидимыми для самолетов-разведчиков.

– Слышится гул, – сказал Зиги.

– Хм-м.

– Взгляни! Вон там.

– Хм-м.

– Это настоящий парад игрушечных солдатиков. Они разворачиваются.

– Хм-м.

Зиги уставился на меня, удивленный тем, что я внезапно онемел. Искоса взглянув, он произнес:

– Теперь ты тоже начал «гудеть».

– Я подражаю им, как ты видишь.

– Чертов дурак! Разве ты не можешь отвечать более членораздельно?

– Я поражен. Вот мы, двадцать пять истребителей, лишь наблюдаем, в то время как враг, там наверху, летит как на параде. Мы должны быть в воздухе вместо того, чтобы практиковаться в маскировке. Они превращают нас в наземную прислугу. Это абсолютный позор. Посмотри на это. Одно соединение за другим. Это, Зиги, как сказал бы Монтень[103], больше достойно смеха, чем рыданий.

– Хм-м…

Сейчас настала очередь Зиги «гудеть».

– Ты подумал еще об одном? Подобное этому не может продолжаться долго. Конечно, есть все шансы на то, что эти большие «ящики» уже перемололи бы нас на части, если бы мы поднялись в воздух, чтобы встретить их. Какую взбучку задали бы они нам. Возможно, именно поэтому мы должны благоразумно оставаться на земле. С другой стороны, если мы попали в это положение сегодня, то что случится завтра? Мы, кажется, катимся под уклон, говорю я тебе.

– Хм-м. Хм-м…

– Вероятно, мы должны рассуждать следующим образом: «Не задумывайтесь о потерях, давайте прямо атаковать их. Двадцать пять истребителей против 500 бомбардировщиков». Я лично очень хочу этого. Но из соображений экономии командование учит нас держаться подальше. – Я сделал паузу, чтобы перевести дыхание, и продолжил: – Когда думаешь, что на этом месте, где мы сейчас находимся, две тысячи лет назад Цицерон[104], возможно, выращивал лук… Ты можешь представить, как он изумился бы, увидев «Крепости» так, как мы их видим сейчас? Он бы тронулся умом.

– Не больше, чем мы.

На этих исторических размышлениях высокого уровня Зиги и я, лежавшие на траве, заснули, в то время как бомбардировщики спокойно, словно кофемолки, пролетали над Вечным городом. Мы были расквартированы на Виа Аппия[105], на южной окраине Рима.

[102] Хенн использует определенную игру слов, когда, упоминая о сказочном ковре-самолете, намекает на тактику ковровых бомбардировок, применявшуюся американскими бомбардировщиками.

[103] Монтень Мишель (1533 – 1592) – французский философ и писатель. Свои взгляды он изложил в сборнике «Опыты», подчеркивая слабость человеческого разума и обманчивость чувств.

[104] Цицерон Марк Тулий (106 – 143 гг. до н. э.) – государственный деятель древнего Рима, прославившийся как талантливый оратор и писатель.

[105] Виа Аппия – название улицы и шоссе в южной части Рима.

Вилла, которую мы заняли, до войны предположительно принадлежала послу Аргентины. В первый же вечер, войдя в гостиную, я услышал, как по радио говорит диктор: «Хэлло. Это союзнический военный гарнизон в Бари. Этим вечером мы рады приветствовать 2-ю авиагруппу, прибывшую в Чампино и Ченточелле (далее следовали подробности). Так как вы прибыли из долины По, то мы не можем упустить такой благоприятный случай, что не выказать свое уважение к вам, джентльмены. Не забудьте до следующего рассвета получше зарыться в землю, пока у вас есть еще время. Увидимся, джентльмены. Спокойной ночи».

– Отлично, но это уже немного чересчур, я должен сказать! – воскликнул Зиги. – Как, черт возьми, они узнали о нашем прибытии?

– Болван! Из наших радиопереговоров и от Бадольо[106]. Этим утром мы много болтали, а они нас слышали. Вдобавок об этом позаботились ренегаты-фашисты[107]. Ничего не может быть проще. Помнишь, что произошло в 1916 году?[108] Мы окружены шпионами!

Дни проходили в перемещениях от аэродромов к местности на берегах Тибра и обратно. Порой, когда мы думали, что противник устал, мы рисковали оставаться на аэродромах Чампино и Ченточелле.

Приземляться там могли лишь пилоты, сведущие в акробатике. Воронки от бомб располагались почти вплотную, но трюк, который мы уже использовали в Трапани, все еще был весьма эффективен. Мы засыпали воронки на участке шириной 15 метров вдоль взлетно-посадочной полосы и обозначали его пустыми бензиновыми бочками. Пилот, который не владел своей машиной в совершенстве, почти наверняка ломал себе шею. Но это было лучшее, что мы могли сделать.

Со своей стороны, американцы полагали, что невозможно продолжать нормальные действия с аэродромов, которые были превращены ими в картофельные поля, но в тот же день, когда итальянцы сообщали им о малейшей активности на них, фейерверк начинался снова.

В конце концов Ченточелле, Литторио, Чампино и другие аэродромы превратились в изрытые, словно кротами, поля. Лишь аэродромы, где мы маскировали наши «ящики», оставались неповрежденными. Самолетов там было больше, чем травы на них.

В первые две недели января царила нездоровая тишина. Это было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго.

Зиги полагал, что союзники чистят свои пушки и подвозят подкрепления.

Он оказался прав.

Несколькими днями спустя он однажды утром приветствовал меня следующими

[106] 25 июля 1943 г. 73-летний маршал Пьетро Бадольо был назначен главой итальянского правительства вместо смещенного Муссолини, 8 сентября 1943 г., встретившись на Сицилии с командующим союзными войсками генералом Эйзенхауэром, он подписал документы о безоговорочной капитуляции Италии перед западными союзниками и взаимном прекращении огня. Затем 13 октября 1943 г. правительство Бадольо, успевшее до оккупации немцами Рима перебраться в Бриндизи, объявило войну Германии.

[107] В Третьем рейхе термин «фашист» использовался исключительно по отношению к итальянцам. После того как в марте 1919 г. Бенито Муссолини создал партию «Союз борьбы», фашистами стали назвать ее членов, а саму партию – фашистской. При общей схожести итальянского фашизма и немецкого национал-социализма между ними имелись и различия, и надо отметить, что даже в период существования так называемой оси отношения фашистской Италии и нацистской Германии были далеко не простыми.

[108] Вероятно, имеется в виду, что, когда началась Первая мировая война, Италия, будучи членом так называемого Тройственного союза, заключенного с Германией и Австро-Венгрией, объявила о своем нейтралитете. В виде компенсации за участие в войне Австро-Венгрия предложила Италии район Триест – Тренто, который после окончания войны должен был бы отойти к ней. Однако 26 апреля 1915 г. Италия подписала с Англией, Францией и Россией тайное Лондонское соглашение, по которому за вступление в войну на стороне Антанты она получала значительно большие территории. 24 мая 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии и расторгла договор о Тройственном союзе. За войну на стороне Антанты тогда активно выступал и будущий вождь итальянских фашистов Муссолини.

словами:

– Наши друзья высадились в Неттуно[109].

Я притворно потряс головой:

– О мой Боже! Это никогда не закончится! Алжир, Тунис, Пантеллерия, Сицилия, Калабрия, Салерно, а теперь Неттуно. Они могут преодолеть эти несчастные километры, которые отделяют их от Рима, в течение ночи, и притом пешком.

– Если на дороге нет слишком больших камней. Ты же знаешь, что они приходят в ужас от необходимости ходить пешком.

– В другом случае они будут здесь через час. У нас нет ничего, что можно выставить против них.

– Мы удерживаем Монте-Кассино[110]. Именно поэтому они пытаются ударить по нам с тыла.

Старик положил конец нашим размышлениям: «Все в воздух. Полетим и посмотрим, что происходит».

В тот день лишь некоторые из нас смогли пролететь над зоной высадки. Американцы создали заградительный зенитный барьер, беспрецедентный по своей мощи, которого никогда прежде не было на Южном фронте. На высоте от 450 до 9200 метров не имелось ни одного кубического метра воздуха, неприкрытого зенитными снарядами. Абсолютная стена огня. Полосу лесистой местности приблизительно в трех с половиной километрах к северу от Неттуно защищали батареи, размещенные бок о бок. Они были усилены зенитной артиллерией кораблей, стоявших на якорях около берега.

Какой салют…

Тем не менее сбить скоростной истребитель, летевший на 7700 метрах, было почти невозможно до тех пор, пока его пилот не начал бы придерживаться прямолинейного курса. Лишь случайный выстрел мог достать его. К сожалению, на сей раз это не могло помочь нам, заградительный огонь был настолько плотным, что мы предпочитали держаться на расстоянии. Видя эту картину, я сказал сам себе: «Замечательная выставка одуванчиков[111]. Эти зенитки предназначены для тебя. У них, должно быть, масса долларов, чтобы превращать их в дым подобным образом. И куда подевались ковбои? Никаких «Лайтнингов» сегодня нет».

Я должен был держать свой рот на замке. С юга на горизонте появилось облако. Стая «воробьев», толстых и черных, приближавшаяся со стороны Неаполя.

На сей раз это были «Тандерболты».

Командир группы, летевший справа от меня, не смог сдержать крик по двухсторонней связи: «Все за мной, иначе нас переловят словно крыс».

Мы успели вовремя вернуться на свой аэродром.

Несколькими днями спустя нас вызвал комендант аэродрома. «Рим объявлен открытым городом[112], – сообщил он. – Мы должны покинуть его. Мы еще раз начинаем

[109] Утром 22 января 1944 г. на итальянском побережье в районе Анцио – Неттуно, в 50 км южнее Рима, высадились американские 6-й корпус и 3-я дивизия, а также британская 1-я дивизия. Захваченный ими плацдарм находился приблизительно в 100 км позади так называемой «линии Густава» – эшелонированной линии обороны немецких войск, тянувшейся от залива Гаэта на побережье Тирренского моря до побережья Адриатического моря в районе Васто.

[110] Монте-Кассино – горный массив в 120 км юго-восточнее Рима, бывший ключевым местом немецкой обороны на левом фланге «линии Густава».

[111] Имеются в виду облачка от разрывов зенитных снарядов, походившие на плывущие по небу одуванчики.

[112] В международном праве понятие «открытый город» означает город, который одним из воюющих государств объявлен незащищенным и потому не может быть зоной военных действий. В ходе Второй мировой войны открытыми городами были объявлены сначала Рим, а затем Париж.

стратегическое отступление на север в направлении Витербо».

В самом Риме все было вверх дном. Кессельринг[113] поспешно формировал боевую группу. Госпитали прочесывались, едущие в отпуск останавливались, отбившиеся от своих частей солдаты ставились в строй. Фактически каждый, кто говорил по-немецки и носил оружие, посылался на фронт. Римская боевая группа была направлена к плацдарму[114].

Если бы в тот момент американцы решили надавить на педали газа своих «Шерманов», то они прорвали бы фронт и доехали до Флоренции, а проблема Монте-Кассино решилась сама собой; но они упустили случай, и эта задержка помогла планам главнокомандующего на юге[115]. Американская пехота продвигалась вперед до тех пор, пока имела артиллерийскую поддержку, а затем она окапывалась и ждала. Спешно сформированные Кессельрингом команды просочились через Понтийские ворота, Торре-Гайа[116] и вышли к побережью южнее Остии[117]. В центре они продвинулись к Априлии, Ланувио и Чистерне[118], а оттуда к побережью. Войска удерживали свои позиции, позволяя подойти подкреплениям, и линия фронта была сформирована. С другой стороны, американская артиллерия наконец получила цель для обстрела. На время десант был остановлен.

Аэродром нашей группы в Тускании[119], около Витербо, был великолепно оборудован. Самолеты были скрыты естественной маскировкой в виде групп деревьев на полях, окружающих аэродром. На взлетно-посадочной полосе паслись стада овец.

Когда пролетали вражеские самолеты-разведчики, то вместо аэродрома они видели щиплющих траву овец. В то же время, как только поступал приказ, кусты раздвигались, ввысь взлетала сигнальная ракета, овцы и пастухи растворялись в углублениях в земле, и самолеты взлетали, скользя над спинами стада, которое немедленно после этого продолжало прерванную кормежку. Несколько минут спустя летное поле снова становилось мирным, пасторальным лугом. Вражеские разведчики, должно быть, задавались вопросом, каким чудом «Мессершмитты» оказываются в воздухе. Они так никогда и не смогли обнаружить, откуда мы взлетали. Таким образом, мы избежали ковровых бомбардировок, преследования со стороны назойливых визитеров и сохранили моральный дух группы.

В среднем мы выполняли два или три вылета в день, иногда четыре. Мы получили приказ прикрывать группу штурмовиков, базировавшуюся в Витербо[120]. Эта группа, приблизительно от пятнадцати до двадцати самолетов, должна была два или три раза в день

[113] Генерал-фельдмаршал Альфред Кессельринг с 12 января 1940 по 11 июня 1943 г. возглавлял 2-й воздушный флот люфтваффе, затем 26 июня 1943 г. он был назначен главнокомандующим вооруженными силами Германии в Юго-Западной Европе, а 10 марта 1945 г. – главнокомандующим Западным фронтом.

[114] К вечеру 22 января 1943 г. союзники в районе Неттуно захватили плацдарм шириной 25 км и глубиной 14 км. К началу высадки немцы имели там лишь два неполных пехотных батальона и несколько береговых батарей, вооруженных старыми французскими и итальянскими пушками.

[115] Узнав о высадке союзников в районе Неттуно, Кессельринг приказал перебросить к плацдарму части из 11-го парашютно-десантного корпуса, 14-го армейского корпуса и 76-го танкового корпуса, и ему было необходимо выиграть время до их прибытия.

[116] Торре-Гайа – местечко в 12 км юго-восточнее Рима.

[117] Имеется в виду г. Лидо-ди-Остия на побережье Тирренского моря, в 25 км юго-западнее Рима.

[118] Априлия – город в 15 км севернее Неттуно, Ланувио – местечко в 24 км севернее Неттуно, Чистерна-ди-Латина – город в 18 км северо-восточнее Неттуно.

[119] Тускания – городок в 19 км западнее Витербо.

[120] Имеется в виду II./SG4, которая размещалась на аэродроме Витербо с октября 1943 по май 1944 г.

сбрасывать свои бомбы на плацдарм. Очевидно, что нам – истребителям – подобные полеты доставляли немного удовольствия.

Истребители-бомбардировщики «Фокке-Вульфы-190» обычно летели на высоте 5500 метров. Мы, истребители группы сопровождения, распределялись по флангам, сверху и снизу боевого порядка группы, формируя защитный «зонтик». Оказавшись над целью, «Фокке-Вульфы» пикировали со своими 500-килограммовыми бомбами. Некоторые из истребителей тоже переходили в пикирование, в то время как другие оставались наверху прикрывать атаку. Бомбы предназначались для позиций передовых частей американцев или, в редких случаях, для десантных судов.

Пикирование истребителей-бомбардировщиков, устремлявшихся к своим целям на скорости 645 км/ч, было вопросом нескольких секунд. Затем все сломя голову мчались обратно на свой аэродром.

Эти вылеты на сопровождение не всегда были тихими и мирными. Для истребителей это самое неприятное дело из всех возможных. Начать с того, что это, прежде всего, задача прикрытия машин, которые мы эскортируем. Мы не могли атаковать противника в надежде на возможную победу. Наоборот, все остаются на месте и продолжают оставаться начеку.

Иногда в поле зрения поблизости пролетали один или два американских самолета, ожидавших, что «Мессершмитты» ринутся преследовать их. В отдалении же, вне видимости, находилась группа «Лайтнингов» или «Тандерболтов», ждавшая сигнала от отвлекавших внимание самолетов и готовая атаковать группу истребителей-бомбардировщиков, которая и была их настоящей целью. Нескольких минут, которые проходили между уходом эскорта и его возвращением, для «Лайтнингов» было достаточно, чтобы разделаться с истребителями-бомбардировщиками, а затем вступить в открытую схватку с «Мессершмиттами».

Так что истребители держались около бомбардировщиков словно собака около ноги своего хозяина. Их роль заключалась в том, чтобы служить щитом, если, несмотря на истребительное прикрытие, группа будет атакована, и подставлять свою шею, пока бомбардировщики мирно возвращаются на аэродром. Во всяком случае, это была точка зрения истребителей люфтваффе, и в некоторой степени она была оправданной.

Однако и пикирование также было очень неприятным. Союзники применяли особую тактику, основанную на их численном превосходстве и разнообразии типов вооружений, имевшихся в их распоряжении.

Прежде всего они создали над плацдармом почти непреодолимый барьер зенитного огня. Выше его над окружающим районом господствовали «Тандерболты», оснащенные двигателями мощностью 2200 л. с. Более тяжелый, чем «Мессершмитт», «Тандерболт» мог пикировать намного быстрее, а мощность его двигателя намного превышала 1350 л. с., развиваемые двигателем Ме-109, делая его быстрее по крайней мере на 65 км/ч. Ниже них рыскали «Лайтнинги» и «Мустанги», которые были одинаково противны. Они оба имели лучшую маневренность, чем Ме-109. И наконец, около самой земли патрулировали «Спитфайры» самой последней модели. Они очень хорошо умели неслышно подкрасться и нанести удар в спину. Вы даже не могли заметить их, а они внезапно садились вам на хвост, и схватка грозила закончиться не в пользу «Мессершмитта».

Все эти вражеские самолеты превосходили несчастный Ме-109 на больших, средних и малых высотах. Кроме того, противник каждые шесть месяцев выпускал новые типы машин, которые были быстрее, маневреннее и имели лучшую скороподъемность, чем их предшественники. «Кертисс» Р-40 во время высадки в Северной Африке был классной машиной. Но уже в Тунисе его оттеснили «Лайтнинги». После высадки в районе Неттуно «Лайтнинги» с Сицилии впервые стали усиливаться «Мустангами». Мы же летали на Ме-109 начиная с авиационной выставки в Цюрихе в 1936 г. Что же касается численного превосходства, то оно увеличилось до приблизительно десяти «Лайтнингов», «Тандерболтов» и «Мустангов» на один «Мессершмитт».

Однажды, сопровождая истребители-бомбардировщики в ходе их ежедневной прогулки, я пропустил свою «реплику», когда они начали пикировать. Это было еще ничего.

Я был лишь в 90 метрах от них, но уже попал в беду. Прежде чем я успел вздохнуть, у меня на хвосте висели несколько «Тандерболтов», готовые подстрелить меня. В последний момент мне в голову пришла блестящая идея.

Приблизительно посередине Албанских холмов[121], на высоте около 600 метров, у подножия Рока-ди-Папа[122], лежало озеро Неми. Регулярно каждый день, около полудня, над ним на высоте 1800 метров возникало небольшое скопление кучевых облаков приблизительно километра два шириной.

Я направился прямо к нему, заранее смеясь над шуткой, которую собирался сыграть со своими преследователями.

«На сей раз вы не сможете достать меня, – думал я. – Я не чувствую себя достаточно сильным противостоять вам в открытую, как недавно вашим приятелям над долиной По».

Я вошел в кучевые облака и начал вертеться в них, как юла, выполняя произвольные петли. Поскольку я был обучен слепым полетам, то это было не особенно трудно. «Тандерболты» потеряли меня из виду, но пилоты, должно быть, полагали, что я могу быть только в этом проклятом небольшом облаке. Они создали своеобразный барьер вокруг него и поджидали меня.

Началась игра в прятки. Я летел к краю облака и, заметив, где его плотность была меньше, «высовывал свой нос в окно». «Тандерболты» атаковали меня, приветствовав градом пуль.

Я делал переворот и спешил обратно в облако. Они, наверное, позеленели от злости, однако не могли вытащить меня из моего убежища. Лучшее, что они могли сделать, это протаранить меня в облаках, но при этом сами могли обжечь себе пальцы. Поэтому они оставались снаружи, выполняя круг за кругом. Время от времени, чтобы «вдохнуть» свежего воздуха, я высовывал нос наружу, но лишь только для того, чтобы поспешно отступить назад перед тем, как противник успевал нажать на кнопку огня. Для него было совершенно невозможно стрелять вслепую в облако. Это было бесполезно, а также и опасно для тех, кто был с противоположной стороны. Карусель продолжалась.

Они, должно быть, говорили себе: «В конечном счете этот парень должен будет выйти, хочет он этого или нет. В любом случае он не сможет уйти от нас». Я же действовал не спеша. Мои баки были полными, а времени сколько угодно, так что я продолжал терпеливо ждать. Внезапно меня осенило. Они ждут, когда я выйду, но сбоку. Там, где они видели мой нос. Чтобы вырваться, мне придется круто спикировать. Если мне немного повезет, то они не смогут заметить меня, и я без проблем ускользну.

Я выложил свой козырь. Толкнув ручку управления и постепенно набирая скорость, я вышел из облаков в северном направлении и спикировал словно сумасшедший к гребню Рока-ди-Папа. Хитрость удалась.

Глава 9. «Здесь лежит неизвестный товарищ»

Мой «Мессершмитт» находился в ремонтных мастерских. Я сидел на траве около капониров своей эскадрильи и смотрел в небо. Тридцать минут назад мои товарищи взлетели, чтобы перехватить группу двухмоторных бомбардировщиков, направлявшуюся к Витербо. На обратном пути бомбардировщики пролетали над нашим аэродромом, и наши истребители продолжали активно их атаковать. Замыкавший строй американец, кажется, получил достаточно свинца в одно крыло и стал терять высоту. Ме-109 на его хвосте продолжал стрелять. За двигателями бомбардировщика тянулись шлейфы черного дыма, языки пламени начали лизать фюзеляж, а самолет стал вихлять из стороны в сторону.

[121] Албанские холмы – небольшой горный массив юго-восточнее Рима.

[122] Рока-ди-Папа – вершина Албанских холмов высотой 956 метров, в 23 км юго-восточнее Рима, и одновременно название расположенного рядом городка.

Отлетел лонжерон или от крыла, или от стабилизатора. Экипажу пришел конец.

– Слишком поздно прыгать с парашютами. Они слишком низко, – сказал я своему механику, сидевшему неподалеку.

– Да. С ними все кончено.

– Взгляни. Один из них пытается выпрыгнуть. Это, должно быть, хвостовой бортстрелок. Так и есть. Он выпрыгнул.

Я следил за черной точкой, пикирующей к земле по длинной параболе.

– Время дергать вытяжной трос, или его парашют не успеет раскрыться.

– Он выпрыгнул слишком поздно.

Мы оба, запрокинув головы, смотрели в небо.

– Посмотри, как этот несчастный ублюдок старается. Его купол не раскроется. Боюсь, что его судьба решена.

– Дергай кольцо, ради бога, дергай!

Человек приближался прямо к нам, падая словно камень, раскинув руки, как будто пытался затормозить свое падение, но безуспешно. Мы слышали, что он кричал. Это был животный, пронзительный крик, от которого стыла кровь.

Он разбился на краю летного поля. Побелев, словно лист бумаги, я вскочил на ноги.

– Быстро за мной. Пошли.

Мой механик уставился на меня, в его глазах было недоумение.

– Пошли. Я знаю, что уже ничего нельзя сделать, но, по крайней мере, мы можем вырыть ему могилу. Мы не можем оставить его лежать там подобным образом.

Мы мигом отправились туда. Я уже видел некоторых из своих приятелей, чьи парашюты не раскрылись. Не было никакой разницы между другом и врагом. Я знал, что меня ожидает. Кукла из плоти с переломанными конечностями, расплющенная, неузнаваемая. Бесформенная кровавая масса.

– Он там, герр лейтенант.

– Пойдем. Война для него закончилась. Все его тревоги позади.

Мы осторожно приближались к нему. Американец лежал, зарывшись лицом в землю. Купол его парашюта, который он успел выпустить, стелился по земле на некотором расстоянии. Он спутался, когда раскрывался.

– Принеси парашют.

Мы накрыли труп белым шелком. Вместо того чтобы служить саваном, он должен был спасти ему жизнь. Мы стояли рядом с этим неизвестным парнем, таким же пилотом, как и мы, несчастным куском пушечного мяса. Мы сняли фуражки и смотрели на белую ткань, которая медленно становилась розовой от крови.

Тихим голосом я сказал своему механику, чье лицо вытянулось и осунулось:

– Смотри хорошенько, Франц. Вот так мы умираем в воздухе. Иногда это красивая смерть. Она подкрадывается постепенно и внезапно хватает тебя за горло. Ты едва успеваешь почувствовать удар – и все кончено.

– Что мы будем делать, герр лейтенант? – спросил Франц, заикаясь.

– Завернем его в парашют и отнесем.

– Куда?

– К обочине дороги, затем отвезем его на автомобиле на кладбище.

Я приподнял шелк и наклонился, к трупу. Франц не решался.

– Бери его за руки, – сказал я. – Чего ты ждешь?

Я взялся за ноги американца. По моим рукам потекла кровь. Франц наклонился, схватил руку и сразу же отскочил назад.

– Я не могу сделать этого, герр лейтенант. Тут мозги, кровь и обломки костей. Его голова, должно быть, ударилась о камень, когда он упал. Я не могу сделать это. Не могу.

Я разогнулся, посмотрел на Франца, а затем на труп.

– Ты прав. Он может развалиться на части, если мы попытаемся перенести его. Погоди секунду. Мы выроем могилу около него и поставим крест. Иди за лопатами, возвращайся с

двумя или тремя парнями и захвати пару кирок.

Франц пошел прочь, и я остался один на один с мертвецом. На его запястье был надет металлический браслет, на котором был выбит его личный номер.

– Франц, принеси также и кусачки! – крикнул я.

Я прикрыл тело парашютом и сел.

У него должны были быть документы в летной куртке или где-нибудь еще, но мне не хватало мужества, чтобы ощупать эту кровавую массу. Личного знака должно было хватить. Я с горечью посмотрел на труп.

«Земля безжалостна, старина. Она там, внизу, со своими лесами, полями, озерами и горами, маленькими деревнями и большими городами, и она терпеливо ждет того момента, когда мы – пилоты – утратим равновесие в воздухе. Сегодня или завтра, в этот день или в другой, вы или я, не имеет значения. Она притягивает нас к себе и сокрушает. Везде, где бы мы ни находились, она следит за нами и охотится на нас подобно пантере, наблюдающей за своей жертвой и готовой напасть при первой же благоприятной возможности. Вы и я знаем об этом. Когда мы находимся в облаках, когда мы боремся с ветром, мы слишком легко забываем о земле – нашем враге. Внезапно она протягивает свои руки к нам, как она только что сделала с вами, и вы на крючке. Чтобы схватить нас, годится любой трюк: воздушная яма или отказавший двигатель – результат одинаковый. Конец, который нас ждет, один и тот же. Раздробленный труп, тело, которое подпрыгивает при ударе, и немой крик, который слышит только она, земля. Летчик не умирает в своей постели».

Появились механики.

– Почему его парашют не раскрылся, герр лейтенант?

– Я сам задаюсь этим вопросом.

Люди колебались, и я начал отчитывать их:

– Нечего ходить тут кругами. Возвращайтесь к ангарам и принесите мне ящик. Вызовите доктора и скажите, чтобы он пришел сюда с парой резиновых перчаток. Где ваши лопаты? Мы собираемся похоронить его здесь.

В этот момент пришел Франц с кусачками. Я взял руку мертвеца и снял его личный знак.

– Так, Франц. Отдай это доктору. Когда сделаешь крест, напиши на нем краской этот номер. Ты понял?

– Да, герр лейтенант.

Они начали копать, и я помогал им. Могила была вырыта в небольшой низине около аэродрома. Когда она была готова, мы сели на траву, смотря на наши самолеты, заходившие на посадку. Один из них покачал крыльями в знак своей победы. Это был самолет Зиги.

На место прибыл «шарлатан»[123] и, осмотрев труп, сухо сказал:

– Личного знака недостаточно. Я надену перчатки и поищу его документы.

Он снял парашют и перевернул тело на спину. Я отвел глаза. Наконец, я услышал, как он пробормотал:

– Думаю, что я нашел его бумажник.

Он вручил мне бесформенный предмет, покрытый свернувшейся кровью.

– Я посмотрю, что там внутри, попозже, когда его вымоют.

Франц вернул ему назад личный знак.

– Вы правы, – произнес доктор. – Тело нельзя перемещать. У нас будет готовый гроб только завтра, к полудню. Нам придется оставить его здесь на ночь. Это не очень хорошо, поскольку звери, привлеченные запахом свежей крови, могут сожрать его. Лучше похоронить его сразу на месте. По крайней мере, он упокоится в мире.

– Как вы это представляете?

– О, это очень просто. Вон кто-то идет с ящиком, которого, кажется, вполне достаточно. Так, Хенн. Берите эту пару резиновых перчаток и помогите мне положить его

[123] «Шарлатан» – выражение из военного жаргона, обозначающее военного врача.

внутрь.

Доктор оторвал большую полосу от парашюта и расстелил ее около стоявшего рядом ящика.

– Теперь берите его за ноги. Мы сможем втиснуть его, если сложим вдвое. В его теле почти не осталось целых костей, так что его можно свернуть в шар.

– Я всегда знал, что «шарлатаны» довольно бесчувственны, но вы, доктор, перешли все границы. Вы настоящий мясник.

– Бесполезно проявлять сентиментальность, старина. Смерть ничего не требует от нас, кроме похорон, и именно это мы собираемся сделать. Чего вы от меня ждете?

– Хочу заметить, что вы не летаете, доктор, и не имеете понятия о чувствах пилота; если такое когда-нибудь случится с вами, то лишь в транспортном самолете. Хорошо, нет никакого смысла в этой дискуссии. Давайте действовать.

Он ухватил труп за плечи, а я взял за ноги.

Механики стояли вокруг нас. Ящик открыли, и доктор скомандовал:

– Теперь тяните его ноги вверх к голове. Вы, там, подхватите снизу, когда мы поднимем его.

Механики отпрянули назад.

– Вы собираетесь повиноваться мне или нет? Я приказываю, чтобы вы подняли его.

Наконец погибшего пилота уложили в ящик. Мы закрыли крышку, и скоро первые комья земли забарабанили по ней.

На следующий день на краю аэродрома стоял деревянный крест. Я пошел навестить могилу неизвестного летчика вместе с Зиги.

– Он тут, Зиги. Вчера в полдень «шарлатан» и я похоронили его.

Зиги не произнес ни слова. Он снял свою фуражку, а затем, подумав несколько минут, медленно сказал:

– Это была безжалостная схватка. Он стрелял словно сумасшедший. Я, должно быть, попал в один из топливных баков. Машина развалилась в воздухе. Она пылала. Я удивляюсь, как он вообще смог выбраться из своей турели?

Мы вернулись в столовую.

Доктор не смог разобрать бумаги, которые были найдены в его бумажнике. Они склеились от крови. Мы не знали о мертвеце ничего, кроме его личного номера. На его кресте мы написали белой краской: «Здесь лежит неизвестный товарищ, американский летчик», а ниже – его идентификационный номер.

Глава 10. Портрет Герберта

Несколько дней спустя коллеги разбившегося летчика навестили нас на своих «Мародерах»[124]. Они прилетели с Сардинии. Пришел приказ на взлет, и наша группа должна была перехватить их. Кто-то еще принимал решения, потому что у войны нет конца, она неумолимо продолжается. Ради какой цели они распоряжаются нашими несчастными жизнями?

Группа перехватила соединение «Мародеров» недалеко от Чивитавеккьи. Летя западным курсом, двухмоторные самолеты возвращались домой, стерев с земли какую-нибудь железнодорожную станцию в центре Италии. Их пилоты, казалось, не подозревали о том, что их ожидало, или, возможно, они знали, что число воздушных побед немецких истребителей значительно сократилось. В результате они рискнули выполнить свое задание без истребительного прикрытия. Бог с вами…

«Мародеры» мчались словно метеоры. Ничто не могло расстроить их соединение. Они держались на своем курсе. Когда они увидели пикирующие «Мессершмитты», то сомкнулись и сформировали безупречный боевой порядок, обеспечивая защиту друг другу, и

[124] B-26 «Marauder» – двухмоторный американский бомбардировщик.

продолжали двигаться своим курсом, как будто ничего не случилось.

Наши шестнадцать машин разделились на четыре звена и атаковали эти пятьдесят бомбардировщиков. Бой скоро достиг своего апогея. Истребители делали «свечки», пикировали и вцеплялись в хвост «Мародерам», стреляя словно безумные. Со своей стороны американцы обстреливали нас градом пуль и непрерывным потоком снарядов. Время от времени самолеты получали попадания. Гюнтер, командир 5-й эскадрильи, хриплым голосом прокричал по двухсторонней связи: «Христос всемогущий! Они, должно быть, очень прочные. Ни один из них не сбит. С ума сойти, сколько свинца могут переварить эти ублюдки».

Герберт, который находился слева от меня, ответил:

– Подождите минуту. Я подхожу. Держитесь рядом, Петер. Заходим.

– «Виктор».

Герберт и я набросились на бомбардировщик, летевший на фланге соединения. Под нами, на высоте 900 метров, толстый слой облаков скрывал землю.

Герберт плохо рассчитал свое пикирование. Когда мы выровнялись, то оказались очень близко к «Мародеру». Мы были на дистанции всего лишь 100 – 150 метров. Град пуль свистел мимо наших ушей. Линии красных трассеров были настолько плотными, что, казалось, они сливаются вместе. Вражеские пулеметы выпускали все новые очереди, абсолютный град железа и стали. Я на секунду непроизвольно закрыл глаза. Склонясь к прицелу, я видел пролетавшие надо мной трассеры. Мой мозг пронзила мысль: «На этот раз ты не отделаешься. Это конец». Свинцовые мухи рикошетировали от ветрового стекла, проходили над головой и с обеих сторон. Казалось, я слышал их свист.

Я с удивлением обнаружил, что все еще жив; пролетающие по касательной очереди заставили меня во второй раз закрыть глаза. Я нажал на кнопку спуска и, втянув голову в плечи, заставил себя снова открыть глаза, чтобы следить за полетом своих трассеров. Герберт слева от меня сделал то же самое. Я не мог его видеть, но мог ощущать его присутствие. Он стрелял из всего, что у него было.

«Мне нужно уйти вверх, – думал я. – Я уже слишком близко, необходимо выбираться отсюда. Начинай маневр уклонения, иначе… Почему Герберт не уходит вверх? Герберт, Герберт…»

Грохот. Звук рвущегося металла. Мой двигатель начал стучать. Я дернул ручку управления на себя и ударил ногой по левой педали руля направления. Герберт отделился и заскользил вниз. Я взмыл вверх, выровнялся, развернулся и моментально промчался мимо вражеских пушек. На сей раз было тихо, как после бури. Пули больше не стучали по моему фюзеляжу. Я помчался вниз за «Мессершмиттом» Герберта, который быстро летел к земле и уже почти достиг слоя облаков.

«Почему он не выравнивается?»

Это был конец. Герберт исчез в облаках.

Холодный пот стекал у меня по спине.

«С ним покончено. Он не сможет выровняться. Девятьсот метров недостаточно для Ме-109, чтобы выйти из такого пикирования на скорости более 720 км/ч».

Я напряженно вглядывался в промежутки в облаках, чтобы поймать хотя бы отблеск его машины, и начал орать в свой микрофон: «Выводи, Герберт. Выводи».

Я сам тоже получил попадания. Мое дыхание перехватило, и я больше не мог обдумывать грозившую мне опасность. Я нажал на кнопку передатчика и передал: «Говорит «желтая двойка». Говорит «желтая двойка». Попадание в двигатель. Я должен приземлиться. Выхожу из боя. Конец…»

Никакого ответа не было. Мой двигатель фыркал, кашлял, а затем снова запускался. В любой момент я ожидал увидеть поршни и головки цилиндров, летящие сквозь капот. Пропеллер еще молотил воздух, но быстро замедлял обороты. Внезапно капот покрылся маслом. На ветровом стекле появлялись и медленно стекали черные пятна. Должно быть, был пробит маслобак. Я посмотрел на указатель количества масла. Стрелка медленно

отклонялась назад. Обороты двигателя падали. Масло больше не поступало в него. Я понимал, что должно случиться. Все было кончено. Масло задерживалось на ветровом стекле, затуманивая мой обзор. Я включил стеклоочиститель[125], но он лишь размазал густое масло еще больше. Я летел вслепую и должен был отклониться вбок, чтобы видеть, что впереди.

«Позволь машине планировать. Ты не должен пикировать. Не пугайся, Хенн. Ты можешь благополучно приземлиться. Единственная опасность состоит в том, что капли масла просочатся через капот и попадут на горячий двигатель. Сначала будет треск, а затем начнется фейерверк».

Масло текло повсюду, расползаясь, словно рептилии. Я снизился до 900 метров, прошел сквозь облака и попытался найти подходящее место для посадки. Я задавался вопросом, не должен ли я выпрыгнуть с парашютом.

Однако я решил рискнуть и не покидать самолет. Мне продолжал мерещиться черный деревянный крест на краю аэродрома в Тускании. В любом случае я должен был попытаться. Мне придется совершить аварийную посадку. «Ты не можешь погибнуть, Хенн. Удача на твоей стороне».

Я пытался оживить свою храбрость и успокаивал сам себя. Внезапно я увидел серовато-коричневое поле, окруженное деревьями. Оно, казалось, звало меня. Я заложил левый вираж и направился к нему. Мое ветровое стекло сейчас было почти черным. Я мог видеть только по бокам, и, чтобы облегчить ситуацию, я открыл фонарь и высунулся.

Бац! Мне в лицо ударила струя масла. К счастью, на мне были очки, но теперь они были залиты. Я снял их и укрылся за боковым стеклом, косясь одним глазом в сторону ветрового стекла. Я мог видеть все вокруг, кроме того, что было впереди. Я снижался по нисходящей спирали, позволяя машине планировать. Сосредоточив все свое внимание на поле, я, к своему ужасу, заметил, что только что проскользнул над высоковольтной линией, а затем над деревом. Теперь я должен был приземлиться любой ценой. Поле было достаточно большим. Ничего не могло случиться.

В последний момент, когда я выключил двигатель, то заметил, что поле вспахано. Мельком я увидел внизу под своими колесами впадину в земле. Я попытался перескочить ее, но «Мессершмитт» был уже на последнем издыхании. «На себя. Тяни на себя ручку управления, иначе ты воткнешься в землю».

Мои руки действовали автоматически. Вместо набора высоты, как я предполагал, я спикировал. Скорость увеличилась. Я потянул ручку на себя. Нос опустился, слегка приподнялся, очень немного, а затем последовал удар.

Я почувствовал в спине ужасную острую боль, пронзившую меня, черная пелена повисла перед глазами…

– Моя спина, – закричал я, – моя спина.

Я инстинктивно ощупывал себя, бормоча:

– Я что-то сломал. Интересно что.

В кабину просачивался запах гари. Я знал, что должен выбираться как можно быстрее. Масло вот-вот загорится, машину охватит пламя.

Словно слепой, я нащупал край кабины, схватился за него, рывком поднялся со своего кресла, зашатался и плашмя упал на землю. Я продолжал стонать:

– Моя спина, о, моя спина.

Прибежали несколько итальянцев – они не могли упустить такой случай. Они начали жестикулировать и говорить все сразу, пробуя поднять меня. У меня осталось достаточно сил, чтобы выкрикнуть:

– Ради бога, удирайте. Разве вы не видите, что самолет в любой момент может полыхнуть огнем?

[125] Bf-109 были оборудованы системой омыва ветрового и боковых стекол козырька кабины, при этом в качестве очищающей жидкости использовался обычный бензин из топливной системы истребителя.

Они не поняли ни слова, но все же отступили назад. Я поднялся на ноги и, шатаясь, направился в направлении ямы в земле, чтобы укрыться в ней. Крестьяне пошли за мной и дали мне выпить. Я почувствовал, что силы возвращаются ко мне.

В конце концов появился немецкий обер-фельдфебель.

– Здесь произошла катастрофа?

Я разразился смехом.

– Вы проклятый кретин! Вы видите меня лежащим на земле, а в сотне метров мой «ящик», который может вспыхнуть словно бенгальский огонь, и вы задаете мне чертовски глупый вопрос, подобный этому! Сначала отгоните гражданских жителей. В моем «Мессершмитте» есть кое-какие вещи, которые они могут стащить.

Обер-фельдфебель очистил поле и вернулся ко мне.

– Вы ранены, герр лейтенант?

– Нет. Я лишь получил хороший пинок по заднице, когда приземлялся. Помогите мне встать. Возможно, вы могли бы найти для меня автомобиль. Я должен вернуться на аэродром.

Я осторожно поднялся с его помощью и медленно побрел к своей машине. Если она до этого не взорвалась, то есть надежда, что все будет тихо и сейчас.

Она действительно не горела. Вероятно, это было плодом моего воображения. Должно быть, меня напугал запах масла или подгоревшего провода. Я взял из кабины все, что смог, – кислородную маску, свой шлем с наушниками, карты и, как сувенир, ключ зажигания. Это был уже второй. В нескольких сантиметрах от дульного среза пушки, около вала пропеллера, зияла огромная дыра в масляном баке[126]. Она и стала причиной аварии.

На автомобиле я вернулся в Тусканию. В столовой я обнаружил несколько новых пустых стульев. Аэродромная радиостанция поймала мой сигнал бедствия, но лишь частично. Они только поняли, что это был «Мессершмитт» из 6-й эскадрильи, но не знали чей. Номера самолетов 4-й эскадрильи были синими, а 5-й – черными. Наши имели желтый цвет. Пропавшими без вести числились два пилота – Герберт и я. С другой стороны, они не знали, кто из нас, он или я, был тем, кто пытался приземлиться. Они видели, что мы спикировали после последней атаки, но остальные, которые преследовали «Мародеров», не могли последовать за нами вниз.

После своей посадки я забыл включить рацию и выйти на связь и на пути домой думал: «Мой стул тоже будет пуст. Как они удивятся, когда увидят меня входящим».

Я толкнул дверь столовой и вошел.

Все обернулись. Я имел хорошенький вид: весь покрытый маслом, черный, как грузчик угля, с взъерошенными волосами и грязными руками и с парашютом под мышкой.

– А где Герберт? – спросил Старик.

– Я видел, что он спикировал в облака, и это все.

Я бросил свой парашют в угол и рухнул на стул. Наступила тишина, и спустя несколько минут Зиги спросил:

– Ты совершил вынужденную посадку?

– Разве не ясно. А что вы еще думали?

– Мы полагали, что это Герберт.

– Нет. Это был я.

Снова наступила тишина.

Я предполагаю, что они предпочли бы увидеть вернувшимся назад Герберта, а не меня. Я еще не стал «стариком», для них я оставался новичком. Конечно, я согласен, что потеря командира эскадрильи, имевшего на своем счету шестьдесят побед[127], более тяжелая, чем

[126] В носу Bf-109G перед двигателем, непосредственно за коком винта, находился маслобак в форме подковы.

[127] Фактически на счету Герберта Пушмана были 57 побед.

потеря молодого лейтенанта, чьи успехи едва можно было сосчитать, но это было уж слишком. Имелось множество новичков, подобных мне, в то время как ветеранов и асов можно было пересчитать по пальцам одной руки. Я чувствовал, что могу прочитать их мысли: «Подумать только, новичок выпутался из этого, а Герберт упал словно камень. Почему Хенн должен сообщать нам о смерти командира 6-й эскадрильи?»

Тяжелая тишина давила мне на плечи, словно свинцовая глыба.

– Черт! – произнес командир группы. – Кто сбил «Мародер», вы или Герберт?

– Я не знаю. Мы оба стреляли одновременно. Я даже не видел, что он упал. Как я могу сказать?

– Прекрасно. «Мародер» будет записан на счет Герберта.

– Вы совершенно правы. Я не думаю, что сыграл в этом большую роль.

Я встал и пошел в свою комнату. Зиги последовал за мной.

– Все думали, что ты погиб.

– Ты думаешь, что я не заметил этого? Меня это заботит меньше всего. Сегодня я в порядке, а завтра…

– Не говори словно полный идиот. Мы думали так, потому что видели, как ты пикировал в последний раз. За твоей машиной тянулся дымный шлейф, но никто не видел Герберта. Ты, стреляя из всех своих стволов, встал на дыбы. Так что мы подумали…

– Да, я знаю, что вы подумали. Вот что значит слишком много думать. Бедный старина Герберт. Он не вернется. Вы можете быть уверены в этом. Он, должно быть, получил попадание в голову через ветровое стекло. Вряд ли он почувствовал что-нибудь. Он заходил в атаку с опущенной головой и попал под очереди хвостового бортстрелка. Я почти поразил того своими пулями. В следующую минуту он попал бы в меня. Сегодня это был Герберт. Завтра это буду я… или ты. Каждый попадет в исповедальню. Теперь у нас остались только три ветерана: Старик, Гюнтер и Вальтер. Ни ты, ни я не принадлежим к этой категории. Мы посередине. Слишком старые для новичков и слишком молодые для «стариков» одновременно. Кого назначат командиром эскадрильи? Конечно, не меня, и ты можешь выбросить из головы мысль, что это будешь ты. Можешь быть уверен, что Герберта заменит кто-то другой.

– Ты предполагаешь, что это меня заботит?

– Задумайся на мгновение, Зиги. На другом конце аэродрома есть черный крест, а под ним лежит американец, которого ты сбил. Герберт даже не будет иметь такого ящика. Он встретил конец в своем самолете и, должно быть, разлетелся на тысячи частей, когда ударился о землю. Можно свихнуться, когда подумаешь об этом. Они не найдут ничего – ни кости, ни кусочка плоти. Взрыв превратил его в пепел. Похоронить его невозможно. Герберт превратился в ничто.

– Подумай о чем-нибудь другом, Хенн.

– Ты прав. Лучше держать свой рот на замке.

Они никогда не нашли бы Герберта, даже если бы искали его в течение недель. Я указал на карте место, где совершил аварийную посадку. По теории его машина должна была быть найдена где-то поблизости. Командир группы отказался уведомить его родителей, пока тело не будет найдено и идентифицировано. Наконец, спустя несколько недель оно было обнаружено в роще на вершине холма. Воронка и обломки самолета. Подобно американцу, который был похоронен на нашем аэродроме, Герберта похоронили в том месте, где он упал… Где-то около Чивитавеккьи.

Однажды могила в конце взлетно-посадочной полосы украсилась бумажными цветами. Их там разместил механик Герберта. Могила его командира была слишком далеко от аэродрома, так что он решил, что лучше положить цветы на могилу американца. Цветы оставались лежать на глине, пока ветер не рассеял их, а дожди не выбелили. Два мира, разделенных пропастью и все же одинаковых. С одной стороны, венок из красно-белых цветов в Тускании у подножия креста с личным номером. С другой стороны, в лесу около Чивитавеккьи, в тени маслины, второй крест с каской. Какие-то пехотинцы поместили на

крест каску, заметив табличку, что в могиле лежит тело немецкого гауптмана. Две могилы, два креста, противник и друг – никакого различия. Результат один и тот же. Погибшие на поле битвы.

Герберт был наиболее квалифицированным пилотом среди нас. Неразговорчивый по природе, уроженец Бреслау, он был связующим звеном между старым и новым поколениями летчиков. Хладнокровный и расчетливый, никогда не раздражавшийся, всегда дружелюбный, настоящий товарищ. С ним вы могли говорить открыто и высказывать все, что думали. Я помню, как однажды на Сицилии пришел к нему ночью после наших первых вылетов.

– Герберт, я в панике.

– В панике? Не мелите чепухи. Вы не знаете того, о чем говорите. Я в своей кабине гораздо чаще покрывался испариной от испуга, чем вы когда-либо в своей жизни, но никогда мне не приходила в голову мысль, что я боюсь. Главное, видите ли, состоит в том, чтобы преодолеть препятствие, перескочить через преграду, справиться со своим собственным инстинктом самосохранения. Это трудная задача, и мне дорогого стоило, чтобы научиться этому. Поверьте мне, Петер, что я так же пугаюсь, как и вы. Я дрожу подобно всем другим, всем без исключения. Некоторые притворяются, что они не боятся. Это – ложь. Есть другие, которые презирают смерть и тоже притворяются, что не боятся. И это – ложь. Третьи презирают смерть и плюют в лицо своим страхам. Не каждый это может, и, кроме того, это бессмысленно. Несмотря на показное бесстрашие, по их спинам также течет холодный пот, и я могу сказать вам, что некоторые из них испуганы гораздо больше, чем мы. Всегда соблюдайте и помните одно правило, Хенн. Понимая, что испуганы, никогда не показывайте этого. Никто неверно не истолкует, если вы признаетесь в этом. Но совсем иное дело, если в критический момент вы решите сбежать, притворившись, что ваш двигатель теряет обороты. Этого вам никогда не простят. Никогда не показывайте ни малейшей трусости. Лучше пусть вас вызовут на ковер. Я знаю, что это нелегко. В военное время вы никогда не сможете повернуть колесо истории назад, даже если захотите, но, прежде всего, не мучайте самого себя. В следующем вылете придерживайтесь меня, и я буду говорить вам, как нам не испачкать наши штаны. Вы сами все увидите. Это поможет вам почувствовать себя лучше. Вы не должны пугаться. Я верну вас обратно на аэродром. Вы можете положиться на меня.

Таким был портрет Герберта. Он был незаменим. В воздушном бою он был защитником для своих молодых товарищей, нашим другом и одновременно духовным отцом.

Когда мы потеряли его, группа лишилась моральной поддержки.

Глава 11. «Маделетто»

С каждым днем и часом бои становились все более ожесточенными. Когда, с трудом передвигаясь, мы возвращались домой после утреннего вылета к плацдарму, могли быть уверены в том, что найдем стаю вражеских истребителей, подкарауливавшую нас. Ускользнуть от них было невозможно.

В течение долгого времени немецкие истребители не оказывали поддержки изнуренной пехоте, сражавшейся внизу. Малейшая ошибка, малейшая опрометчивость в ходе вылета, и наша группа прекратила бы существовать. Пехотинцы, съежившиеся в своих блиндажах, никогда не видели истребители люфтваффе, за исключением коротких мгновений над Чистерной, Априлией и Ланувио. В то же время истребители-бомбардировщики союзников молотили по их позициям по дюжине раз в день, а тот факт, что за тот же самый промежуток времени десять – двенадцать немецких истребителей или истребителей-бомбардировщиков выполняли два или три вылета, никогда не принимался во внимание.

Кроме того, союзники получили новые типы самолетов, «Тандерболты» и «Мустанги», которые были крайне серьезными противниками.

Вскоре немецкие пилоты стали жертвами новой болезни – страха перед

«Тандерболтами».

По возвращении из боевых вылетов всегда была одна и та же история. Каждый слышал следующие рассказы: «Вы должны были видеть это. Ме-109 пикирует на бомбардировщик, выравнивается на максимальной скорости и влетает прямо в звено «Тандерболтов». Увидев опасность, он делает «свечу» на такой скорости, что на законцовках его крыльев появляются конденсационные следы. Пользуясь преимуществом в скорости, достигнутым во время пикирования, он выстреливает в воздух словно пуля. «Тандерболт» садится ему на хвост. Янки давит на газ, дает максимальные обороты двигателю и легко догоняет «Мессершмитт». На высоте 900 метров он накачивает его свинцом и сбивает подобно сидящей утке».

Или: «Мой механик сказал мне, что видел «Тандерболт», совершивший аварийную посадку после того, как получил повреждения. Тормозя, «ящик» врезался в деревянный сарай. Ни самолет, ни пилот не пострадали. Еще никогда не было «ящика» подобной прочности».

Страх перед «Тандерболтами» распространился так же, как несколькими годами ранее распространился страх перед «Спитфайрами». В Германии мы называли это явление «Trunkenbold»[128].

Возможно, мы слишком высоко оценивали угрозу со стороны этой машины, но у нас были возможности оценить ее характеристики.

Со страхом перед «Спитфайром», «Мустангом» или «Тандерболтом» было трудно бороться. Ничего не помогало – даже распространенные по истребительным авиагруппам брошюры, выпущенные испытательным центром в Рехлине, подробно рассматривавшие летные характеристики «Тандерболта». Очевидно, потому, что в них «Тандерболт» и «Мессершмитт-109» ставились на один уровень, и даже предполагалось, что наша машина имеет превосходство. Однако пилоты, которые имели дело с «Тандерболтом» в воздушном бою, думали совсем по-другому. Мы видели, что рехлинские заключения были всецело неправильными.

Наконец этот страх стал перерастать в панику. Пилоту было достаточно произнести по двухсторонней связи на частоте истребителей: «Внимание, «Тандерболты» у меня сзади», как вся группа начинала двигаться зигзагами. Никто не сохранял дистанцию; малейшее изменение позиции, и можно было забыть о взаимном прикрытии. Замыкающие самолеты отделялись от группы, а их испуганные пилоты не обращали никакого внимания на приказы и действия ведущего или нарушали все правила при маневрировании. Прежде чем возникала действительная опасность, группа впадала в панику.

Это однажды случилось со мной, когда я летел на правом фланге своей эскадрильи и оказался в одиночестве и без прикрытия. Я пытался снова собрать свое стадо, оглядывался назад и вызывал своих пилотов одного за другим. Вместо того чтобы сблизиться, пары расходились по самым разным высотам. Причина – один из летчиков передал: «Внимание, «Тандерболты» у меня сзади».

Прежде чем я успел осмотреться вокруг, я остался совершенно один в воздухе на высоте 7300 метров. Все мои товарищи спикировали к земле. Не осталось ни одного. Меня бросили.

Занятый поиском самолетов, которые должны были прикрывать меня, я упустил свой шанс. Остальные просто улизнули. Позади меня сорок или пятьдесят «Тандерболтов» танцевали джигу. Естественно, они обнаружили меня. Они летели на большой высоте, создавая защитный барьер для десантных судов.

Когда «Мессершмитты» отвернули, они не сдвинулись с места. И я, который оказался неудачником, болваном, подумал: «Это действительно твой последний бой. Тебе лучше бы помолиться. У тебя на выбор: купание около Неттуно или падение на римскую равнину. На сей раз слишком поздно, чтобы полететь и спрятаться в облаках над озером Неми. Тебе

[128] Смесь слов: немецкого «trunken» – «пьяный» и английского «bold» – «смелый», которую можно перевести как «пьяный кураж».

крышка».

Я набирал высоту в сторону солнца в южном направлении. Уходить на север было невозможно, поскольку в 450 метрах ниже ко мне направлялись самолеты с пятиконечными звездами. Они приближались спокойно, без спешки. Они, должно быть, бросали жребий, кто должен покончить со мной и затем прицепить медаль к своему кителю. Даже если они были плохими стрелками, промахнуться у них не было возможности. Моим последним шансом было использовать в качестве союзника солнце и скрыться в его лучах. Я направлялся прямо к нему, в сторону моря, пробормотав без особой уверенности: «Возможно, оно ослепит их и сможет сбить им прицел. Кто знает?»

Я ошибся. Первая очередь прошла под моим носом. Очевидно, у американцев не только самолеты были лучше наших, но и их солнечные очки, должно быть, имели лучшее качество. Я сделал левый разворот с набором высоты, повернулся на своем кресле и разинул от удивления рот. Справа, со стороны солнца, ко мне пикировала другая группа «Тандерболтов». Я не заметил ее. Хитрость, которую я хотел использовать, чтобы спасти свою шкуру, рикошетом ударила по мне самому. Ослепленным оказался я сам, а не ковбои.

Сзади приближалась другая группа. Гул двигателей. «Тандерболты» пролетели мимо на той же высоте, что и я, и их очереди нашли мой самолет. Пули градом застучали по фюзеляжу. Это было похоже на ливень, падающий на крышу из гофрированного железа.

Мой «Мессершмитт» больше не повиновался – ни движениям ручки управления, ни нажатиям на педали руля направления. Каким-то чудом я уцелел, но моя поврежденная машина пикировала, переворачивалась и вращалась словно падающий лист.

Указатель воздушной скорости все еще работал и показывал опасный предел – 725 км/ч.

При превышении этой скорости имелся риск потерять крылья.

Стрелка медленно и неуклонно двигалась вперед к этой опасной отметке. Еще один рывок, и красная линия была пересечена. Ручка управления болталась в моих руках, как тростник на ветру. Через ветровое стекло я видел в полутора километрах внизу землю, становившуюся все больше. Она приближалась ко мне, готовая обнять и поглотить.

Я думал, о господи, о своей матери и о невесте. Нельзя было ничего сделать, а лишь закрыть глаза и ждать.

Достаточно странно, но я сохранял абсолютно здравый рассудок, и никакие детали не ускользали от меня. Я никогда в своей жизни не был так спокоен. Я не забыл подумать: «Если бы я лишь разок смог потянуть ручку управления на себя и вывести «ящик» из пикирования. Если я смогу выровнять его хоть на одну минуту, это даст мне время выпрыгнуть с парашютом. Если я останусь в кабине, то со мной все будет кончено. Я должен пробовать и пробовать снова. Продолжай тянуть ручку управления. Кто знает? Возможно, это даст самолету встряску, хотя бы маленькую. Если я хочу спасти свою шкуру, снова видеть солнце и горизонт, а не эту землю, мчащуюся мне навстречу, я должен продолжать дергать ее. Я должен использовать всю свою силу, всю свою энергию, даже если крылья разлетятся. Даже небольшого подъема носовой части будет достаточно».

Я дергал ручку управления словно безумный. Мои ноги, притянутые к педалям руля ремнями, напряглись как пружина, которая отказывается лопаться. Ручка управления, которую я сжимал, была спасительной соломинкой. В течение нескольких секунд у меня в мозгу, подобно гоночным машинам на автодроме, мелькали хаотические мысли.

Все равно, как замечательна авиация… Тяни, тяни, продолжай тянуть.

Легкая дрожь пробежала по самолету, и почти незаметное движение приподняло нос машины.

Теперь я должен выпрыгнуть – нельзя терять ни секунды.

Внутренний голос в моей голове продолжал барабанить это с поразительной настойчивостью.

Я не могу вспомнить того, что случилось потом. Мои руки, должно быть, выполнили ряд очень точных движений. Они сбросили верхнюю часть фонаря кабины, расстегнули

привязные ремни, сняли шлем, стащили кислородную маску и вытащили меня из кресла.

Рывок, удар, полет – и кошмар закончился.

Не было больше шума двигателя, не было больше свиста пуль. Не было даже чувства падения. Только спокойствие, изумительное спокойствие. Я даже не понимал, что падаю вниз. Сразу же, как мое тело выпало из кабины, в ушах засвистело, на глаза опустилась черная пелена, и я совершенно не мог дышать. Сейчас я снова обрел здравый рассудок.

Тот же самый внутренний голос продолжал мне говорить: «Ты падаешь словно камень с высоты 6400 метров».

Картины, непрерывно мелькавшие перед моими глазами, было невозможно зафиксировать.

Небо, земля, небо, земля, небо, земля…

Бесшумная качка и безмолвный водоворот…

«Ты – центр мира, вокруг которого все крутится. Ты падаешь, описывая великолепную параболу. Вперед, назад. Ты прыгнул в пустоту. Ты плывешь в воздухе, потерявшийся в бездонной тишине. Ты должен падать еще долгое время. Если ты потянешь вытяжной трос парашюта, который бьет тебя по спине, то умрешь от удушья из-за нехватки кислорода. Ты слишком высоко».

Небеса! Насколько рассудительным я был.

«Ты не должен дергать его. Ты должен продолжать свободное падение. Пригодная для дыхания атмосфера значительно ниже, на 4200 метрах. Задержи дыхание и продолжай падать, падать».

Перед моими глазами продолжала крутиться кинопленка. Небо, земля, небо, земля…

Я не чувствовал никаких признаков головокружения и вертелся словно волчок, потерявшийся в синем, более спокойном, чем когда-либо, небе.

«У тебя множество времени, множество времени. Твой парашют толкает тебя в спину. Каждый раз, когда ты кувыркаешься, ты должен чувствовать это. Ты чувствуешь, что он там. Он пристегнут к тебе. Ветер не сорвал его. Ты не должен волноваться».

Прошли секунды, показавшиеся часами, и я подумал, что этот водоворот никогда не кончится.

«Продолжай падать. Подожди еще немного. Будь терпеливым».

Внезапно я понял, что мои руки и ноги раскинуты в стороны. У меня перед глазами возникло видение креста на краю аэродрома в Тускании, над которым я тридцать минут назад пролетел.

«Американец тоже падал, раскинув руки, как и ты».

Горло перехватило, и меня от страха прошиб пот.

«Время пришло. Открывай свой парашют. Теперь его надо открыть».

Я попробовал прижать руки к телу, но не смог. Я чувствовал себя так, как будто меня избили. Мои пальцы были ледяными, а руки окоченели. Я потерял свои перчатки, запястья сводило судорогой, ноги больше не повиновались и безжизненно плыли позади меня, словно шлейф.

«Ты должен захватить кольцо вытяжного троса. Оно слева, на той же самой стороне, что и твое сердце. Захвати его правой рукой. Возьми себя в руки и тяни. Тяни его, тяни. Чего ты ждешь? Почему ты не можешь найти его? Оно там, на подвесных ремнях. Оно где-то должно быть. Твой парашют должен открыться, иначе разобьешься в лепешку, как американец».

Картинки продолжали мелькать, ужасные и одинаковые. Небо, земля, небо, земля…

Неожиданно я увидел, что правый карман на моем летном комбинезоне открылся. Его клапан затрепетал в потоке воздуха. Из него выпал черный предмет. Моя курительная трубка. Задев лицо, она, казалось, полетела вертикально в небо. Я инстинктивно дернул рукой, чтобы поймать ее, и внезапно ощутил под пальцами металлический предмет. Кольцо. Я сжал его изо всех сил и потянул… потянул… потянул. Это было наихудшее мгновение, когда-либо пережитое мной.

Моя рука все еще сжимала кольцо, когда я увидел оборванный трос длиной полметра.

«Безумец. Ты дернул слишком резко. Из-за своей паники ты сломал систему выпуска. Сработает предохранительный трос, и парашют не сможет раскрыться. Он все еще там, за твоей спиной, уложенный в ранец. Ты все еще чувствуешь, как он стучит по твоей спине…»

Небо, земля, небо, земля…

Я продолжал кувыркаться.

Если бы только эта болтанка прекратилась.

Внезапно, в то время как перед моими глазами, как кинопленка, в последний раз прокручивалась вся моя жизнь, между моими ногами появился белый объект, а затем раздался звук, похожий на удар хлыста.

«Это твой парашют. Это твой парашют. Он открывается. Слава богу».

Рывок. Раскат грома. Внезапная боль под ремнями. Я плыл по воздуху. Водоворот, наконец, закончился.

Небо и земля заняли положенные им места. Над моей головой был белый купол, ослепительный круг поддерживал меня, скрывая синее небо и облака. Внизу под ногами во всем своем величии лежала земля, по которой меня чуть не размазало. Глубокая, абсолютная тишина окутывала меня. Уникальное, незабываемое ощущение. Шелковый купол, двигаясь волнообразно, уносил меня вдаль. Я был пристегнут к нему ремнем, как когда-то ребенком был привязан к своей люльке.

Я посмотрел вниз. Земля была серой и обширной, беспредельной и не имеющей границ. Пятнистая мозаика из полос, окружностей и кругов. Я ощутил себя балансирующим на ветке и резко схватился за стропы. У меня было время, чтобы собраться. Я все еще был в 3700 метрах над землей. Пройдет четверть часа, прежде чем я приземлюсь. Парашют начал сильно раскачиваться. Я пытался успокоиться.

«Он должен раскачиваться. Моих семидесяти шести килограммов недостаточно. Я не могу создать полную нагрузку на него».

Вправо, влево; вправо, влево. Непрерывные колебания, похожие на раскачивающийся маятник. Когда движения стали слишком сильными, я попытался ослабить их, используя ноги.

Неожиданно, посмотрев в сторону, я увидел несколько самолетов, облетавших вокруг меня. «Тандерболты». Они покачали своими крыльями. Держась за стропы левой рукой, я помахал им правой. Они увидели меня и отклонились от своего курса. Один из них подлетел поближе.

«Вы, вероятно, один из тех, кто сбил меня, – подумал я. – Интересно откуда вы? Из Техаса, Кентукки или Алабамы? В любом случае я поздравляю вас. Вы доставили мне массу неприятностей. Хорошая работа. В нашем деле элемент внезапности имеет значение. Стреляющий первым зарабатывает право на отсрочку. Мой парашют раскрылся, и я вышел сухим из воды. Я живой. Сегодня вечером, когда вы вернетесь в свою столовую, не забудьте выпить за мое здоровье. Я хотел бы этого. Вино в Неаполе отменное, как я знаю из своего опыта, так что выпейте за меня».

«Тандерболт» продолжал кружиться вокруг меня. Иногда мне казалось, что я могу видеть смеющегося пилота.

«Смейтесь пока. Я тоже смеюсь внутри. Кто знает? Возможно, завтра мы снова встретимся, и я могу обещать вам, что в следующий раз выстрелю первым. Я буду пытаться взять реванш. Теперь вы можете благополучно возвращаться домой. От вас у меня кружится голова. Я, вероятно, первый, кого вы сбили. Если это так, то я не очень должен гордиться, что был сбит новичком. Что бы там ни было, удачи вам; вы заслужили ее».

Я снова помахал, как будто бы говорил «до свидания». «Тандерболт» не покидал меня и продолжал кружить и резвиться вокруг, словно чертенок.

«Ради бога, соблюдайте дистанцию, или вы проделаете дыру в моем «зонтике».

В этот момент я посмотрел на купол и не смог сдержать тревожный крик.

Один из его сегментов разорвался. Пока лишь наполовину, но дыра становилась все

больше, и был слышен треск рвущейся ткани. Она медленно увеличивалась в направлении вершины.

«Это моя последняя соломинка. К счастью, швы прочны и усилены полосками парусины. Разрыв не может распространяться в стороны, а только вертикально к вершине, которая также имеет цельный круг из парусины». Я ощутил уверенность, что он выдержит.

Купол еще был полностью раскрыт, но теперь он стал более вялым. Из-за ветра, который начал бить мне в лицо, я заметил, что скорость моего снижения увеличивалась.

Сейчас под моими ногами вместо земли искрилось море. Я был на высоте 2700 метров над заливом Неттуно, над десантными судами.

«На сей раз ты не сможешь избежать купания. Должно быть, была некая причина, из-за которой произошел разрыв парашюта. Я слишком быстро выпустил его или же шелк отсырел?»

Я вспомнил, что накануне ночью моя кабина осталась открытой, а прошел легкий дождь.

Да, вероятно, причина была в этом. Вода попала в кабину и на парашют, который лежал на месте пилота. Ранец и шелк промокли, и теперь я должен испытать на себе последствия этого. Однако не имело смысла волноваться. Еще ничего не потеряно. В будущем я должен быть внимательней.

Подняв глаза, я заметил еще один разрыв с другой стороны шелкового купола. Он пока еще был маленьким. Несколько нитей порвались, и дыра с каждой секундой становилась все больше: каждый раз, когда парашют раскачивался, раздавался тот же самый звук рвущегося шелка. Я закрыл глаза, забыв о «Тандерболте», который продолжал свои шалости.

«Это никогда не кончится? Если бы я уже был внизу…»

По-прежнему все то же размеренное движение маятника часов, монотонное, усыпляющее. Я судил о скорости снижения по реакции своего желудка. Купол, теперь гораздо более вялый, полоскавшийся, словно флаг, искривился внутрь и двигался боком, подобно наполовину сдувшемуся воздушному шару.

Затем я наблюдал, как под действием порыва ветра он распускался, словно огромный цветок, и приобретал свою форму. Несколько минут спустя он начинал терять форму, сначала с боков, а затем постепенно к вершине. Парашют продолжал планировать, пока не следовал новый порыв и комедия не начиналась снова.

«Простроченная вершина должна продержаться до конца. Вся моя жизнь висит на этой полоске парусины. Левый и правый сегменты разорваны сверху донизу. Лишь две полосы, вокруг основания и сверху, удерживают их вместе. Если они по какой-то случайности не выдержат, то парашют свернется с резким треском, словно мышеловка. Шелк оторвется, и я останусь в воздухе с парой кусков тряпья, прицепленных к плечам. Все, что останется от меня, так это черный крест с моим личным номером, написанным белой краской».

Мой небольшой вес не создавал слишком большую нагрузку на парашют, и швы держались. Однако я еще не был в безопасности; вцепившись в стропы, я следил за приближавшимся морем. Я чувствовал, что скольжу по грани между двумя мирами, свободный от земного притяжения.

Когда вы сидите в кабине, то никогда не ощущаете, что покинули землю. Вы просто чувствуете себя отделенным, изолированным от внешнего мира несколькими полосками металла и стекла. Сегодня я знаю, что это означает.

Я попытался думать о чем-нибудь еще, чтобы собраться с мыслями, но преуспел в этом лишь частично. Мои ноги болтались в пустоте. Время от времени над головой раздавался угрожающий треск шелка.

Инстинктивно я приподнял ноги и согнул их в коленях. Благоприятный ветер теперь нес меня к берегу. Купол парашюта, вялый и рваный, наполнился и снова начал раскачиваться. Еще несколько километров, и я упаду на линии фронта. Если посмотреть трезво, то я еще могу стать лесорубом в Канаде.

Я терпеливо ждал, куда отнесет меня ветер. Я дрейфовал над заливом Неттуно в

направлении Албанских холмов, быстро теряя высоту. Несколькими минутами прежде «Тандерболт» оставил меня. Он оказался в пределах досягаемости немецкой зенитной артиллерии, которая начала стрелять по нему. Время от времени снаряды разрывались неподалеку – доказательство, что ее огонь был неплохим. На высоте 450 метров купол еще раз «погас» и снова развернулся. У меня не было времени на размышления, поскольку земля, казалось, мчалась ко мне на полной скорости.

Я пролетел над высоковольтной линией, а затем увидел углубление в земле метра 4 длиной и метров 6 шириной, затененное большим пробковым деревом. Ясно, что дерево, ветер и парашют имели свое предназначение. Последний направлялся прямо к дереву. На этот раз это было не планирование, а настоящее падение. Подошвы моих ботинок задели ветки. Я подтянул ноги и прикрыл лицо руками. Внезапно мои ноги очень сильно ударились о ствол. Я ощутил острую боль в спине немного выше пояса и, открыв глаза, с удивлением обнаружил себя висящим в полутора метрах над землей. Купол застрял в ветках. Неожиданно я разозлился. Не думая я выхватил свой нож и перерезал подвесные ремни.

Это было то, чего я точно не должен был делать. Я упал и вывихнул себе лодыжку.

Цепляясь за ствол, я сумел подняться на ноги и отчаянно выругался.

Вообразите, уцелеть при падении с высоты 7300 метров, несмотря на разорванный в клочья парашют, и растянуть себе лодыжку, приземляясь с полутора метров! Я не заметил, как поблизости появились несколько любопытных итальянцев. Первый вопрос, который они задали, был: «Americano?»

– No. Tedesco[129].

Их лица вытянулись. Прислонясь к стволу дерева, я все еще держал нож в своей руке. Я должен признать, что выглядел не очень привлекательно с осунувшимся лицом и дикими глазами. Каждый раз, когда я опускал ногу на землю, это заставляло меня морщиться от боли. Должно быть, я казался сумасшедшим с ножом в руке. Мужчины отступили назад. Женщины остались стоять там, где стояли, дети прижимались к их юбкам и искоса смотрели на меня. Я задавался вопросом, как эти люди жили. Война для них, казалось, не существовала, а мы были лишь в двух или трех километрах от линии фронта.

В конце концов трое мужчин подошли ко мне и обрушили на меня поток итальянских слов, их которых я смог ухватить лишь пару: «madeletto» и «aviatore»[130]. Мое знание итальянского языка было крайне скудным. Однако я воспользовался случаем, показал на свою ногу и на парашют, застрявший в ветвях, и произнес искреннее «madeletto». Они сочувствовали мне. Наконец, я смог заставить их понять, что я не могу идти и они должны будут понести меня. Я был благодарен им. Когда они подняли меня, один из них начал жестикулировать как одержимый, указывая на что-то с другой стороны ручья, протекавшего через долину.

Они все умчались, словно стайка воробьев, оставив меня одного. Я спрашивал сам себя, что могло случиться, когда увидел, что они возвращаются с ослом.

– Это прекрасно. Я полагаю, что вы чертовски ленивы, чтобы нести меня. Осел прибыл как раз вовремя.

Я впервые засмеялся. Итальянцы усмехались и качали головами. Очевидно, что они не поняли ни слова из сказанного мной и помогли мне забраться на осла, который встряхивал ушами. Я был настроен довольно скептически и не слишком доверял своим спасителям. Осел пустился рысью. Постепенно я начал ощущать его костлявую спину и испытывать неудобство. Я хотел слезть, но итальянцы не позволили мне. Они относились к своей роли добрых самаритян очень серьезно, и всякий раз, когда я пытался слезть, заталкивали меня обратно. Каждый раз, когда я сердился, они смеялись и повторяли «Si, si», пытаясь в чем-то убедить меня.

[129] Нет. Немец (ит.).

[130] «Проклятый» и «пилот» (ит.).

«Без них не обойтись, – подумал я, – моя лодыжка вывихнута. Бесполезно спорить».

Наконец мы вышли к шоссе, и мне позволили слезть. Они дали мне немного вина, а я раздал детям несколько кусков шоколада, которые нашел в своем кармане.

Несколько минут спустя я увидел «фольксваген». Машина остановилась, и я сел в нее. Оглянувшись назад, я увидел, что дети залезли на дерево, чтобы стащить парашют в качестве трофея. Они перебирались с ветки на ветку, один из них упал и заплакал.

Я сказал водителю вездехода:

– Деревня сможет одеться в шелк. Я предвижу отличную коллекцию блузок и дамских панталон. Жаль, что купол разорвался.

– Откуда вы появились, герр лейтенант?

– Оттуда, – произнес я, показывая жестом понтифика в небо.

– Вероятно, неисправный двигатель.

– Может быть. Но было бы правильнее сказать – «Тандерболт».

– Здесь вы тоже должны соблюдать большую осторожность. Эти дьяволы летают на бреющем над дорогой и стреляют из пулеметов во все, что движется. Когда я еду, то всегда одним глазом смотрю назад и выше, а другим – по сторонам.

– Прекрасное занятие.

– Куда вы собираетесь направиться, герр лейтенант?

– В Тусканию.

– Вам повезло. Я еду в Витербо. Я – связной.

Когда мы достигли следующей деревни, я спросил:

– Как называется эта дыра?

– Ланувио. Янки развлекали сами себя тем, что использовали указатель с названием города в качестве мишени.

– О, и они разнесли его, не так ли?

Несколько часов спустя я прибыл на свой аэродром и был встречен Зиги.

– Что случилось? Ты повредил ногу?

– Я должен был выпрыгнуть с парашютом. Миленькое падение с 7300 метров. Я ошибся, а «Тандерболты» не промахнулись. У них позади было солнце, и они заметили меня прежде, чем я их. Другая группа сбила меня.

– Старик даст выход еще одной из своих вспышек ярости.

– Почему?

– Потому что твой самолет надо списывать.

– Ты можешь сказать ему…

– Он находится в столовой. Иди и скажи ему сам.

Опираясь на палку и хромая, я сделал несколько шагов и отрапортовал:

– Лейтенант Хенн вернулся из боевого вылета.

– Ну вы и деревенщина, а где ваш самолет?

– Одни куски, герр майор.

– А ваш парашют?

– Также одни куски, герр майор.

– Что вы подразумеваете?

Он широко открыл глаза, так же как сделал это несколькими месяцами прежде в своей палатке в Сан-Вито-деи-Норманни.

– Вам везет, молодой человек. Мы только что получили несколько новых «ящиков». Идите и выберите себе один из них.

– Невозможно, герр майор.

– И почему, могу я спросить?

Я улыбнулся и сделал несколько шагов, чтобы показать ему мою раздутую лодыжку.

– Сачок. Убирайтесь и отдыхайте.

– Как скажете, герр майор.

Я пошел в свою комнату, нашел там Зиги, сидящего на кровати и насвистывающего.

– Старик был очень любезен, Зиги. С чего ты взял, что он устроит мне разнос? Он даже не спросил, где меня сбили.

В ответ я услышал лишь мычание.

Я лег на кровать и обнаружил два ожидавших меня письма. Я посмотрел на конверты и сказал Зиги:

– Иди найди «шарлатана» и скажи ему, чтобы он пришел и перевязал мою ногу.

Пока его не было, я читал письма своей невесты. Она писала исключительно о пустяках, о том, что она делала, и о своих надеждах на будущее. Внезапно я не смог больше читать: мои нервы взяли надо мной верх. Я неожиданно увидел тень, пикирующую ко мне со стороны солнца. Пули забарабанили по моему фюзеляжу, а затем вся комната закрутилась в дьявольской сарабанде[131]. Кинопленка моего падения снова запустилась. Небо, земля, небо, земля… Я открыл глаза и оказался снова лежащим на кровати и смотрящим в потолок. Меня терзала одна-единственная мысль – я не должен закрывать глаза, иначе придется снова падать и слышать треск разрывающегося шелка, видеть растущую дыру, а затем землю внизу, протягивавшую ко мне свои руки.

В комнату вошел Зиги.

– «Шарлатан» придет прямо сейчас, – сказал он.

– Какой это был кошмар. Я потянул за кольцо и, увидев обрывок вытяжного троса, подумал, что вытащил одну из строп.

– А чего ты ожидал? Предохранитель – это два ушка, соединенных тросом, вот и все. Когда ты его тянешь, он разрывается, и ранец парашюта открывается. Выходит вытяжной парашют, который вытаскивает за собой основной купол. Требуется лишь пара секунд. Ты должен знать об этом. Тебе это объясняли тысячу раз.

– Да, сейчас я вспомнил, но там я забыл про это. Я продолжал думать об американце, похороненном в конце взлетно-посадочной полосы.

– Ты потерял самообладание, Петер, но, как бы там ни было, ты снова вернулся назад.

– Да, но я был на грани.

– Во всяком случае, выпрыгнув с парашютом в следующий раз, ты будешь знать, что делать.

– Я никогда снова не буду прыгать. Я останусь в своей кабине.

– Безумец. Все говорят это, но когда снова попадают в переплет, то выскакивают, как и остальные. Лучше болтаться с парашютом, чем падать подобно куску свинца. Почему бы тебе не вздремнуть до того, как придет «шарлатан»? Отложи свои замечательные любовные письма и отдохни. Это лучшая вещь, которую ты можешь сделать.

– Во всяком случае, дай мне сначала выпить.

– Так не пойдет, это тебе вредно.

Я закрыл глаза и заснул.

Мое падение началась снова. Небо, земля, небо, земля…

Глава 12. Германия никогда не сможет победить

В течение нескольких дней я хромал и не мог летать. Моя нога сильно распухла, и я едва мог наступить на ее. Я держался в стороне и говорил насколько возможно меньше. Однажды вечером дверь столовой открылась – на пороге стоял американский пилот. Его голова была перевязана, а разорванный летный комбинезон в пятнах масла и жира; лицо было бледным и осунувшимся, точно таким же, как у меня неделей раньше.

– Старик представил его:

– Он был сбит зенитной артиллерией над Витербо. Он выскочил из пылающей «Крепости». – Замолчав на несколько секунд, командир группы продолжил: – Я привел его,

[131] Сарабанда – старинный испанский танец, который в XVII в. превратился в придворный европейский танец величавого характера с медленным, плавным темпом.

забрав из автомобиля, который должен был доставить его в лагерь для военнопленных. Я подумал, что он мог бы провести вечер с нами. Здесь кто-нибудь есть, кто знает несколько слов по-английски? Хенн, попытайтесь поговорить с ним. Скажите ему, что он наш гость и что ему нечего бояться. Также скажите, что мы не будем пытаться выведать у него что-нибудь – это не наша работа. Мы просто хотим отпраздновать его спасение.

Это было типично для Старика. В одни моменты непринужденный и дружелюбный, а в другие – тупая и фанатичная скотина.

Американец стоял неподвижно, с недоверием осматривая столовую и пилотов. Его руки были прижаты к бокам, голова слегка наклонена вперед, двигались лишь глаза.

Мы встали и уставились на незнакомца, стоявшего в дверном проеме. В гостиной стояла тяжелая тишина. Опираясь на трость, я подошел к нему. Я протянул ему руку, но он не ответил, так что я указал на кресло и спросил:

– Разве вы не хотите сесть?

Ординарец придвинул к камину кресло, между командиром группы и мной.

Человек медленно подошел ко мне. Он посмотрел мне прямо в глаза, а затем в свою очередь протянул руку и произнес:

– Спасибо.

Пытаясь вспомнить свои школьные уроки, я начал говорить по-английски. Несколько раз мой собеседник улыбнулся. Как бы там ни было, мы понимали друг друга. Я говорил обо всем и в то же время ни о чем: о погоде и о не имеющих значения вещах, о том, что пришло мне в голову. Остальные парни слушали, не произнося ни слова. Американец и я оценивали друг друга, каждый из нас был настороже. Я старался не упоминать о политике и войне и перевел разговор на единственный предмет, который был общим для нас, на полеты. Впервые после его появления в его глазах появился блеск. Он искоса посмотрел на меня и указал на мою забинтованную ногу.

– Да, я должен был выпрыгнуть с парашютом, и досталось моей ноге.

Он улыбнулся и кивнул. Мы нашли точки соприкосновения для взаимопонимания. Мы прошли через одно и тоже испытание, и это создавало связь, которая была более сильной, чем то, что могло разделять нас, – в том числе цвета наших мундиров. Мы обменивались впечатлениями о наших прыжках при помощи жестов и гримас. Скоро мы так увлеклись беседой, что почти забыли, где находимся. Время от времени Старик спрашивал:

– Что он сказал?

– Он рассказывает мне о своем прыжке с парашютом.

Я перевел несколько фраз.

Как и в моем случае, у американца это был первый прыжок. Испытав ощущения, когда вы болтаетесь на веревке между небом и землей, не требовалось много слов, чтобы понять друг друга. Что касается моего неважного английского, это было совсем неплохо.

Через некоторое время я сказал ему:

– Несколько недель назад мы похоронили одного из ваших товарищей в конце нашего летного поля. Его парашют не раскрылся.

– Откуда он прилетел?

– С Сардинии. Он был из группы «Мародеров». Его самолет взорвался в воздухе. Он был единственный, кто выпрыгнул из него, как вы сейчас.

Американец замолчал и опустил голову. Когда я посмотрел на Зиги, то увидел, что у него покраснело лицо.

– Мы похоронили его там, где он упал, и поставили на его могиле крест.

– Спасибо.

Снова наступила тишина. Чтобы нарушить ее, я сказал:

– Давай, парень. Выпьем за здоровье твоего и моего парашютов, благодаря которым мы оба теперь здесь.

Он поднял свой стакан и выпил. Беседа продолжалась исключительно вокруг тем, связанных с полетами, другие тоже начали спрашивать его, и мне было интересно узнать, как

Он ответит на некоторые вопросы.

– Что вы думаете о нашем «Мессершмитте»? – Мой вопрос застиг его врасплох, и я увидел, что он на мгновение задумался.

– Мы очень довольны тем, что видим их в воздухе так мало, – сказал он наконец.

Это был искусный ответ. Мы могли истолковывать его так, как нам нравилось. Я ждал, когда вопрос задаст он.

– А что вы думаете о «Крепостях»?

Он улыбался, казалось предполагая, какой будет ответ.

– Нам очень жаль, что мы видим их так часто.

Мы засмеялись, и напряженность исчезла. Внезапно мы затихли и в замешательстве посмотрели друг на друга. Мы только что признали нечто, что должны были всеми силами скрывать.

Американец заметил наше смущение и тактично произнес:

– Я очень поражен. Я никогда не думал, что сегодня вечером буду приглашен на обед в немецкую офицерскую столовую. Это совершенно непредсказуемый сюрприз.

Я перевел. Старик сказал мне:

– Хенн, передайте ему, что он не должен волноваться. Спросите его, не думает ли он, что наши «Мессершмитты» пилотируют каннибалы.

Американец искренне рассмеялся.

– Нет, я так не думаю. Это все пропаганда, – добавил он.

– Вы совершенно правы. Это лишь шутка.

Я не смог удержаться, чтобы не подумать о наших официальных коммюнике и некоторых статьях, появлявшихся в Das Reich.

– Если бы не было никакой пропаганды, то ни вы, ни я не были бы здесь – вы со своей перевязанной головой, а я со своей лодыжкой, похожей на футбольный мяч.

Американец дал нам понять, что он чувствует то же самое.

В этот момент Гюнтеру в голову пришла идея. Он настроил радиоприемник на волну американского военного гарнизона в Бари. Сестры Эндрю пели свинг[132]. Американец стал отстукивать ритм и насвистывать. Он, казалось, испытывал удовольствие. Затем, когда эта запись закончилась и диктор стал зачитывать название следующей, он очень предусмотрительно начал насвистывать «Лили Марлен»[133].

Вокруг засмеялись. Мы знали, что каждый в союзнических войсках знал эту мелодию. Очевидно, что этот парень и я имели много общего. Внезапно в дверном проеме появился караульный.

– Приказ из штаба корпуса. Я прибыл, чтобы забрать военнопленного.

Он не знал нашего командира группы. Последний вскочил на ноги и произнес:

– Что вы сказали? Вы прибыли за американцем? Убирайтесь отсюда вон к чертовой матери или получите от меня пинок под зад.

– В штабе в Витербо ждут его для допроса.

– Хорошо, мы доставим его туда завтра утром. А теперь проваливайте.

Караульный исчез в ночи.

– Это был эсэсовец? – спросил американец. Он побледнел.

Я покачал головой и перевел:

– Он спрашивает, не был ли этот солдат эсэсовцем?

Наступила тишина, а затем командир сказал:

[132] Свинг – одна из разновидностей джаза.

[133] «Лили Марлен» – название песни, имевшей огромную популярность среди немецких солдат во время Второй мировой войны. В 1936 г. композитор Норберт Шульце положил на музыку стихи Ханса Лейпа, написанные еще в 1923 г. Песня о любви солдата и его девушки, впервые прозвучавшая для солдат Африканского корпуса, вскоре приобрела мировую популярность. В 1944 г. в США был снят художественный фильм «Лили Марлен», в котором эту песню исполнила знаменитая Марлен Дитрих.

– Что заставило его подумать об СС? Они не будут иметь к нему никакого отношения.

Американец, казалось, сильно удивился.

– Возможно, – ответил он.

– Не может быть никакой речи о «возможно». Вы не должны волноваться. Этот человек – фельдфебель люфтваффе, который прибыл, чтобы забрать и доставить вас в штаб авиакорпуса, а не в СС. Они обычно пытаются вмешиваться в дела, которые их не касаются, но что касается непосредственно вас, то ситуация абсолютно ясная. Вы принадлежите люфтваффе[134].

Я на мгновение задумался. «Как получилось, что этот незнакомец боится СС? Что это означает? Кто-то, должно быть, обратил его внимание на них. Он не мог придумать это сам». Впрочем, никакого приемлемого объяснения я так и не нашел.

Потом мы хором пели песни. Они, должно быть, произвели некоторое впечатление на нашего военнопленного, поскольку он тоже постарался продемонстрировать свой певческий талант. Результат оказался прискорбный, и Зиги произнес:

– Он поет столь же фальшиво, как шипящая сковорода.

Это не имело никакого значения. Многие из нас пели также ужасно.

В полночь Старик встал, слегка пошатываясь.

– Так, мальчики, давайте выпьем за победу.

Все встали, за исключением американца, который спросил меня:

– В чем дело?

– Чего он хочет? – тоже спросил командир.

– Знать, что происходит.

– Скажите ему, что мы пьем за победу.

Я перевел.

Американец встал со своего кресла и поставил свой стакан на стол. Черты его лица стали твердыми, а глаза засверкали. Затем он произнес:

– Я тоже выпью за победу. Вы можете думать, что за вашу, а я буду думать, что за нашу.

– Разумно! – крикнул командир. – Он может пить за свои «звезды и полосы». Итак… ваше здоровье, мальчики.

После того как все пили за произнесенный тост, разговор единственный раз коснулся политики.

– Германия испытывает затруднения, – сказал американец.

Я перевел, и все согласились.

– Германия начала эту войну…

Теперь мы больше не были единодушны. Некоторые шумно возражали, а другие пожимали плечами. Последние думали по-другому. Но американец защищал свою точку зрения.

– Германия никогда не сможет победить.

Эта фраза была произнесена очень спокойно и хладнокровно. Он произнес это с небрежной улыбкой, которая могла быть оскорбительной, но он попытался сделать ее безразличной. Никто не воспринял это всерьез. На этот раз мне не было необходимости выступать в качестве переводчика. Все поняли.

Командир, Гюнтер и Вальтер молчали. Зиги потирал нос, а я задавался вопросом, что я должен говорить.

Американец снова сидел в своем кресле, вытянув ноги, засунув руки в карманы и блаженно улыбаясь.

Наконец Старик нарушил тишину:

– Политика – это грязь, и каждый, кто пытается впутаться в нее, – ублюдок.

[134] Согласно имевшимся правилам в Третьем рейхе все попавшие в плен летчики содержались в специальных лагерях для летного персонала (Stalag Lьft), находившихся в ведении люфтваффе. Вся администрация и охрана этих лагерей состояла из офицеров и солдат люфтваффе.

Ситуация была спасена.

– Абсолютно правильно, – сказал американец и кивнул. Вечеринка продолжалась. Незнакомец забыл об СС, своем прыжке с парашютом и том факте, что он был в столовой немецких истребителей. Он со стаканом в руке играл свою роль великолепно. Чуть позже я спросил его, не был ли аэродром Фоджа увеличен.

Он сразу же ответил:

– Я не знаю Фоджу.

В несколько секунд винные пары улетучились. А парень-то оказался начеку, хотя Бог знает, что мой вопрос был невинным и совершенно не относящимся к делу. Я просто хотел узнать, была взлетно-посадочная полоса в том же самом состоянии, что и несколькими месяцами ранее, когда я приземлился на ней. Вероятно, наши противники были предупреждены, как и мы, о том, что должны держать свои рты закрытыми при любых обстоятельствах.

Мы все знали, что он на своей «Крепости» прилетел из Фоджи, но, несмотря на это, были довольны его ответом.

Старик сменил тему беседы.

– Парень, скажи мне, – я уверен, что ты был в Тунисе или пролетал через него, – ты, случайно, не встречал некую Хасиву из бара «Ахмед»? Это прекрасная женщина. Если ты однажды поедешь туда в отпуск, то навести ее и передай ей привет от меня. Мы не можем отсюда послать ей никаких открыток. Теперь вы находитесь в той же самой… – Он на секунду замолчал и продолжил: – О чем, черт возьми, я думаю? Жаль, старина. Ты тоже пойман, словно крыса. Никаких шансов на то, чтобы завтра сесть в поезд и вернуться домой. Но возможно, ты был моим преемником у Хасивы.

Как же я мог перевести все это? После некоторого колебания я обратился к нашему гостю и спросил:

– Вы, случайно, не знали девушку по имени Хасива из бара «Ахмед» в Тунисе?

– Жаль. Никогда не видел ее.

Старик разразился смехом:

– Ты никогда не узнаешь, что ты потерял. Это я тебе говорю.

Круг у стола становился все теснее. Мы хором пели немецкие песни, которые американец сопровождал пением на английском. Он орал во всю мощь своих легких, всегда фальшиво, время от времени присвистывая. Приблизительно в три часа утра кто-то сказал:

– Хорошо, давайте выпьем в последний раз за мир.

Прежде чем я успел перевести это американцу, тот встал, и его слова отразились эхом в тишине:

– В следующем году.

Я был изумлен. В течение некоторого времени я задавался вопросом, действительно ли он понимал по-немецки или нет. Эта неожиданная реакция поставила меня в затруднительное положение. Внезапно Зиги серьезно прокричал:

– Парни, давайте пользоваться преимуществами войны. Мир будет чертовски плохим зрелищем.

Завершая вечеринку, мы на прощание побросали пустые стаканы в стену. Конечно, варварская традиция, недостойная цивилизованных людей. Кто-то первым начал это, и мы не думая последовали за ним, поскольку были охвачены мрачными предчувствиями. Наш гость единственный с улыбкой поставил свой стакан на стол. Тот был пустым.

На следующее утро его увезли в Витербо. Перед отъездом он незаметно передал мне обрывок бумаги со своим адресом в Америке. Я спрятал ее в свой бумажник рядом с удостоверением личности его неизвестного соотечественника. Я проводил его к автомобилю, и мы обменялись рукопожатиями. Он еще раз поблагодарил меня, и я помахал вслед увозившему его автомобилю.

Я послал адрес и удостоверение личности домой в Германию. Спустя две недели на мой собственный город дождем обрушились фугасные и зажигательные бомбы, сброшенные

«Крепостями». Мой дом сгорел дотла, и клочки бумаги были уничтожены. Ирония судьбы.

Глава 13. «Вы не имеете здесь никаких прав»

Однажды утром меня вызвал командир группы:

– Хенн, я беру вас с собой. Мы едем в Рим. Возьмите зубную щетку и бритву, а все остальное оставьте здесь. Мы можем задержаться на некоторое время.

Не ведая, что происходит, я схватил щетку и бритвенный прибор и присоединился к Старику. Это было в холодном феврале 1944 г. Мы ехали в открытом автомобиле по шоссе Витербо – Рим, съежившись в своих кожаных куртках и набросив на колени пледы.

Через некоторое время командир внезапно сказал:

– Посмотрите туда. Что вы видите? Странные «ящики», не правда ли?

– Они напоминают старые Ме-109Е. Квадратные крылья, раскрашенные носы, тяжеловесный фюзеляж. Что же, спрашивается, они делают здесь?

– Это невозможно. В течение последних нескольких недель в наш сектор не была переброшена ни одна группа, я знаю это. Это странно. Кажется, они летят над этой дорогой. Мне это очень не нравится.

Несколько секунд спустя они появились наверху и начали стрелять в нас. Пули выбивали небольшие фонтанчики на асфальтовом шоссе.

– Быстро в канаву.

Командир резко затормозил, и мы отбросили пледы. Через мгновение мы уже лежали плашмя на дне канавы.

– Они не могут быть «Мессершмиттами», герр майор. – Я запнулся.

– Сметливый парень. Ничто, кажется, не укроется от вас. Пригните голову, они возвращаются. Господи, я забыл выключить двигатель. Если эти гады попадут в него, то мы увидим довольно симпатичный фейерверк и будем вынуждены идти в Рим пешком.

Я неожиданно вспомнил о своей поврежденной лодыжке и вознес безмолвную молитву Господу. Новый град пуль обрушился на наши головы. Гул, свист и вой пуль, а затем тишина. Четыре самолета с красными фюзеляжами, длинными носами и звездами на нижних поверхностях крыльев промчались над нами.

– «Мустанги»! – прокричал я. – Вероятно, самая последняя модель. Их весенняя мода.

– Свиньи! – завопил командир. – Два пилота должны нырять в канаву. Это действует на нервы. Средь бела дня они весело резвятся позади линии фронта и расстреливают из пулеметов все, что видят. Однако двое из них, конечно, новички, которые только что прибыли. Только они могли произвести такой чертовский шум. Хорошо, давайте позаботимся о нашем драгоценном драндулете.

Мы продолжили поездку. Шоссе Витербо – Рим было в ужасном состоянии. В течение недель оно использовалось танковыми подразделениями, двигавшимися к линии фронта. «Пантеры» направлялись туда с задачей уничтожить плацдарм в районе Неттуно. Они прибыли непосредственно с юга Франции. Эти игрушки было невозможно перебросить по железной дороге. Почти все железнодорожные станции в Центральной Италии сровнялись с землей. Тонны и тонны топлива были пожертвованы на это, и «Пантеры» катили по шоссе от Марселя к Априлии. Естественно, что они намеревались продолжить свой путь, если возможно, и дальше на юг. Во всяком случае, так думал Кессельринг.

Мы продолжали обгонять танки. Тем временем разведывательные «Лайтнинги» следили за дорогой, щелкали своими фотокамерами, считали бронетехнику, спокойно наблюдая за перегруппировкой танковых подразделений. После того как они возвращались в Фоджу, оставалось лишь ждать, когда нас забросают бомбами.

Мы пересекли Рим в южном направлении и достигли новой Аппиевой дороги. Оставив позади Фраскати[135], мы поднялись на Албанские холмы и проехали через Кастель-

[135] Фраскати – город в 18 км юго-восточнее Рима.

Гандольфо, Альбано и Дженцано[136] перед тем, как остановиться на берегу озера Неми.

Немецкие штабные офицеры были расквартированы на старой ферме, вокруг которой находились замаскированные окопы. Я был откомандирован туда, но у меня было сильное подозрение, что я там лишний.

– Вы пробудете здесь лишь несколько дней, – произнес Старик утешительным тоном. – Можно сказать, что вы находитесь в отпуске, достаточно долгом, чтобы ваша нога могла зажить так, чтобы вы могли вернуться в свой «Мессершмитт».

Я криво усмехнулся, поскольку не находил перспективу на будущее очень захватывающей.

Как офицер наземного управления, я должен был по радио наводить немецкие истребители на плацдарм около Неттуно. «Во всяком случае, – сказал я сам себе, – я получу небольшой отдых». Если бы только я мог заглянуть в будущее.

Меня вызвал оберст:

– Лейтенант Хенн, вы будете руководить отделением связи. В вашем распоряжении будут десять человек во главе с обер-фельдфебелем и радиоавтомобиль. Вы должны разбить свой наблюдательный пост в окопах на склоне ниже нас. У вас будут две полевые телефонные линии, чтобы сообщать нам об активности в воздухе, нашей и вражеской. Одна из линий ведет ко мне, а вторая – в штаб, который будет использовать вашу информацию.

– Очень хорошо, герр оберст.

Мои люди уже были построены, и радиоавтомобиль стоял поблизости. Мы поехали по серпантину вниз по склону Рока-ди-Папа. Мы остановились на одном из отрогов, и мои люди вырыли траншею три метра длиной и метр шириной. Радиоавтомобиль был зарыт в землю. Как только он был хорошо замаскирован, мы подняли антенну.

– Ваш наблюдательный пост будет использовать длину волны истребителей. Ваш позывной – «Пума-8». Когда наши самолеты будут в воздухе, вам необходимо следить за обстановкой в небе и передавать свои наблюдения и предложения.

– Отлично, герр оберст.

– Вы можете приступать к своим обязанностям с завтрашнего утра.

– И с какого до какого времени?

– От рассвета до заката.

– Слушаюсь, герр оберст.

– Хорошо проведите время, Хенн.

– А вы будьте повнимательнее с «Мустангами».

Оставшись один на один со своими людьми, я вызвал обер-фельдфебеля:

– Так, теперь все, что осталось, – это подыскать место для постоя.

– Нет ничего проще, герр лейтенант. В ложбине, которую вы видите, есть несколько небольших загородных домиков. Мы можем реквизировать один из них. Владельцы уехали, и они пустуют.

– Прекрасно. Давайте взглянем на них.

Я нашел дом своей мечты, небольшой, но достаточно вместительный, чтобы расположиться в нем с нашими раскладушками. Как только решился вопрос с продуктами, мы разожгли огонь. Теперь мы были как дома.

Повернувшись к унтер-офицеру, я сказал:

– Так, мы можем сказать, что находимся на линии фронта.

– Немного подождите, герр лейтенант. Вы все еще ничего не видели.

– Пошли за мной, Шубер. Мы насладимся зрелищем прежде, чем стемнеет.

Мы вернулись обратно на мой наблюдательный пост. Настоящее роскошное купе. Земля, выброшенная из траншеи, образовывала бруствер. Крыша была настелена из стволов деревьев, присыпанных землей. Я посмотрел через перископ.

[136] Альбано-Лациале – городок в 22 км юго-восточнее Рима, Дженцано-ди-Рома – городок в 26 км юго-восточнее Рима.

Шубер выступал в качестве гида.

– Там, к побережью, Торре-Гайа, а позади – мыс Астура. Перед нами, на том холме, вы можете видеть монастырь Ланувио.

– Я хорошо знаю его. Там около него есть пробковое дерево, на которое я неделю назад опустился с парашютом.

– Серое пятно, которое вы можете видеть перед нами, – это Априлия, с ее огромной водонапорной башней во рве с водой. Великолепный наблюдательный пост для корректировки артиллерийского огня. Каждый день противник интенсивно обстреливает башню. Она «переварила» безумное число снарядов. Бомбы с истребителей-бомбардировщиков и мины поднимают такую завесу пыли, что она полностью скрывается за ней. Когда та рассеивается, то оказывается, что башня все еще стоит, как будто ничего не случилось. Она крепкая, словно скала. Что же касается монастыря, то он весь в дырах. Позавчера «Тандерболты» трижды атаковали его. Все окна выбиты, а стены словно решето. Вы можете увидеть сквозь них дневной свет.

– Романский стиль, я должен сказать… раннее Средневековье. Жалко.

– Там штаб снабжения.

– О, я вижу.

– А там вы можете увидеть разгружающийся флот.

Я повернул перископ в направлении, которое указывал унтер-офицер.

– Мой бог! Это напоминает Кильскую регату, когда нет возможности сосчитать, сколько лодок собрались вместе на рейде.

– Они доставляют подкрепление, и суда, кажется, вырастают из моря, словно грибы.

Очень рано на следующее утро появились первые американские истребители-бомбардировщики. Я схватил телефон и доложил: «Двенадцать «Тандерболтов» бомбят Априлию. Атака закончена в 8.30».

Спустя час сорок пять минут снова: «Шестнадцать «Тандерболтов» бомбят и обстреливают из пулеметов Априлию. Налет завершен в 9.45».

Пауза, а затем еще раз: «Двадцать «Тандерболтов» над Априлией. Тактика та же самая. Атака закончилась в 9.45».

Еще через полчаса: «Над Априлией восемнадцать «Тандерболтов». Бомбы и пулеметный огонь. Конец налета в 10.15».

В 10.45: «Над Априлией двадцать пять «Тандерболтов»…»

И так продолжалось весь день. Двадцать пять «Тандерболтов»… девятнадцать «Тандерболтов»…

Регулярно каждые полчаса, словно часовой механизм.

Тем вечером я представил свой рапорт:

– Сегодня на Априлию было пятнадцать рейдов истребителей-бомбардировщиков. Численность групп от восемнадцати до двадцати пяти машин. Остальные налеты на Чистерну, Веллетри, Латину[137] и сектор Торре-Гайа. Всего сорок семь налетов истребителей-бомбардировщиков с точкой фокуса на Априлии. Наша собственная воздушная активность: ноль. Никаких немецких групп в воздухе, никаких значительных соединений истребителей-бомбардировщиков.

– Это безукоризненно, Хенн, – сказал оберст. – Вам повезло в этот достаточно тихий день, он дал вам шанс изучить свои обязанности.

– Извините меня, герр оберст, но…

– Что но? Это то, что мы называем полным штилем. Наши товарищи не смогли взлететь, потому что дождь размыл все аэродромы в Центральной Италии. Увидимся завтра, Хенн.

– Спокойной ночи, герр оберст.

На следующий день в информационной сводке около полудня было заявлено: «На

[137] Латина – городок в 19 км восточнее Неттуно.

линии фронта на плацдарме в районе Анцио – Неттуно с обеих сторон слабая воздушная активность».

– Вы видите, герр лейтенант, – сказал обер-фельдфебель Шубер, – информационная сводка рассматривает башню в Априлии в качестве барометра. Пока она продолжает стоять, ситуация стабильная.

– Бедняги на линии фронта должны чувствовать по-другому. Их перемалывают на куски, а мы не делаем ничего, чтобы уберечь их от неприятностей. Вероятно, аэродромы затоплены. Это прекрасное оправдание. В любом случае, что мы могли бы сделать со своей дюжиной или около того «ящиков» против сорока семи налетов, выполненных группами от восемнадцати до двадцати пяти машин? Это – комедия. В том состоянии, которого мы достигли, уже несущественно, можно ли использовать аэродромы или нет. Сорок семь налетов против ни одного нашего вылета. Очаровательная пропорция. Лишь пехотинцы на линии фронта около Априлии чувствуют на себе основную тяжесть всего этого. «С обеих сторон слабая воздушная активность»! Что они несут в микрофон? Кажется, нами руководит кучка сверхоптимистов.

Следующий день прошел так же, как предыдущий. Наша собственная активность нулевая, в то время как противник поддерживал свою на высоком уровне. Не только днем, но и ночью. Едва солнце заходило и сумерки превращались в ночь, над дорогами, использовавшимися для движения наших колонн снабжения, начинали покачиваться «рождественские елки»[138].

Теперь появлялись двухмоторные бомбардировщики – старые «Веллингтоны». Они кружились вокруг, готовые сбросить свои бомбы на любую подходящую цель.

Воздух был заполнен их бесконечным гулом. Время от времени шум двигателей слышался поблизости от места нашего постоя. Вилла была хорошо защищена в подковообразной лощине, и опасности почти не было. Мы продолжали спать. В то же время конвои на дорогах замирали. Грузовики скапливались, пережидая разрушительный дождь из бомб, сыплющихся из ночных птиц. Те фактически не сталкивались с огнем зениток, поскольку вспышки могли выдать месторасположение батарей. Пушки молчали, да и в любом случае было бесполезно палить в темноту, учитывая нехватку снарядов и длину дорог, ведущих к фронту. Дни шли, а линия фронта оставалась неизменной. Каждые тридцать минут с неизменной регулярностью группа «Тандерболтов» наносила удар по Априлии и ее окрестностям. Водонапорная башня все еще стояла, и в результате текст информационных сводок был неизменно одним и тем же: «С обеих сторон слабая воздушная активность».

В один из дней, увидев мельком несколько «Мессершмиттов» из своей собственной группы, я вызвал их по радио, радуясь, что могу услышать знакомые голоса. Они кружились наверху. Приклеившись глазами к перископу, я обследовал небо.

– Внимание, внимание. Говорит «Пума-8». Истребительное прикрытие над судами только что рассеялось. «Мустанги». Внимание. «Мустанги». Говорит «Пума-8». «Мустанги» атакуют с южного направления… «Мустанги» атакуют с юга.

Я был взвинчен. Разве парни не видели «Мустанги», пикирующие на них? Я повторил свое предупреждение:

– «Мустанги» атакуют с юга.

Раздался голос самого Старика:

– Сколько их там?

Затем голос Зиги:

– Твое здоровье, Хенн.

– Твое здоровье, Зиги.

[138] «Christbaum» – так немцы прозвали английские сигнальные ракеты «Sky Markers». Их переливающиеся, светящиеся, медленно опускавшиеся вниз гирлянды действительно напоминали огни рождественской елки. Они использовались для указания месторасположения целей, чтобы экипажам ночных бомбардировщиков было легче поразить их.

«Мессершмитты» выполнили вираж и над самой землей понеслись вдаль.

Какой позор. Я в изумлении сорвал свои наушники.

Шестьдесят против шестнадцати. Они ничего не могли поделать. Они потерпели поражение еще до сражения. Хватило лишь времени, чтобы обменяться несколькими словами со Стариком, а вылет был уже отменен.

Наши истребители-бомбардировщики выполняли ежедневно в среднем по два вылета, если полетные условия были особенно благоприятными. В очень редких случаях они совершали четыре вылета. Моя группа выделяла на их сопровождение четыре или шесть «Мессершмиттов». Вот как это происходило. Быстрое пикирование, маневр уклонения от зенитного огня и полет на максимальной скорости на бреющей высоте. К моменту прибытия «Тандерболтов» и «Лайтнингов» бомбардировщики и истребители были в безопасности. И с тактической и с моральной точки зрения эффект от подобной тактики «бей-и-беги» был незначительным.

Однажды оберст вызвал меня к телефону:

– Хенн, вы должны любой ценой помешать этим самолетам-корректировщикам артиллерийского огня. Они шарят повсюду и руководят огнем своей артиллерии по нашим позициям. Наши потери очень тяжелые, а легкие зенитки не могут достать их на высоте, на которой они летают. По вашей информации мы начнем поднимать пары истребителей и посмотрим, как они преуспеют.

Какая блестящая идея! Вокруг бродили сотни «Тандерболтов» и «Мустангов», а я должен был послать на бреющей высоте пару истребителей против нарушителя, которого прикрывали и истребители, и зенитная артиллерия. Я мог предвидеть результат.

Часом позже я доложил по телефону:

– Сектор «Цезарь – Курфюрст». Самолет-корректировщик.

– Хорошо. Пара в пути, – ответил оберст.

Вскоре я в наушниках смог услышать этих двух парней. Я назвал свой позывной и начал направлять их.

– Говорит «Пума-8». Двигайтесь к Албанским холмам в направлении Веллетри. Снижайтесь. Я вижу вас. Цель будет справа от вас. Сохраняйте курс 270 градусов. Вы видите цель?

– Нет.

Я следил за двумя «Мессершмиттами» в свой перископ, в то время как самолет-корректировщик кружил наверху.

– Десять градусов вправо, курс 280 градусов. Вы видите цель?

– «Виктор». Мы заходим.

Пять минут спустя над моим наблюдательным постом промчался единственный «Мессершмитт».

– Мой приятель сбит легкими зенитками. Я обстрелял янки. Результат не знаю. Возвращаюсь на аэродром.

Самолет-корректировщик исчез, но через четверть часа над тем же самым местом кружился другой самолет, и артиллерийский обстрел, ведшийся из соснового леса около Неттуно, продолжился. Этого было достаточно, чтобы заставить вас рвать на себе волосы. Я позвонил оберсту:

– Самолет-корректировщик, вероятно, сбит, но одно точно – зенитками сбит и один из двух «Мессершмиттов». Место корректировщика занял другой самолет. Вы посылаете новую пару?

– Нет, – проворчал оберст. – Для одного дня достаточно потерь.

Наконец настал большой день, 17 февраля 1944 г. На линии фронта, повсюду вокруг Априлии небольшими группами были сконцентрированы танковые дивизии, ожидавшие сигнал к наступлению. Штаб отдал кодовый сигнал «Виктория». Войска находились в готовности. Приблизительно в четыре часа утра фронт взорвался. Первоначальный фактор внезапности сработал, и в ранних сумерках вперед по дороге к Неттуно перед штурмовыми

подразделениями покатились наши «Пантеры». Они продвигались стремительно и достигли окраины соснового леса, где находились позиции большей части артиллерии союзников. Союзники создали мощное заграждение из противотанковых пушек. Наши танки развернулись, вспахивая поля и луга. Активность в воздухе была сравнительно небольшой. Наконец наступающие части оказались в пяти – восьми километрах от Неттуно. Однако наступление постепенно замедлялось. Земля была пропитана водой, и гусеницы танков вязли в грязи. Один за другим наши танки были выведены из строя вражеской артиллерией, и пехота окопалась на своих передовых позициях.

Контрнаступление началось не на земле, а в воздухе. Бомбардировщики атаковали, уничтожая дождем бомб и передовые части, и резервы, огневые позиции и колонны с боеприпасами и снаряжением. Передний край оставался неподвижным, в то время как тыл подвергался ковровым бомбардировкам. Систематически, квадратный метр за квадратным метром, все разносилось на части потоком железа и стали. Резервные танки уничтожались прежде, чем они успевали вступить в бой. Сосновый лес был уничтожен, а линия фронта скрыта облаками пыли. На подступах к Неттуно вражеская артиллерия вела беглый огонь. Окраина леса представляла собой стену огня, и залпы из невидимых пушек неслись с обеих сторон. Наконец на сцене появились истребители-бомбардировщики, в то время как «Крепости» продолжали свои ковровые бомбардировки. Район Априлии был превращен в преддверие ада.

Я бросил докладывать об обстановке. Это было абсолютно бесполезно. Кроме того, штабные офицеры, в своих траншеях выше моего наблюдательного пункта, должны были лишь открыть глаза, чтобы увидеть то, что происходило.

Рейд Неттуно представлял собой гигантский котел. Боевые корабли, стоявшие на якорях поодиночке в нескольких кабельтовых под прикрытием дымовой завесы, вели интенсивный огонь.

Сжавшись в своей траншее вместе с обер-фельдфебелем, я не смог сдержать крик: «Теперь пришла наша очередь понести заслуженное наказание!»

355-мм снаряды сыпались дождем вниз, поднимая гейзеры земли, грязи и столбы дыма повсюду вокруг нас. Мы легли на дно траншеи, прижавшись к одной стенке. В довершение бомбардировщики, которые пока концентрировали свои усилия на Априлии, внезапно взяли курс на наш сектор. Соединение приблизительно из ста «Либерейторов» прилетело к Рока-ди-Папа. На склоне, на полпути между моим наблюдательным пунктом и блиндажами штабных офицеров, имелся склад боеприпасов, скрытый в маленьком лесу. Можно было не сомневаться, что целью новой ковровой бомбардировки был он. С открытыми створками бомболюков бомбардировщики проревели над моей траншеей и сбросили свой груз. Они были менее чем в 500 метрах. Вместо того чтобы поразить склад, бомбы упали на нас.

На несколько минут окружающая сельская местность погрузилась в темноту. Посредине потрясающего грохота взрывов и свиста мы могли расслышать лишь отдельные разрывы. Наблюдательный пункт сотрясался, Шубера и меня самого бросало от одной стенки к другой. Внезапно все стихло, и я рискнул высунуть нос над бруствером. Я был посреди лунного пейзажа – непрерывные ряды зияющих воронок, самая близкая из которых была в 10 метрах от нашего наблюдательного пункта. Едва рассеялся дым, как я заметил новое соединение, приближающееся к нам.

В тот день, 17 февраля 1944 г., наш сектор четыре раза подвергался ковровым бомбардировкам. Мой наблюдательный пункт находился точно в центре цели. Шубер и я превратились в кротов. Естественно, не было никакой речи о сохранении радиосвязи, хотя каким-то чудом и мы, и наша техника не были повреждены. В тот день отсутствие люфтваффе особенно бросалось в глаза. Когда наступила ночь, ясное небо украсилось блестками пятиконечных звезд – «сделано в США», а земля тряслась.

Неттуно остался в руках союзников. Наши передовые части были отброшены, линия фронта приняла свой прежний вид. Со своей стороны наш бронетанковый корпус потерял убитыми и ранеными тысячи человек. Однако в информационной сводке говорилось: «По

всей линии фронта вокруг Неттуно спокойствие восстановилось».

Действительно, на следующий день было затишье. Не желая больше оставаться в своем окопе и желая узнать, смогу ли ходить, я отправился вниз к озеру Неми и скоро оказался на обочине шоссе Дженцано – Веллетри. По ней я в течение некоторого времени шел к линии фронта. Затем я встретил автомобиль, который подвез меня к нашим позициям. Вражеская артиллерия все еще обстреливала сектор, но ее активность была спорадической. Было достаточно времени, чтобы передвигаться между двумя разрывами и найти укрытие в ожидании следующего обстрела. Накануне ночью по своей рации я связался со штабом танкового подразделения, но контакт был прерван бомбежкой. Я хотел увидеть, смогли ли танкисты благополучно отойти. Я в одиночестве блуждал позади линии фронта. Заметив низину, я сел и стал ждать. Около пригорка из небольшой долины выходила проселочная дорога. Я увидел группу пехотинцев, которые, очевидно, возвращались с линии фронта, откуда они только что были сняты. Во главе приблизительно пятнадцати человек шел унтер-офицер.

Увидев меня, он сразу же направился ко мне. Он напомнил мне о рисунках, датированных Первой мировой войной и озаглавленных «Контрасты Вердена» или «Как действительно выглядели солдаты на фронте в 1918 г.». Он остановился прямо передо мной, не говоря ни слова, с пустыми глазами и рукой на перевязи. Чего он хотел? Он смотрел на меня сверху вниз глазами, похожими на буравчики. Его люди попадали там, где стояли, и занялись своими повязками. Почти все они были ранены. Сам унтер-офицер напоминал призрака: мундир разорван в клочья, запятнанный грязью с головы до пят, глубоко запавшие глаза, впалые щеки, серое, небритое несколько дней лицо и фуражка на затылке. Он продолжал смотреть на меня, не говоря ни слова. Я молча встал и оперся на свою палку.

Внезапно он развернулся, бросил на меня испепеляющий взгляд и плюнул на землю мне под ноги.

Я подбежал и схватил его за плечо:

– Что это значит?

Его глаза расширились.

– Вы спрашиваете меня! – Его голос был хриплым, и слова вырывались толчками. – Вы действительно думаете, что если вы лейтенант, то имеете право спрашивать меня? Вы лишь гнусный наземный чиновник. Что, черт возьми, вы делаете здесь? Коллекционируете свои впечатления, я предполагаю? Где ваш самолет? Почему вы не в воздухе, обеспечивая нам прикрытие? Посмотрите хорошенько. То, что вы видите, это все, что осталось от батальона. Я командую ими, так что стойте смирно, как делали бы это, говоря со своими начальниками. Посмотрите хорошенько. «Тандерболты» повсюду. «Тандерболты»… Это все, что есть над Априлией, и ковровые бомбардировки бомбами всех размеров. Чего вы ждете? Берите свой самолет и заработайте Железный крест, которого вы не имеете. Стоите тут в начищенных летных ботинках и в галстуке как ни в чем не бывало. У вас тут нет никаких прав. Люфтваффе не существует над плацдармом Неттуно. Мы видим наверху только круги и белые звезды. И вы возражаете, что я плюнул на ваши ботинки. Меня тошнит от вас. Подвиньтесь, парни, иначе наш прекрасный джентльмен может поймать несколько блох.

Я побелел словно лист бумаги и не мог произнести ни слова. Унтер-офицер пошел по дороге, сопровождаемый своей печальной компанией. Я мог слышать позвякивание их котелков до тех пор, пока они не исчезли за поворотом.

Я с удивлением услышал собственное бормотание: «Я ничего не могу поделать с этим. Я не отвечаю за это».

Едва я вернулся на свой пост, как Шубер вручил мне телефонную трубку:

– Оберст, герр лейтенант.

– Лейтенант Хенн слушает.

– Я отправляюсь к вам. Я хочу лично взглянуть на все.

– Очень хорошо, герр оберст. – Я положил трубку.

Когда мой вышестоящий офицер прибыл, я сказал ему:

– Я прошу разрешения вернуться в свою группу. Моя нога зажила, и я думаю, что теперь могу пилотировать самолет.

– Не спешите, мой мальчик. У меня нет никого, чтобы заменить вас.

– Я не думаю, что это представляет большую трудность.

– Почему вы хотите так быстро покинуть нас?

– Я больше не хочу, чтобы люди плевали в меня, когда я прохожу мимо.

– Что вы имеете в виду? Кто посмел это сделать? О чем вы говорите?

Я рассказал ему о том, что случилось.

– Вы записали личный номер этого человека?

– Нет, герр оберст.

– Почему?

– Потому что он совершенно прав.

Он удивленно посмотрел на меня и покачал головой. Я видел, как он потер подбородок.

– Так что, вы хотите летать?

– Естественно.

– И на чем?

– Как обычно, на «Мессершмитте-109».

– В данный момент это невозможно. Все аэродромы затоплены. Немногие самолеты, которые остались у нас, застревают в грязи прежде, чем могут добраться до взлетно-посадочной полосы. – Он понизил голос и через секунду продолжил: – Мы перешли в наступление в надежде, что они также не смогут взлететь. Сражение должно было, по существу, быть только наземным. Мы все еще могли надеяться достичь успеха… по крайней мере несколько дней назад. Именно поэтому операция «Klimmel» была начата. Даже если танки застряли в грязи, мы имели достаточно резервов, которые могли быть подтянуты к линии фронта. Кроме того, они были вне дальности огня американских пушек. Вы лично убедились. Склады были полными. В течение всего утра все шло согласно плану…

– А затем появились бомбардировщики.

– Да, мощные бомбежки, которых мы не ждали. Дождь также шел и в Фодже. По теории взлетно-посадочные полосы там должны были быть непригодными для эксплуатации. Враг использовал трюк, о котором мы никогда не подозревали. Теперь мы знаем, с чем должны считаться. Он позволил им спасти свой плацдарм. Союзники уложили на взлетно-посадочные полосы своих аэродромов стальные секции, – только подумайте, Хенн, – перфорированные панели, соединенные между собой шарнирами! По этому же принципу они построили взлетно-посадочные полосы на болотистом грунте. Ни одну взлетно-посадочную полосу, а дюжины. Точно в полдень, как обычно, «Крепости» обрушились на наши резервы, в то время как на наших собственных аэродромах мы были не способны даже к рулежке. Поверьте, Хенн, мы не знали об этом трюке. Мы только что узнали о нем от сбитых экипажей. Именно поэтому мы находимся в затруднительном положении. На длинной дистанции враг бьет нас, а мы всегда отстаем. В каком бы направлении мы ни поворачивали, там всегда есть препятствие.

– Германия испытывает затруднения.

– Боюсь, что это так. Только все должно идти своим чередом, а? Пойдемте со мной, Хенн. Сегодня я нахожусь в шоковом состоянии. Теперь, когда я услышал вашу точку зрения, я не хочу больше видеть то, что происходит здесь. Мы отправимся в штабную столовую в Риме.

Я с улыбкой двинулся за ним. Вечер не мог быть более «шикарным». Я был окружен генералами и штабными офицерами, которые дискутировали и вели беседы. Их аргументы были строго логичными и очень убедительными. Главная тема разговора: наша неудача в Априлии.

Как младший офицер, я умирал от скуки. Время от времени я вставлял замечания: «Конечно, герр оберст. Естественно, герр майор. Я так не думаю, герр гауптман».

Наконец ко мне подошел один из офицеров и спросил:

– Вы новый офицер наземного наведения, не так ли? – Да.

– И как вам эта работа?

– Я предпочитаю кабину моего «Мессершмитта» блиндажу своего наблюдательного пункта.

– Я весьма охотно верю в это. Летать гораздо легче. Хотя не берите это в голову. Вы узнали, как идут дела внизу, в то время как вы там наверху играете в героев. Вопрос в том, будет ли это продолжаться, мой мальчик. Честь и слава пехоте. Она главная опора вооруженных сил. Вы видели это сами. Хорошо, так держать. Так держать.

Оберст-лейтенант ушел весьма довольный. Он принадлежал к «главной опоре вооруженных сил» и имел много общего с унтер-офицером, которого я видел покидающим линию фронта.

Часом позже я покинул столовую со своим оберстом. В дверях он спросил меня:

– Вы получили удовольствие, Хенн?

– Я хотел бы вернуться в свою группу и летать.

– Я вполне понимаю вас. Подождите несколько дней, пока я не найду кого-нибудь вам на замену.

– Спасибо, герр оберст.

Глава 14. Новости из дома

Когда я присоединился к своей группе, то обнаружил, что там все было вверх дном.

– Мы готовимся к переброске, – сказал Зиги, – но не знаем куда.

– В любом случае фактически в Европе нет такого угла, над которым бы я не летал, так что это заботит меня меньше всего.

Мы упаковали свои чемоданы и ждали. Однажды вечером я включил радиоприемник, чтобы послушать новости. В них была все та же избитая, хорошо маскировавшая ситуацию формулировка: «Гражданское население понесло некоторые потери…»

Я, должно быть, был очень бледен, когда сидел около приемника.

– Прошлой ночью досталось именно моему городу, Зиги.

– Что ты собираешься делать?

– Попробую позвонить туда.

– Ты же знаешь, что это не имеет смысла.

– Я все равно попытаюсь.

Из столовой я пошел в телефонную будку, надеясь, по крайней мере, дозвониться до ближайшего к Аугсбургу аэродрома. Сначала я связался с оберстом из Рока-ди-Папа и попросил разрешения воспользоваться штабной линией связи Рим – Мюнхен. Я получил согласие. Из Мюнхена я смог соединиться с аэродромом в Аугсбурге. Оператор ответила, и я назвал ей номер своей группы. Девушка согласилась сообщить мне некоторую информацию.

– Со вчерашней ночи город до сих пор в пожарах. Ходить по нему нельзя, поскольку все улицы перегорожены. Только пожарным и гражданской обороне разрешается пересекать ограждения.

– Все так плохо?

– Здесь, в десяти километрах, мы чувствуем запах гари.

– Какие кварталы пострадали больше всего?

– Центр и восточные предместья. Где вы живете?

– Рядом с собором.

– Боже мой!

Это восклицание, произнесенное полушепотом, вероятно, предназначалось для ее коллег, но я, в Тускании, услышал его.

– Что происходит там вокруг?

Тишина.

– Пожалуйста, скажите мне.

Запинающийся голос ответил:

– Лейтенант, я думаю, что там не осталось камня на камне.

После того, что сказала девушка, я повесил трубку. На следующий день я опять позвонил ей и попросил, чтобы она набрала номер моего домашнего телефона и сообщила мне, если связь снова работает. Она пообещала и повесила трубку. Я не смог дозвониться ни на другой день, ни в течение нескольких следующих дней. Мы все еще ждали приказ о переброске, и я боялся не дождаться известий из Аугсбурга до того, как мы покинем Тусканию.

Во время этого ожидания мысли у меня были самые мрачные.

Однажды, когда мы были с Зиги наедине, я спросил его:

– Что мы можем сделать с происходящим? К чему это сведется в целом?

– Это очень просто, старик. В следующий раз, когда ты встретишь в воздухе четырехмоторный бомбардировщик, то тарань его. Тогда ты будешь совершенно уверен в том, что он не сможет сбросить никаких бомб на твой родной город.

– Ты говоришь ерунду. Что ты делаешь, когда играешь в карты и не имеешь никаких козырей? Ты сбрасываешь карты. Парни же, управляющие этой войной, делают строго противоположное. Они продолжают играть до конца. А кто заплатит за ущерб? Не они, конечно, а ты и я. Положение когда-нибудь изменится в нашу пользу? Я спрашиваю тебя. Что мы делаем сейчас? Приблизительно каждый полдень, когда появляются «Крепости», мы очищаем аэродром и бежим в укрытия. Почему? Чтобы не рисковать. Та же самая история была и в Трапани. Они[139] надоели до смерти историями о своем секретном оружии, пытаясь поднять наш моральный дух. Но в действительности плацдармы, наступления и превосходство в воздухе были в руках противника. Большие «ящики» с их ковровыми бомбардировками, истребители, которые всегда опережают нас, «Мустанги» и «Тандерболты» – это реальность. А что мы можем противопоставить им? Ничего, кроме болтовни. Зиги, подумай о пустых стульях вокруг столов в столовой и скажи мне, это реальность или нет.

– Ты видишь ситуацию в черном свете.

– Если ты окажешься прав, то, как только эта война закончится, я подарю тебе то, что ты захочешь.

Если бы Герберт был жив, то он, конечно, нашел бы какой-нибудь правдоподобный ответ. Но я не могу найти его. Я упорно пытался. Нет никакого ответа.

– Старик должен был дать тебе отпуск. Ты бы вернулся в хорошем настроении.

– Воодушевленный бомбами? В этот момент я должен был бы гнить в общей могиле.

– Не говори подобной ерунды.

– Хорошо, Зиги, ты знаешь, что мы здесь в течение долгого времени не делали ничего, только разговаривали. Пустая болтовня, говорю я тебе, пустая болтовня. Я не верю ни одному слову, которые они говорят нам.

– Это то, в чем я тебя упрекаю. Вера может сдвинуть горы, ты же знаешь.

– Не смеши меня. Я никогда не видел сделанное ею. В любом случае одно точно – ты не можешь одной верой сбивать «Крепости».

– Что же известно относительно нашего секретного оружия, которое должно появиться со дня на день?

– Я словно святой Фома – верю только тому, что могу увидеть. Давай спокойно ждать, пока оно не прибудет. Ты никогда не сможешь заставить меня поверить в то, что они будут тянуть с его применением, пока наши дома не сровняются с землей. Как наиболее заинтересованное лицо они могут послать меня на Луну или в Сахару. После того как я получил некоторые известия из дому, меня совершенно не волнует готовность секретного оружия. Я устал от ожидания.

– А болтовня продолжается…

[139] Автор имеет в виду высшее военное и политическое руководство Третьего рейха.

Спустя две недели в дверь моей комнаты постучали. Вошел ординарец с телеграммой.

Я вырвал ее у него из рук. Зиги вышел из комнаты. Когда он вернулся, то нашел меня сидящим на кровати с телеграммой в руке и смотрящим прямо перед собой. Он склонился над моим плечом, чтобы прочитать ее. «Дом имеет повреждения категории «С». Все хорошо. *Хелла».*

– Что я говорил тебе?

– У тебя есть какие-нибудь мысли относительно того, что это означает? Что это – категория «С»?

– Это, должно быть, один из видов классификации ущерба. Если стены не повреждены – категория «А»; когда дом разрушен – категория «В»; а когда уничтожен и подвал – категория «С». Главное же состоит в том, что они все живы.

– Да, ты прав.

– Завтра мы отправляемся в Белград. Приказ о переброске только что прибыл.

– Они готовят там все с чесноком, – пробормотал я. – Очевидно, это очень полезно для здоровья. Можно рассчитывать на восстановление господства в воздухе.

Глава 15. Балканское приключение

Группа на бреющем пересекала Хорватию, следуя юго-восточным курсом. Я изучал маршрут по карте, разложенной на коленях. Она была полна красных кругов, обозначавших районы, контролировавшиеся партизанами, говорившими на странном языке и убивавшими немецких пилотов, которые по ошибке приземлялись там. Красные пятна были повсюду. Каждый холм, каждая гора, каждое плато были обведены красным цветом.

Красный – симпатичный цвет, но он слишком волновал меня. К счастью, мой двигатель работал хорошо. Однако никогда не знаешь…

Лишь железнодорожные линии в долинах не были окрашены в красный цвет.

Местность, которая проплывала под моими крыльями, выглядела очень дикой: побеленные крыши, жалкие хибары, заболоченные луга, все в узких, затопленных долинах – действительно противное место для посещения.

В моих наушниках зазвенел голос Старика: «Перед нами Землин[140]. Расходитесь – мы собираемся приземлиться».

Группа недолго оставалась в этой старой турецкой крепости, и вскоре мы вылетели в Ниш. Это время едва ли было благоприятным для концентрации истребителей, и группа разделилась на четыре звена. Наша задача, как единственной истребительной группы, базировавшейся в этом районе Балкан, состояла в том, чтобы действовать в качестве сторожевых псов румынских нефтяных промыслов. В Нише была главная база, а нашим запасным аэродромом был Таксерул[141], около Плоешти в Румынии. Большую часть времени мы патрулировали над балканскими ущельями, и до появления врага наша жизнь была хороша.

К сожалению, Фоджа, большая американская авиабаза, была всего в 800 километрах от предгорий Карпат. И однажды утром до них смогли добраться «Крепости» и «Либерейторы». Какое-то время они были слишком заняты разрушением заводов синтетического топлива в рейхе, чтобы еще беспокоиться о нефтяных месторождениях Румынии. После жаркой Италии мы наслаждались восхитительным миром на Балканах.

В одно прекрасное утро четырехмоторные бомбардировщики, воспользовавшись этим благоприятным обстоятельством[142], появились в большом количестве. Наша идиллия

[140] Землин – аэродром около Белграда.

[141] Вероятно, имеется в виду аэродром Таргосул-Ноу, располагавшийся приблизительно в 20 км юго-западнее Плоешти.

[142] То есть относительной близостью авиабазы в Фодже.

закончилась. София, Белград, Ниш, затем Будапешт, Бухарест и, прежде всего, Плоешти – неизменно Плоешти – познакомились с ковровыми бомбардировками. По меньшей мере тысяча бомбардировщиков, сопровождаемая истребителями впереди, позади и со всех сторон, летевшая словно на параде, прибыла, чтобы продемонстрировать свое превосходство.

В обороняемой зоне противовоздушная оборона располагала одной немецкой истребительной группой численностью от тридцати до сорока машин и еще двумя группами на территории Румынии. Это было все.

Массированным соединением бомбардировщики пролетали над Албанией, а затем пересекали Сербию. Они всегда использовали один и тот же маршрут и всегда пролетали над Нишем. Там они приступали к выполнению своей задачи. Если «Крепости» разворачивались вправо, то их груз предназначался Софии; если они летели прямо, то оставляли свои визитные карточки в Плоешти. Когда они поворачивали влево, то их целью были Белград или Будапешт.

Таким образом, пока они не достигали Ниша, немецкое командование не знало, какова их цель.

Цепочка станций радиоперехвата, установленных на побережье Далмации[143], имела недостаточную плотность, и наша группа не всегда получала предупреждение о вражеском налете.

Однажды я сел в автомобиль и поехал в Бухарест. В качестве курьера я должен был получить почту из Генерального штаба. Выполнив к полудню свою работу, я готовился выехать обратно на север, когда внезапно начали выть сирены.

Я уже был свидетелем паники, но то, что я увидел в Бухаресте, превосходило все мыслимое. Вместо того чтобы спрятаться в укрытиях в подвалах, люди бросились во всех направлениях к предместьям и окраинам. Все спасались бегством на повозках, велосипедах, тачках, ослах, лошадях, в роскошных автомобилях, босиком или в сандалиях. Это было беспорядочное бегство, словно во время землетрясения. Зенитная артиллерия открыла огонь, и «Крепости» приступили к выполнению своей легкой задачи. Еще раз центральный пост управления противовоздушной обороной плохо выполнил свою работу. Я сидел за рулем автомашины посередине улицы, оглядываясь вокруг. Я медленно двигался против человеческого потока. Я видел, что в мою сторону махали кулаками, и слышал неприятные замечания, о смысле которых я мог только догадываться. Не позволяя себе пугаться, я поочередно давил на гудок и на педаль газа. Пррумф! Упали первые бомбы. Женщины закричали, дети заплакали, а мужчины начали ругаться. Поднялся адский шум, в то время как в воздухе засвистели осколки бомб. Наконец я устал и начал искать подворотню, в которую мог заехать на своем «опеле». Я должен был быть осторожным, поскольку вслед за мной туда же устремилась и толпа. Люди, должно быть, говорили себе: «Если этот немецкий офицер укрывается там, то это, должно быть, прочная подворотня. Так что мы будем держаться рядом с ним». Подворотня была забита до отказа. Первая бомба разорвалась неподалеку. Едва я вышел из автомобиля, как сразу же оказался отделенным от него толпой, не имея возможности двигаться. «Славное дело», – сказал я сам себе.

Подошел мужчина, который начал ругаться, – по крайней мере, мне так показалось, – несколько раз упомянув имя Антонеску[144], а затем спросил, что будет, если скоро придут русские.

– К чему вопросы. Вы бы лучше обратили внимание на бомбы и спрятались прежде, чем будет слишком поздно. Это единственная вещь, которую я знаю в данный момент.

[143] Далмация – название области Хорватии между городами Сплит и Дубровник.

[144] С 22 января 1941 по 23 августа 1944 г. маршал Йон Антонеску занимал пост руководителя государства (кондукэтора), при сохранении формальной власти короля Румынии Михая I.

Незнакомец руководил толпой, которая с каждой секундой становилась все больше. Я сумел проскользнуть в дверь, которая вела во внутренний двор, но меня главным образом волновало то, что может случиться с моим автомобилем.

Ко мне подошла молодая девушка, проложившая себе путь через толпу локтями. Она взяла меня за руку и вполголоса затянула: «Bitte Leis, mein Herr. Bitte Leis»[145]. Это была очень молодая цыганка, столь же упрямая, как осел, и столь же грязная, как маленькая свинья. Она носила цветную юбку, над которой была полоса коричневого тела, а выше старый рваный платок, с трудом скрывавший ее грудь. С одного боку платок немного съехал, открывая простор воображению, возможно, он соскользнул, когда она локтями расталкивала толпу, пробираясь ко мне. Я получше разглядел ее. У нее была кукольная голова с монголоидными скулами, слегка раскосые глаза и абсолютно черные волосы.

Передо мной было свободное пространство, поскольку толпа прекратила прибывать. Цыганка воспользовалась этой возможностью, чтобы закружиться в танце у меня перед носом. Я задавался вопросом, чего она хотела, а она продолжала повторять: «Bitte Leis, bitte Leis», протягивая свою руку, которая была столь же аристократической, сколь и немытой.

– Ты хочешь немного денег?

Я притворно сунул свою руку в карман, и она подарила мне самую приятную улыбку, которую можно было только пожелать. Тот факт, что ее лицо отчаянно нуждалось в мытье, не беспокоил меня. Она продолжала покачивать бедрами. Все еще притворяясь, что ищу что-то в кармане, я сказал:

– Улыбка, подобная этой, стоит нескольких лей, – и добавил про себя: «Мона Лиза выглядит весьма пресно по сравнению с ней».

Ее глаза не отрывались от меня, а ее руки волнообразно двигались, как у индийской танцовщицы. Я был зачарован, словно птица перед змеей. Тот факт, что я был выше, казалось, произвел на нее впечатление. Она подняла лицо ко мне и продолжала смотреть на меня, а платок на ее груди при каждом движении немного сдвигался. Внезапно раздался свист и поблизости взорвалась бомба. Она как будто только и ждала этого – тотчас бросилась ко мне и обхватила руками за шею.

Я был в недоумении. Не зная, что делать, я откинул голову назад и начал соображать. Новый взрыв бомбы – и девушка еще плотней прижалась ко мне.

Неожиданно я испугался, что могу подцепить вшей, так что я схватил ее за плечи и отодвинул. Мое усилие произвело прямо противоположный эффект. Едва я прикоснулся к ее коже, как она приклеилась ко мне, словно пиявка. Что я мог сделать? Я поспешно посмотрел на людей вокруг нас. Они, казалось, глядели в разные стороны. В Бухаресте никто не устроил бы скандала из-за такого пустяка, как этот. Затем меня внезапно осенило, и я сказал:

– Послушай. Если ты будешь держать свои руки вокруг моей шеи, то я не смогу дать тебе никаких денег.

Это сработало. Она ослабила свою хватку, но только для того, чтобы с улыбкой протянуть свою руку.

– Спасибо, господин.

Маленькая грязнуля! Я решил ее немного подразнить. Я притворился, что не понимаю. Очередной взрыв, на этот раз намного ближе. Девушка забыла о том, что просила подаяние. Она действительно была напугана, сильно дрожала, уткнувшись лицом в мой китель. Я же был достаточно спокойным. Я привык к бомбам, но утратил привычку иметь дело с женщинами при таких обстоятельствах.

Я провел рукой вниз по ее плечам и подумал: «Какая замечательная фигура. Жалко, что у нее вши. Два часа под душем и добрая щетка, хорошая прическа и в вечернем платье с низким декольте…» О боже! Достаточно, чтобы захотеть стать художником.

Поскольку цыганка снова немного отпустила меня, я спросил ее:

[145] Подайте несколько лей, мой господин. Подайте несколько лей (нем.). Лея – румынская денежная единица.

– Как твое имя?

– Вы не сможете его произнести.

– Я уверен, что не Ангел в любом случае.

Она произнесла свое имя и улыбнулась, по-прежнему вися на моей шее и хлопая ресницами. Имя прозвучало как нечто похожее на «Snijomulchka». Я не смог запомнить, но это не имело значения. Она не изменила своего положения.

Люди, сидящие на земле, смотрели во всех направлениях, кроме нашего. Девушка, казалось, забыла, что несколькими минутами ранее возник некий вопрос о деньгах. Я сказал сам себе: «Хорошо, в данный момент я не испытываю зуда. Возможно, цыганским вшам не нравится мое тело».

– Сколько тебе лет, Sinomo… Sunimo?..

Я попытался угадать. Она подняла свою руку и начала считать на пальцах.

– Один, два, три, четыре… четырнадцать.

– Так-так, четырнадцать, и такая фигура.

Я вздохнул и подумал: «Четырнадцать, а она уже вовсю использует свое обаяние. Если я не ошибаюсь…» Я сунул руку в карман и продолжил прерванную беседу:

– Вот, возьми это за твои красивые глаза.

Ее глаза округлились, когда она смотрела на банкнот, не смея его взять.

– Живей, не валяй дурака, – сказал я. – Бери. Это твое. Ты хотела этого. Поторопись, иначе я положу это обратно в карман.

Она посмотрела на меня умоляющим взглядом, который тронул бы даже сердце из камня. Я не могу описать этот взгляд, он был лучшим в мире.

– Пожалуйста, господин, пожалуйста.

Без колебаний я засунул банкнот ей за пазуху, под платок. Никто не смог бы вообразить такой звонкий смех. Фейерверк. Белые зубы и лучистые глаза. Нет, она совершенно не была оскорблена. Напротив. Она еще плотнее сомкнула свои руки на моей шее. Настолько плотно, что банкнот в сотню лей захрустел. Мурлыкая словно кошка, она начала играть с пуговицами моего мундира, в то время как зенитная артиллерия вела огонь в полную силу. Я больше и не думал отталкивать девушку. Она подставила свои губы, и я почти не обратил внимание на то, насколько грязной она была. Цыганка поцеловала меня мягко, стыдливо и робко. Я подумал: «Скорей бы стемнело». Но затем взял себя в руки.

– Теперь, Sinomi… Sunimi… я должен идти.

Каким грустным взглядом она посмотрела на меня. Он смутил меня, но она быстро отвела глаза. Я взял ее за запястья и снял со своей шеи ее руки. Тогда она села на землю у меня в ногах и выглядела весьма пристыженной, едва осмеливавшейся поднять голову.

Наконец «путь был свободен», и я собрался уезжать, когда остановился, ошеломленный. Играя со своим платком и гладя им ногу, девушка умоляюще взглянула на меня.

– Вы возьмете меня с собой? – спросила она.

Я задумался и пришел к выводу, что это невозможно. Очевидно, я мог разместить ее сзади в автомобиле и спрятать под одеялом. Но предположим, что меня остановил бы патруль. Это было слишком опасно. А потом, что я делал бы с ней, когда вернулся?

Я с остановками произнес:

– Ну, будь разумной, моя девочка. С деньгами, что я дал тебе, ты сможешь купить кое-что для своего удовольствия. Я думаю, что немного моющих средств было бы хорошим приобретением. В любом случае я не могу взять тебя с собой. Иди и найди свой табор. Если же ты останешься со мной, то должна будешь ждать, а я уверен, что ты слишком многого хочешь. Хотя в нашей квартире замечательная ванна… Нет, я несу вздор. Я должен вернуться в штаб, и я действительно не нуждаюсь в тебе.

Если посмотреть на нее, то можно было подумать, что она в самом деле несчастна. Я почувствовал, что должен сказать нечто хорошее.

– Ты, конечно, самая прелестная девушка, которую я встретил за долгое время. Если бы

это произошло до того, как я… – Я резко остановился. – Теперь до свидания, я уезжаю.

Я сел в автомобиль и выехал из подворотни. Девушка сделала за мной несколько шагов, опустив руки и следя за тем, как я выруливаю. Вскоре я потерял ее из виду.

Немного позже в столовой штаба я заказал себе завтрак. Когда я закончил есть, ординарец принес счет:

– Это будет сто лей, герр лейтенант.

Моего бумажника нигде не было. Поиски и ощупывания оказались бесполезными. Он пропал. Я начинал все больше и больше нервничать. В конце концов, смущенно вздохнув, я сказал ефрейтору:

– Эта маленькая грязнуля обокрала меня.

– Прошу прощения, герр лейтенант?

– Хорошо… Да, я потерял свой бумажник.

Я сжал кулаки, чтобы удержать себя в руках и не ударить в грязь лицом. Я должен был оставить свой адрес и обещать прислать деньги, которые задолжал, со следующим же курьером.

Тем же вечером я вернулся домой в совершенно отвратительном настроении.

Глава 16. Эскадрилья самоубийц

В Италии линия фронта проходила теперь к северу от Рима, а нефтепромыслы Плоешти были в огне. Наша истребительная группа металась по кругу между Румынией, Болгарией и Сербией, отдельные звенья распылялись во всех направлениях. Бомбардировщиков же из Фоджи становилось все больше.

Ситуация в Германии становилась все более и более запутанной, а на Западном фронте со дня на день ожидалась высадка союзников.

Однажды, когда так случилось, что вся группа целиком была в Нише, ко мне подошел Зиги.

– Старик собирает совещание.

Наш командир был очень бледен и смотрел на своих пилотов, входящих в его канцелярию.

– Мальчики, – сказал он, – у меня есть некоторые новости для вас. Сегодня я получил из министерства авиации распоряжение. Они формируют для противовоздушной обороны рейха специальные авиагруппы, составленные из добровольцев. Вы все знаете, что положение очень серьезное. Мы просто должны продержаться, пока на сцене не появится новое оружие. Четырехмоторные бомбардировщики слишком многочисленны, а число побед, одерживаемых люфтваффе, продолжает уменьшаться. Рейхсмаршал приказал, чтобы были сформированы подразделения смертников[146].

Он замолчал, а я искоса посмотрел на Зиги.

– Каждая истребительная группа должна предоставить двух добровольцев, – продолжил он. – Но возможно, будет лучше, если я прочитаю вам текст приказа.

Он повозился в своих бумагах, вытащил листок и начал читать:

– «Бесстрашные пилоты, готовые рисковать жизнью за свою немецкую Родину…»

[146] Осенью 1943 г. в люфтваффе была сформирована так называемая 1-я штурмовая эскадрилья (Sturmstaffell) из 15 пилотов-добровольцев. Она должна была проверить на практике новую тактику атак четырехмоторных бомбардировщиков, которую предложил майор Ханс-Понтер фон Корнатцки. Эскадрилья была оснащена FW-190A-6, имевшими четыре 20-мм пушки MG151 и два 7, 9-мм пулемета MG17, а также дополнительную броневую защиту: 50-мм усиленное стекло перед лобовым стеклом, две 30-мм пластины бронестекла на боковых поверхностях фонаря кабины и 5-мм стальные панели по бортам фюзеляжа в районе кабины. Пилоты подписывали специальное обязательство, обещая всегда приближаться к бомбардировщикам в сомкнутом строю, атаковать их с максимально близкого расстояния, а если противника сбить не удастся, то таранить его. По данным люфтваффе, в период с 5 января по 29 апреля 1944 г. 1-я штурмовая эскадрилья сбила 62 самолета, но при этом потеряла 11 пилотов. На основе ее опыта было принято решение создать в люфтваффе особые штурмовые авиагруппы – IV.(Sturm)/JG3, II.(Sturm)/JG4 и II.(Sturm)/JG300.

Хорошо, мы можем это пропустить. Короче говоря, речь идет о следующем. Те, кто станут добровольцами, получат дополнительное денежное содержание, более высокую оплату за летное время, дополнительный паек, а также сигареты и вино, сколько они захотят. Вероятно, их переучат на «Фокке-Вульф-190», и они должны будут возвращаться из каждого вылета по крайней мере с одной победой на своем счету. Не имеет никакого значения, как она будет достигнута. Обязательно только одно: «чтобы они сбивали союзнические самолеты. Когда они исчерпают свой боекомплект, то предполагается, что лучший способ одержать победу состоит в том, чтобы протаранить врага, что все еще дает шанс выпрыгнуть с парашютом. Самый эффективный метод – это зайти противнику в хвост и попытаться разбить его рули своим винтом и крылом. Если пилот потеряет во время этой попытки оба крыла, то у него есть девяносто шансов из ста уцелеть в фюзеляже и падать вместе с ним. Выпрыгнуть с парашютом возможно всегда. Или же пилот может сверху «посадить» свой «ящик» на крыло бомбардировщика. Крыло оторвется, и бомбардировщик войдет в штопор. В этом случае есть множество возможностей выпрыгнуть с парашютом.

Старик сделал паузу. Зиги и я переглянулись.

– Еще одно, – продолжил он. – Приказ запрещает быть добровольцами командирам групп и эскадрилий. Они часть общей структуры и необходимы на своем месте. Далее в циркуляре говорится, что добровольцами позволят стать только тем, кто потерял свою семью в результате бомбежек.

Я стиснул зубы.

«Прелестный способ преодолеть наши трудности, – подумал я. Просто таранить их. И все потому, что наше оружие неэффективно и наши истребители бесполезно расходуют свой боекомплект в дуэли с эскадрильями «Крепостей». Американцы – не дураки, они установили на крыльях своих четырехмоторных самолетов дымовые сигнальные ракеты. Как только мы стреляем в них, они заставляют нас думать, что они горят. Зная, что истребители должны экономить боекомплект, они рассчитывают, что мы прекратим преследование, как только решим, что подбили их. Бомбардировщик летит, оставляя за собой шлейф черного дыма, но четверть часа спустя ракета выгорает, и он спокойно продолжает свой путь, в то время как истребитель должен атаковать снова, и так далее. И теперь они[147] предлагают нам совершить самоубийство. Сделать харакири».

Зиги продолжал пристально разглядывать стену. Вальтер опустил голову, Гюнтер молчал. Все мы думали: «Это начало конца».

– Имеются ли добровольцы? – спросил Старик.

«Обдумай это, Хенн, – сказал я сам себе. – Обдумай это. Дополнительная плата, вино, табак, и кто знает, не могли бы найтись среди женского персонала люфтваффе… Dulce et decorum est pro patria mori»[148].

– Ну, парни. Есть добровольцы?

Стояла гробовая тишина. Вы могли бы услышать, как падает пылинка.

Полная, слегка враждебная тишина. Мы все сидели сжав губы и опустив головы. Я вспомнил столкновение, которое видел над Нойбибергом, когда Ме-109 во время учебной атаки врезался в «Хейнкель-111». А теперь нам предлагали повторить это. Уже специально. Когда магазины и пулеметные ленты опустеют, вы должны будете нацелить свой собственный самолет и приближаться к бомбардировщику сзади все ближе и ближе, в то время как его хвостовой бортстрелок будет держать вас в прицеле и расстреливать. Не имея никакой другой защиты, кроме ветрового бронестекла и двигателя, вы должны приближаться на двадцать, десять, пять метров, с широко открытыми глазами и крепко сжимая ручку управления, под огнем сотен спаренных пулеметов соединения «Крепостей». А затем таранить ближайший самолет. Другими словами, у вас 90 шансов из 100 на то, чтобы

[147] Автор имеет в виду высшее командование люфтваффе.

[148] Сладка и почетна смерть за отечество (лат.). Строка из оды Горация.

погибнуть. И в довершение всего этого, именно те, кто потеряли свои семьи в ходе бомбежек, особенно поощрялись для выполнения этих воздушных таранов.

Командир группы нарушил тишину и, понизив голос, сказал:

– У вас есть двадцать четыре часа, чтобы обдумать это. Завтра в восемь часов вечера я буду ждать в своей канцелярии двух добровольцев.

Немного позднее Зиги и я сидели в нашей комнате, ощущая крайнее волнение. Внезапно он выпалил:

– Хенн, ты пойдешь добровольцем?

– Я не знаю. То, что они просят от нас, повлечет за собой ужасные человеческие и материальные потери. Кто-нибудь это понимает? Ты действительно думаешь, что если мы все бросимся на союзнические бомбардировщики и люфтваффе начнут сбивать «Крепости», то это остановит их налеты? Узнать ответ на этот вопрос легко. На каждый немецкий самолет противник имеет десять. Немец таранит бомбардировщик, и что происходит? На следующий день того могут заменить девять других. Этого достаточно, чтобы мы были полностью уничтожены. Скажи мне, какой прок в подобной жертве?

– В подобных случаях, Хенн, нельзя задавать вопросы или стремиться узнать причины, отчего и почему. Ты вступаешь в бой не раздумывая и входишь в историю.

– Замолчи. Мы живем в двадцатом столетии или нет? Только избавь меня от идеи, что твое имя сохранится для потомков. Никто не будет иметь даже самого маленького интереса к нам. Никто – ты понимаешь это? Будет ли тебе какой-нибудь прок от того, что твое имя будет написано на металлической мемориальной доске: «Здесь лежит Зиги – воздушный герой»? Какую пользу от этого получат твои родители или девушка, которая два раза в неделю пишет тебе на розовой бумаге? Или немецкий народ? Особенно если завтра пропорция будет не десять к одному, а лишь девять к одному.

– Что бы то ни было, японцы…

– Но они – азиаты, а ты – европеец. Я нахожу абсолютно абсурдным, что в Германии обращаются за помощью к подобному средству вместо того, чтобы создать что-нибудь способное решить эту проблему. Почему они не пошевелят своими мозгами? Вообрази большой конкурс на тему: «Как уничтожить большое соединение четырехмоторных бомбардировщиков».

– Возможно, их изобретения все еще не готовы. Старик уже говорил, что мы должны выиграть время и продержаться.

– И который фактически говорит: «Идите и сделайте это вместо меня, у меня есть надежный способ – сто процентов гарантии». Нет. Я тоже дорожу своей шкурой.

– Так что, ты не идешь добровольцем?

– Я не знаю.

– Я тоже, – пробормотал Зиги.

На следующий день в канцелярию командира группы вошли два человека: один – молодой, двадцатилетний лейтенант, другой – женатый фельдфебель около сорока лет. Они уехали в Германию.

– Мы никогда не увидим их снова, – сказал я Зиги.

Глава 17. Третья катастрофа

Несколькими неделями позже я с остатками своей эскадрильи приземлился на аэродроме Таксерул, около Плоешти. Большая часть группы осталась в Нише.

Моя машина вернулась после капитального ремонта с новым двигателем, механик удовлетворенно потирал руки.

– Теперь я имею форсированный двигатель, герр лейтенант, которого никогда прежде не было. Он работает так ровно, словно он шарикоподшипник. Он урчит, как швейная машинка. Никакой утечки масла, ни малейших подтеканий охлаждающей жидкости, и магнето также первоклассное. Вы сможете выжать максимум из своих 1500 лошадиных сил.

Если вы дадите ему максимальные обороты, то должны развить по крайней мере 565 километров в час. Я гарантирую это.

– Хорошо. Посмотрим. Ты действительно думаешь, что я смогу развить эту скорость?

– Я не думаю – я знаю.

Спустя десять минут нам приказали взлетать. Незамедлительные действия.

– Ну смотри у меня, Франц, не подведи. Я собираюсь попытаться достигнуть 565 километров в час.

– Удачи, герр лейтенант.

Я взлетел с тремя машинами. Мы должны были присоединиться к остальной части группы над Турну-Северином, около Железных Ворот[149]. Американцы снова собрали свои «горшки» и появились с тысячей самолетов.

Я летел на бреющем. Метеоролог объявил, что нижняя кромка облачности находится здесь на 370 метрах, затем после Крайовы поднимается. Наше звено неслось в 45 метрах над землей. Я во главе и три унтер-офицера сзади. Мы летели над долинами, тянувшимися с запада на восток. Минут через двадцать полета курсом 275 градусов немного севернее Крайовы справа от себя я увидел деревню, расположенную по обеим сторонам дороги. Частично она была построена на насыпи, возвышавшейся над рекой. Слева был лес, низменные луга с подлеском, группами вязов, а дальше в 500 метрах справа от долины крутой склон, по которому вился серпантин дороги. Это было место, где меня поджидала моя судьба.

Я увидел перед собой яркую желтую вспышку, посыпались искры, я ощутил удар, а затем инстинктивно сбросил подвесной топливный бак и дернул на себя ручку управления. Самолет, освободившись от нагрузки, подпрыгнул и мягко заскользил вправо, в направлении деревенских садов. Я смотрел, как ко мне стремительно приближается побеленная крыша дома.

Цвета – только пляшущие цвета – красный, серый, зеленый, кольцами, кругами и волнообразные. Никакой боли, никаких ощущений, мой мозг был чист. Ничего. Отдых… Покой… Сон…

Внезапно серый цвет начал доминировать. Сначала бледный, он становился все гуще, пока не стал темным. Серый цвет опускался по спирали, неосязаемый, как туман, неуловимый, как дымка. Огромный диск спланировал и замер. Серый цвет был неподвижным, словно прибитым к месту, без движения, без толчков. Это могли быть море, слой облаков, проносившихся ниже крыльев самолета. Огромный парус, растянутый от одного края горизонта до другого. Я не чувствовал ничего. Я не слышал ничего. Ни звука. Неземное спокойствие. Я плавал в сером цвете, не видя ничего… купание в сером океане. Это был единственный цвет теперь, когда диск перестал вращаться.

Неожиданно я услышал над собой голос. Певучий, мелодичный женский голос. Я не понимал ни одного слова, которые она произносила, но голос продолжал звучать, и было приятно слышать его.

Впервые серая пелена начала распадаться. Женщина говорила. Конечно, женщина, потому что голос был нежным и ласкающим.

Туман понемногу рассеивался. Я ощутил какое-то движение – кто-то шел ко мне, медленно проталкиваясь сквозь сумрак. Наверное, это была женщина. Женщина, несущая свет и радость.

«Нет, она не должна уходить. Позвольте ей остаться». Это была моя первая мысль. Я сделал усилие, чтобы слышать ее, но серый туман немедленно снова сгустился, и голос стал более отдаленным, словно задыхающимся.

Меня охватила паника. Сильная паника. Казалось, что меня сжимало нечто теплое, мягкое и нежное.

Постепенно в моем мозгу прояснялось. Мрак прекратил накатывать на меня, и я

[149] Железные Ворота – название теснины в среднем течении Дуная на границе Румынии и Сербии.

ощутил себя больным. Медленно и равнодушно серый цвет превращался в белый, переливаясь тенями, которые плясали перед тем, как раствориться. Голос все еще был там. Беспорядочным эхом отражались другие голоса, но они не могли заглушить женский голос. Он парил подобно ангелу, восхитительный, синоним покоя. Я ощущал его где-то очень близко от себя. Я сжал руку в надежде удержать его, не дать ему улететь.

Внезапно я различил двигавшиеся расплывчатые образы, одетые в белое. Затем лицо, глаза – красивые глаза, глубокие и темные, смотрящие на меня, и приоткрытый рот.

– Как вы себя чувствуете?

Это был тот же самый голос. Я узнал его, хотя теперь он звучал по-другому.

Я сделал усилие, чтобы ответить, но отказался от этой попытки. Показалась рука. Маленькая, чуткая женская рука. Я ухватился за нее. Она спокойно легла на мою грудь.

– Сохраняйте спокойствие.

– Где я?

– Спите. Вы потерпели аварию… Сохраняйте спокойствие.

Новая серая волна унесла меня, и голос снова исчез. Я ощущал боль в голове, колющую, ноющую, неистовую. Пламя терзало мой лоб над левым глазом.

Падение. Скольжение. И дыра… большая черная дыра.

Когда я пробудился от своего кошмара, голос исчез. Все вокруг меня было бело, и я не мог понять, где я нахожусь.

Запинаясь, я произнес:

– Где голос? Тот, что только что…

Тогда я заметил, что лежал на кровати, в голове стоял белый ночной столик. На кровати белые простыни. Я почувствовал странный запах.

«Мне кажется, что это запах больницы, – подумал я. – Что я здесь делаю?»

Я был один в маленькой комнате, лишь в компании с цветами. Открылась дверь, вошла белая фигура, посмотрела и подошла к кровати.

– Вы чувствуете себя лучше?

Услышав этот вопрос, я хотел протянуть руку. Я ощутил, что все мое тело покрыто повязками. Я провел рукой по лбу и лицу. Много бинтов. Щеки, подбородок, уши исчезли под марлей и клейкой лентой. Мой нос, казалось, исчез.

– Где я?

– Не волнуйтесь. Вы должны отдыхать, – сказала медсестра, присаживаясь на кровать.

Она была молодая, с красивыми глазами, такими же как у цыганки в Бухаресте, но более прозрачными и более нежными. Бледное красивое овальное лицо с черными волосами, разделенными на лбу, зачесанными назад и наполовину скрытыми под колпаком медсестры.

«Я никогда не видел подобного колпака», – подумал я.

Затем я заметил, что еще раз взял ее руку. Незнакомка посмотрела на меня и улыбнулась. Она склонилась надо мной, и я услышал ее голос:

– Теперь вы должны немного поесть.

Я не был голоден и попытался покачать головой. Невозможно. Я был без сил. Женщина в одной руке держала ложку, а в другой – чашку. Она кормила меня словно ребенка. Я не чувствовал вкуса того, что глотал. Я знал, что это было нечто горячее и похожее на кашу. Я без сопротивления глотал ложку за ложкой. Мои глаза неотрывно смотрели на нее, на ее лицо, ее руки, ее волосы и, прежде всего, на ее улыбку. Она успокаивала меня и каким-то образом придавала мне мужества.

– Вы вели себя очень хорошо.

Медсестра поставила чашку на ночной столик и продолжала улыбаться. Я уже в третий раз спросил ее:

– Но где же я?

– Вы в Балше.

– Где это?

– В Балше.

– Балш… Балш – я не знаю такого. Что случилось? Во что я одет? Это не моя пижама.

– Вы в военном госпитале в Балше.

– Как я оказался здесь?

– Ваш самолет разбился. Вы летели очень быстро.

– Как?

– Да, вы упали на окраине города. Ваш самолет разлетелся на части.

– Нет.

– Да-да. – Она улыбнулась и погрозила мне пальцем. – Вы, немцы, слишком быстрые. А теперь успокойтесь и немного отдохните.

Что произошло? Что она мне сказала? То, что я потерпел аварию, а мой самолет разлетелся на части? Невозможно.

– Вас вытащили в последний момент. Было много крови, и ваша голова…

– Моя голова? Что со мной? Почему я обмотан, словно мумия?

– Говорите медленнее, или же я не пойму вас.

– Скажите мне, быстрее.

– Было четыре самолета, летевших очень низко. Вы сделали нечто похожее на это. – Левой рукой она изобразила пикирующий самолет. – Вы разбились в саду около дома. Они вытащили вас наружу. Теперь успокойтесь и спите.

– Я ничего не могу вспомнить об этом – вообще ничего. Скажите мне, что произошло. Я хочу знать.

Кто-то открыл дверь, и вошли два врача с другой медсестрой. Моя медсестра встала и подошла к одному из врачей. Он сел и взял мою руку. Я молчал. Он проверил мой пульс, кивнул, склонился надо мной и, потрогав мою голову, повернулся и стал говорить со своим коллегой.

Они были румынами, и я не понимал ни слова. Затем в разговор включилась моя медсестра. Именно ее голос я слышал некоторое время назад. Приятный, мелодичный, с большим количеством певучих интонаций. Когда она говорила по-немецки, он звучал более уныло и немного хрипло.

Я ничего не понимал и все же дорого бы дал, чтобы узнать, о чем шла речь. Время от времени я различал слова, которые мог понять лишь частично: «…commotione… fractione…»

Врачи вышли, и медсестра снова присела на мою кровать.

Показывая на свой лоб, я спросил ее:

– Перелом… трещина?

Она покачала головой:

– Сохраняйте спокойствие.

– Вы начинаете раздражать меня своим бесконечным «сохраняйте спокойствие». Я устал от него. Я хочу знать, что это все значит.

Теперь она не поняла или притворилась, что не поняла, но, видя, что я сильно взволнован, снова стала улыбаться.

Устыдившись самого себя, я подчинился и спокойно лежал, как она и просила. «Медсестры словно военный трибунал, – думал я. – Вы никогда не должны повышать на них голос или противоречить им».

Через несколько минут я вернулся к своим вопросам:

– Какое сегодня число?

Медсестра подошла к стене и показала дату на календаре.

«Так что, это 24-е, но какое 24-е? Марта? Странно. Что было вчера, позавчера и на прошлой неделе?»

Я сделал усилие, чтобы напрячь мозги, но моя голова казалась пустой.

«Что я делал до того, как попасть в госпиталь? Я, должно быть, страдаю полной потерей памяти. Необычное ощущение».

Женщина открыла окрашенный в белый цвет шкаф и достала мундир. Я узнал его. Повсюду треугольные дыры и разрывы. Погоны болтались, он был покрыт грязью и пятнами

крови.

«Конечно, – подумал я. – Я летел на «Мессершмитте».

Она достала мой маленький чемодан, который я обычно брал с собой и который лежал в отсеке позади кресла пилота. Он был сильно разбит. Женщина показала мне запятнанный летный комбинезон, кислородную маску и положила их на небольшой стол в центре комнаты, придавив летным шлемом.

Да, несомненно, они были моими, но как она достала их? Внезапно я вспомнил, что она сказала несколько минут назад о том, что меня подобрали где-то в окрестности.

Медсестра молчала и следила за тем, узнаю ли я свое имущество. Убедившись в этом, она сразу же убрала все обратно в шкаф, за исключением кителя. Она указала на синюю нашивку[150] на левом рукаве.

– Да, правильно, – сказал я. – 51-я эскадра, 6-я эскадрилья. Где я был вчера?

Она еще раз подошла к шкафу и на этот раз достала карту, которая была у меня с собой. Она развернула ее и расстелила на кровати. Я схватил ее и начал рассматривать. Наверху я прочитал: «Румыния». Вокруг Плоешти красным карандашом был нарисован круг. Я мог видеть координаты и цифры. Наконец она указала на какое-то пятно на карте.

– Это Балш? – спросил я.

Она кивнула:

– Плоешти – Балш. Четыре самолета.

Постепенно ситуация прояснялась. Я неожиданно вспомнил вспышку, желто-красный отблеск взрыва и закрыл глаза.

– Вам больно?

– Нет.

Успокоившись, медсестра вышла. Я стал размышлять.

Да, катастрофа, должно быть, случилась вчера приблизительно в полдень 23 марта 1944 г. около Балша. В чем же причина? Почему я разбился? Почему самолет не загорелся, как это обычно происходило? Было удачей, что в последний момент я успел сбросить подвесной бак.

Я еще раз увидел дом с побеленными стенами и крышей, несущийся ко мне, и закрыл глаза.

Некоторое время спустя медсестра вновь появилась с каким-то питьем. Она помогла мне проглотить содержимое чайной чашки. Закончив питье, я неподвижно лежал, глядя в потолок.

Внезапно я с удивлением услышал, как произнес вслух:

– От чего же возникли вспышка и пламя?

Это было единственное, что я не мог понять. Я не мог найти этому никакого объяснения. Нечто, должно быть, случилось без моего ведома. Самолет только что вернулся из мастерских после капитального ремонта, но, конечно, мой механик успел провести около него лишь четверть часа до того, как пришел приказ на взлет. Через десять минут я был в воздухе. Какая взаимосвязь между вспышкой, взрывом и мастерскими? Пламя внезапно ударило из-под капота двигателя. Поток огня бежал из-под носовой части самолета, как будто это было попадание зенитного снаряда. Это странно.

Я прекратил думать об этом. Это было слишком тяжело. Я не мог объяснить свое присутствие здесь на госпитальной койке с повязкой вокруг головы. Я был измотан.

Моя румынская медсестра никогда не покидала места около моей кровати и исполняла мои самые незначительные пожелания. Ей было двадцать один год, и она была дочерью венгра и румынки, родом из приграничного района около Тимишоары. Немного говорить по-немецки она научилась в школе. Она изучала в Бухаресте медицину и после занятий некоторое время проводила в госпитале в Балше. Она была великолепной медсестрой и,

[150] Вероятно, имеется в виду эмблема JG51 – синий круг с нарисованной внутри головой канюка, хищной птицы, гнездящейся на севере Европы, по внешнему виду похожей на ястреба.

казалось, знала все мои потребности, и не было необходимости говорить о них. Сначала я часто смущался, но она никогда не переставала улыбаться, и постепенно я позволил обращаться с собой как с ребенком.

Однажды она протянула мне карманное зеркальце, которое достала из своей сумочки, но я отодвинул его. Когда в мою комнату случайно заходил врач, он несколько раз заставал ее сидящей около моей кровати и держащей мою руку. Каждый раз она вставала и отходила к умывальнику, делая вид, что занята припудриванием лица и приведением в порядок волос. Ее звали Маритта.

В один из дней приехала санитарная машина, чтобы забрать меня. Я уезжал с тяжелым сердцем.

Перед отъездом из госпиталя я поговорил с водителем, немецким унтер-офицером, и сказал:

– Я хотел бы взглянуть на свой «Мессершмитт». Очевидно, он лежит где-то в окрестностях.

Меня отнесли в машину на носилках. Маритта заставила главного хирурга разрешить ей сопровождать ее пациента на аэродром Крайовы, откуда санитарный самолет должен был эвакуировать меня в Ниш. Обо мне должен был заботиться санитар. Когда я увидел, что он собирается усесться в кузове санитарной машины, я воззвал к его чувству такта:

– Оставьте нас в покое. Пойдите и сядьте рядом с водителем. Я хочу спокойно наслаждаться пейзажем.

Солдат понял и вылез, предоставив Маритте занять свое место на скамейке. Она взяла мою руку, улыбнулась той улыбкой, которую я всегда видел у нее, и, запнувшись, сказала:

– Вы должны сохранять спокойствие и не волноваться.

– Если бы вы только знали, Маритта. Я никогда снова не буду чувствовать себя так же хорошо, как когда я с вами.

Я смотрел на нее, немного скосив глаза.

В ней было нечто материнское. Она, по крайней мере, никогда не украла бы у меня мой кошелек. Какая жалость, что у меня не было времени, потому что я хотел отдать ей все, чем обладал.

Автомобиль подбросило. Я чувствовал каждую неровность дороги.

Маритта должна была держаться одной рукой, но свою левую руку не отнимала от меня.

Я пытался утешить себя той мыслью, что знал, почему она хотела сопровождать меня до Крайовы.

Санитарная машина остановилась, и двери открылись.

Передо мной был мой «Мессершмитт», я и «желтая двойка» разбились. Фюзеляж разрушен. Обшивка разорвана, смята и вывернута. Двигатель был наполовину в земле, а кабина расколота на уровне моего кресла.

– Куча старого железа, – сказал я. – Маритта, пойдите и снимите ключ зажигания. Он уже третий, и я хотел бы иметь его.

Она не поняла, что я хотел сказать, и вместо нее за ключом пошел водитель. Вернувшись, он указал на группу крестьян, которые собрались вокруг дверей санитарной машины и смущенно теребили в руках меховые шапки.

– Это румыны, которые вытаскивали вас из кабины, герр лейтенант.

Я сказал несколько слов благодарности, которые Маритта перевела, и санитарная машина уехала.

На аэродроме Крайовы меня ожидал санитарный самолет. Я должен был подняться со своих носилок, пройти короткое расстояние и подняться в самолет. Это было трудное дело, но я справился с ним благодаря Маритте. Я обхватил ее рукой за шею, чтобы опереться. Я преднамеренно шел как можно медленнее. За долгое время это был первый раз, когда я официально имел право обнять симпатичную женщину, и я не упустил эту возможность.

Когда санитар хотел подать мне руку, я сказал:

– Нет, спасибо. У нас отлично получается. Мы сможем справиться, не так ли, Маритта?

Когда мы добрались до самолета, она повернула ко мне лицо. Я мог поцеловать ее, и я был уверен, что она была готова к этому. Однако я удовольствовался лишь тем, что погладил ее по щеке и прошептал ей на ухо:

– Auf widersehen[151], Маритта, и спасибо за все. Она покачала головой и прошептала:

– Не благодарите меня. Widersehen никогда не будет. Я это знаю.

Повернувшись, она пошла к санитарной машине, открыла дверцу и поднялась внутрь. В окно она не смотрела.

«Она, возможно, плачет», – сказал я сам себе.

«Юнкерс» взлетел и взял курс на Ниш. Моя голова ужасно болела. Самолет летел на 3000 метров, а я не мог вынести эту высоту. Однако местность внизу была горной, и пилот из-за соображений безопасности не мог лететь ниже.

Я ощутил нечто в своем кармане и нашел карту, которую Маритта сунула в него прежде, чем я улетел. Я развернул ее.

Вокруг Балша она нарисовала двойной красный круг и справа от него написала заглавными буквами: «MARITTA».

«Я всегда узнаю твой голос, Маритта, среди тысяч других. Но я также знаю, что никогда не услышу его снова».

Мы приземлились в Нише. Мне помогли выйти из самолета, а затем я уже один, пошатываясь, пошел в канцелярию аэродрома. Осмотревшись, я увидел Старика, направлявшегося, чтобы встретить меня. Я встряхнулся и пошел к нему.

– Лейтенант Хенн докладывает о возвращении из вылета.

Я, должно быть, выглядел нелепо, если судить по впечатлению, которое я произвел на группу пилотов, сопровождавших меня.

– Хорошо, мой мальчик, на этот раз вы все разбили на куски.

Я туповато улыбнулся.

– Что с вами случилось?

– Понятия не имею, герр майор.

– Вы выглядите не слишком хорошо, но это не имеет значения. Главное в том, что вы вернулись назад. Навестите «шарлатана» и разрешите ему поработать стетоскопом.

Он сопроводил меня в Ничка-Банья, пригород Ниша, где было несколько гостиниц, превращенных в госпитали. Мне предоставили отдельную комнату и немецкую медсестру, чтобы она заботилась обо мне. К сожалению, ее имя было Гертруда, а не Маритта. Я не сильно пострадал, никаких переломов не было. Моя голова, однако, доставляла мне много неприятностей. У меня в ушах постоянно стоял гул. Находясь в госпитале, я много размышлял. Проходили дни. Монотонно, скучно, отвратительно…

Моя голова по-прежнему была обмотана бинтами. Распорядок дня всегда был один и тот же. Посещение «шарлатана». Хлеб и масло на завтрак, затем четыре часа наводящих тоску размышлений, прерываемых обедом. Картофельное пюре и предписанный послеобеденный сон. Потом еще четыре часа смертельной скуки, чай и повторный осмотр. Еще три часа раздумий, кофе с молоком, вечерний градусник и спать.

Однажды я не удержался и спросил доктора:

– Я смогу снова летать?

Он покачал головой:

– Смотрите на вещи проще, молодой человек. В любом случае вы должны будете оставить полеты на больших высотах. Ваш перелет сюда на «Юнкерсе» не принес ничего хорошего. Я знаю, что невозможно было сделать что-то иное, потому что вы никогда не смогли бы добраться сюда поездом из-за партизан вокруг. Вы можете представить, вначале я думал, что у вас трещина в черепе, но теперь я уверен, что это обычное сотрясение. Мы должны подождать, пока не увидим рентгеновские снимки. В настоящий момент мы будем

[151] До свидания (нем.).

делать вам внутривенные инъекции. Сорок кубиков глюкозы через день.

– Прекрасная перспектива.

– Через неделю мы снимем повязки. Я с интересом посмотрю, как румыны заштопали вашу левую бровь.

Чем лучше мне становилось, тем более активно я вел себя. Должно быть, я был самым раздражительным пациентом.

Наконец наступил день, когда ворота госпиталя открылись, и я уехал. Бледный и молчаливый, я присоединился к своей группе. В ней произошли большие изменения. Многочисленные новички заняли места старых пилотов, и я не знал их. Старое ядро растаяло, и я походил на рыбу, вытащенную из воды.

У меня в бумажнике лежало заключение доктора, в котором можно было прочитать: «К полетам непригоден. Нуждается в постоянном наблюдении. Медицинская комиссия должна решить, может ли этот человек участвовать в боевых вылетах или нет. Необходимо провести тщательное обследование, чтобы выяснить, в состоянии ли пациент переносить высоту».

Когда главный хирург дал мне это свидетельство при выписке из госпиталя, я подумал: «Хорошо, для тебя больше не найдется ручки управления. Ты распрощаешься с «Мессершмиттами» и с парнями…»

Несколькими днями позже адъютант группы объявил мне:

– Вас переводят в Германию.

– Да, я уже слышал. На следующей неделе.

За два дня до моего отъезда меня вызвал Старик. Он ходил туда-сюда, как обычно, с непокрытой головой. Едва ли когда-либо он носил свою фуражку.

– Вот и вы, Хенн. Я только что написал личный рапорт относительно вас. Я собираюсь прочитать его вам.

«Ах, – подумал я, – наступил великий момент. Теперь он обращается ко мне формально».

Стоя там и чувствуя глубокое отвращение, я слушал.

– «Он очень инициативен и наделен способностью к импровизации…»

«Это, конечно, причина того, почему я никогда не поднимусь очень высоко по служебной лестнице», – размышлял я.

Внезапно я ощутил полное безразличие. Я мог больше не заботиться о том, что командир думает обо мне. Эта бумага, которую он держал в руке, не содержала никакого секрета счастья, и однажды, возможно скоро, станет совершенно бесполезной.

Я слушал, как он оглашал эту чепуху. Две страницы машинописного текста представляли общий итог его раздумий. Каких усилий, наверное, это потребовало от него. Несмотря на свою скуку, я, однако, насторожился, когда услышал: «Неисправимый индивидуалист».

Я не смог удержаться, чтобы не произнести:

– Так-так.

Он посмотрел на меня, а затем, после паузы, продолжил свое длительное перечисление.

– «Импульсивный человек, который в кризисные моменты слишком много думает и действует недостаточно быстро…»

Закончив свой рапорт, командир аккуратно сложил его, поместил в конверт и вручил мне:

– Хенн, вы явитесь в центр персонала истребительной авиации в Гатове[152]. Там вам дадут распоряжения на будущее. Однако тем временем я даю вам отпуск на пятнадцать дней для выздоровления.

– Спасибо, герр майор, – сказал я, щелкнув каблуками.

«Хорошо, мой мальчик, – подумал я. – Ты получал лучшие характеристики, когда

[152] Гатов – юго-западный пригород Берлина. Там находились аэродром, истребительная авиашкола и школа подготовки высшего командного состава люфтваффе.

прогуливал экзамены». И, утешившись этой мыслью, я отправился паковать свои чемоданы.

На следующий день «Юнкерс-52» должен был доставить меня из Ниша прямо в Мюнхен-Рием[153]. Следующим вечером я должен был быть дома, где никто не ждал моего приезда. Я потратил последние часы перед отъездом на то, чтобы прогуляться к капонирам самолетов. Я хотел попрощаться с Ме-109. Становилось темно. Вокруг самолетов туда-сюда ходили часовые. Время от времени, проходя мимо них, я слышал, как они говорили: «Доложить нечего».

«Уже целый год, как я принадлежу к этой группе, – размышлял я. – У меня было много взлетов и приземлений, от аварийной посадки до серьезной аварии в Балше, с прыжком с парашютом в промежутке. Теперь в кармане я имею два заключения. Первое из них содержит любопытный комментарий: «Непригоден к полетам», а другое имеет заголовок жирными буквами: «Замечания относительно лейтенанта Петера Хенна». Что я сделал в течение этого периода? Я разбил три «ящика» и получил много попаданий пуль и снарядов. Я стрелял и, возможно, иногда поражал цель. Я видел много пустых стульев, и мой собственный однажды на короткое время остался пустым. Я имею вывихнутую лодыжку, едва не сломанный позвоночник, почти что расколотый череп; и, несмотря на это, я все еще не был сбит или побежден, за исключением, вероятно, короткой, зловещей фразы: «Непригоден к полетам».

Я – идиот. Теперь я стал не нужен. Просто пучок нервов. Неудачник, годящийся лишь для того, чтобы порицать его и выгнать словно отверженного.

Твое время закончилось. Теперь выметайся».

Я остановился перед своим капониром, перед новым Ме-109, который должен был быть моим. На фюзеляже была нарисована большая желтая «двойка».

Механик подошел и доложил:

– Все готово к полетам, герр лейтенант.

Минуту я смотрел на него молча, а затем медленно произнес:

– На будущее, Франц, не имеет смысла докладывать мне.

– Я знаю, герр лейтенант. Вы уезжаете. Жалко.

– Почему жалко?

– О, мы так хорошо ладили.

– Это правда. Между прочим, Франц, я не сумел достичь 565 километров в час на моей последней «желтой двойке».

– Я знаю. Этот самолет, который вы видите, не так хорош. Чем дальше мы идем, тем хуже становится техника. Разрыв заклепок, обшивка отполирована ужасно, а двигатель стучит. Я уже вытащил металлические опилки из клапанов. Ваш последний «Мессершмитт» был намного лучше.

– Знаешь, Франц, я все еще задаюсь вопросом, почему я потерпел аварию.

– Так и я, герр лейтенант. Я не перестаю об этом думать. Я думал об этом, когда мы были в Таксеруле. У меня много подозрений, но никаких доказательств.

– Расскажи мне, что знаешь.

– Если вы помните, я получил самолет в мастерских 23 марта, как раз перед полуднем. Сразу после этого пришел приказ на вылет. Двадцать минут спустя вы разбились, не так ли?

– Правильно. Так что?

– В мастерских в Таксеруле работали несколько румын.

– Что из этого?

– Они всегда носили очень заметные красные шарфы.

– Ну и?..

– Я не знаю. У меня нет доказательств. Если бы я смог сам увидеть, что произошло…

– Зачем ты продолжаешь говорить о подозрениях и доказательствах, которых не имеешь? Было бы гораздо лучше, если бы ты искренне сказал мне, что знаешь и что

[153] Мюнхен-Рием – аэродром, располагавшийся непосредственно около восточной окраины Мюнхена.

думаешь. Как ты считаешь, почему я разбился?

– Диверсия, герр лейтенант, или, иначе, бомба.

Я молчал. Заложив руки за спину, я ходил туда-сюда и тщательно обдумывал это.

Теперь я понял, от чего были тот удар, подбросивший самолет, и та вспышка.

Франц подошел к «Мессершмитту» и открыл люк масляного бака.

– Взгляните, герр лейтенант. Нужно лишь несколько секунд, чтобы поместить под двигатель бомбу размером с ваш кулак. Эти штуки магнитные и прилипают к металлу словно пиявка. Диверсанты устанавливают часовой механизм, закрывают люк. Стрелка поворачивается в течение тридцати минут, а затем неожиданно – бац!

Франц и я сидели на паре складных табуреток. Он разглядывал свои руки, которые были черны от масла, а я в тишине размышлял над ситуацией. Внезапно я разразился смехом:

– Румыны, конечно, импульсивный народ, подобно мне самому. Странные люди. Они начинают с того, что прикрепляют под животом моего «ящика» адскую машину, а тридцать минут спустя вытаскивают меня из моей кабины. Любопытная нация.

– Естественно, мы не можем это доказать, герр лейтенант.

На следующее утро, очень рано, «Юнкерс» вылетел в Мюнхен. Я не увидел никого из своих старых приятелей. Возможно, это было к лучшему.

Несколькими неделями позже началось русское, наступление. Румыния капитулировала[154], и советские войска продвинулись в Болгарию, Сербию и Венгрию[155]. Ни слова, ничего не было слышно из Ниша. Моя истребительная группа словно канула в Лету.

Глава 18. «Я предпочел бы летать»

Я получил пятнадцать дней отпуска после года, который провел сначала в Трапани, затем в Каза-Цеппера и, наконец, в Балше, около Крайовы, в Румынии. Пятнадцать дней, пятнадцать раз по двадцать четыре часа. Это было любопытное чувство. Я знал, что моего дома больше нет, но было письмо, сообщавшее новый адрес. Я искал его. Я уже видел множество разрушенных городов и несколько раз пролетал над целыми полями руин, но вид родного города – руины, обугленные балки и груды кирпичей, одинокие дымовые трубы, торчащие в небо, уничтоженные здания и развороченные улицы – служил предупреждением и угрозой. Хотя с первой массированной бомбежки прошло несколько месяцев, в воздухе все еще висел запах гари.

[154] 20 августа 1944 г. 2-й и 3-й Украинские фронты начали наступление в районе Тирасполя. Они прорвали фронт, практически не встретив сопротивления со стороны румынских войск, которые в двух местах вообще пропустили их через свои позиции. 23 августа передовые советские части вышли к реке Прут и соединились между молдавскими городами Леово и Кагул, окружив немецкую группу армий «Южная Украина». В тот же день маршал Антонеску был вызван во дворец короля Михая I и арестован. Осознавая полное военное поражение Румынии, как союзника Третьего рейха, король решил сохранить независимость государства и свою власть, отмежевавшись от человека, бывшего до этого фактическим главой страны. 24 августа 1944 г. новое румынское правительство заключило с СССР соглашение о прекращении боевых действий, а затем объявило войну Германии.

[155] Переход Румынии на сторону союзников открыл советским войскам путь на Балканы. 5 апреля 1944 г. СССР объявил войну Болгарии, и 8 сентября советские войска перешли ее границу. В ночь на 9 сентября в Софии произошел военный переворот и было создано просоветское правительство Отечественного фронта. 16 сентября советские войска вошли в Софию, а затем 20 октября – в Белград. Правительство Венгрии во главе с адмиралом Хорти тоже планировало заключить с союзниками соглашение о переходе на их сторону. Однако руководство Третьего рейха, получив информацию об этом от своих агентов, организовало в Будапеште военный переворот. Специальный диверсионный отряд СС во главе с Отто Скорцени, взяв штурмом резиденцию Хорти, арестовал самого адмирала и его семью. Новым главой страны стал лидер венгерских фашистов Ференц Салаши, ратовавший за продолжение войны вместе с Третьим рейхом. В результате ожесточенные бои на территории Венгрии продолжались до самого конца войны.

По тротуарам ходили молчаливые, изможденные, обездоленные люди с осунувшимися, лишенными выражения лицами и с глазами преследуемых животных. Страх ожидания зловещего воя сирен, приближающегося гула четырехмоторных бомбардировщиков, свиста каскадов бомб, грохота зенитной артиллерии, воплей погибающих. Потерявшийся в толпе большого города, я ловил лишь взгляды, которые были безразличны, но в то же время некоторые из них были откровенно враждебны. Я думал, что в любой момент они могут плюнуть в меня, как однажды это сделал унтер-офицер в Неттуно.

Я шел по темной улице, на которой никогда прежде не бывал, пытаясь найти номера зданий. После длительных блужданий я поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Я услышал быстрые шаги, и дверь скрипнула.

– Du lieber Gott![156] Петер.

Взгляды нескольких пар глаз устремились на меня. Удивленные возгласы, взмахи рук… Я был дома.

– Ты надолго сюда?

Это был ритуальный вопрос.

– На триста тридцать шесть часов. Я сосчитал их.

– Ах, это надолго.

Меня все баловали. Это было замечательно. Никаких двигателей, никаких пулеметов, никаких парашютов, никаких угрожающих адских машин.

Затем начались первые упреки от моей невесты.

– Ты писал очень редко, а твои письма были так коротки.

– У меня было немного свободного времени. Очень мало. Если бы ты только знала…

– Было тяжело?

– Нет. – Я покачал головой.

– Как с тобой обращались в госпитале? Заботились о тебе? У тебя еще болит?

Я снова покачал головой. Я рассказал ей о своих приключениях, о своем прыжке на порванном парашюте, но я не упомянул эпизод с бомбой в Румынии. К чему было волновать их? Это только заставило бы мою невесту и мать переживать после того, как я уеду.

Пятнадцать дней проходят очень быстро, особенно когда вас двое и вы оба вздрагиваете от мысли о приближении расставания.

Этот момент настал, и, как и в Нойбиберге, последним, что я видел, был красный шарф, которым махала женщина на железнодорожной платформе. Поезд тронулся, колеса застучали, и в этот момент я не думал, что прожил стоящую жизнь. Все казалось напрасным. На следующее утро я прибыл на место.

Авиабаза Берлин-Гатов – раньше Центральная летная школа, школа тактики воздушной войны, испытательный центр и демонстрационный центр люфтваффе для показа самолетов иностранным гостям – теперь была штабом. Кого только не было там. Высокопоставленные «кокарды», обилие наград, «веток»[157] и орденских ленточек. Я же просто напоминал мышь. Изрядно потрепанный, униженный внутренне и внешне, я вошел в караульное помещение и предъявил свои бумаги. Я был направлен в канцелярию какой-то службы в блок «Х»: «Поверните налево, затем направо по другую сторону от центрального проезда. Второй дом слева – это он». Каждый знаком с подобным типом указания направления.

Я хотел доложить непосредственно оберегу, который был моим непосредственным начальником, и избежать сидения в приемных и пристального изучения со стороны всяких бумагомарателей и «киви»[158]. Я сумел добраться до приемной оберста и вошел в нее в

[156] О господи! (нем.)

[157] Автор имеет в виду Рыцарский крест с дубовыми листьями.

[158] Автор использует англо-американский военный жаргон, на котором термин «kiwi» обозначает военнослужащего нелетного состава ВВС.

полевой форме, подпоясанный ремнем, в ботинках и с фуражкой в руке. Я обнаружил там секретаршу, печатавшую на пишущей машинке. Мне сказали: «Оберст в настоящее время очень занят. Пожалуйста, подождите».

Там за дверью сидел «большой мальчик». Известный персонаж. Он просеял бы меня сквозь сито. У меня были медицинское свидетельство и личный рапорт командира группы из Ниша. Какое у него сделается лицо, когда он прочитает их. Он выпятит свои Железные кресты, медали и орденские ленточки и вопьется в меня парой пронзительных глаз. Только вообразите. «Неисправимый индивидуалист. Импульсивный. Думает слишком много…»

Конечно, было множество решений. Пехота. Танки. Артиллерия. Одна из полевых дивизий люфтваффе или какой-нибудь другой вид службы. Выбор был большим.

Предположим, что оберст пошлет меня в пехоту. Я скрестил свои пальцы. Пугач вместо ручки управления. Это было бы жалкое зрелище. Я знал тысячи летчиков, которые пошли по этой дороге, когда их группы были распущены[159]. Кавалеры Железного креста с сотнями боевых вылетов на счету были посажены за рычаги танков, а летчики из числа унтер-офицеров стали пехотинцами. Отлетав в течение ряда лет, они теперь сражались в котлах на Восточном фронте или участвовали в боях в Нормандии.

Секретарша включила радио.

«Передаем информационную сводку вермахта: «Ожесточенные бои идут на линии Авранш – Кан».

– Я знаю все о высадках. Мы в Италии имели несколько генеральных репетиций…

Секретарша не ответила.

«Впервые в ходе этой войны Лондон подвергся бомбардировке новым оружием. Час возмездия близится».

Девушка вскочила на ноги, бросилась к двери и, открыв ее, торжествующе закричала:

– Господин оберст, начали применять Фау-1[160].

Из соседней комнаты появился высокий, худощавый офицер:

– Наконец, а?

Он заметил меня в углу, а я уставился на него.

«Нечего смотреть на меня с таким удивлением, – подумал я. – Я – не Фау-1».

Радио все еще трубило: «Лондон бомбардируется из Па-де-Кале. Час возмездия близится».

Оберст, выйдя из своего кабинета, присел на край стола. Он слушал радио вместе с секретаршей и своим адъютантом, желая узнать подробности. После паузы диктор произнес: «С 14 до 15 часов мы будем передавать танцевальную музыку».

Девушка выключила приемник, и оберст обратился ко мне:

– Вы хотели меня видеть?

– Да, герр оберст.

– Тогда входите.

«Теперь ты услышишь кое-что получше танцевальной музыки», – подумал я.

Я встал по стойке «смирно» и отчеканил обычную формулу:

– Герр оберст, лейтенант Хенн готов продолжить службу.

– Хм-м, – пробормотал оберст. – Вы получили свои бумаги?

Я вручил ему конверт. Шли минуты, а я с безразличием ждал фатальное слово: «Пехота… танки… штурмовые подразделения».

Оберсту потребовалось долгое время, чтобы принять решение.

[159] Имеется в виду, что, когда бомбардировочные эскадры люфтваффе начали преобразовываться в эскадры истребителей-бомбардировщиков, лишними оказались множество членов экипажей: бортстрелки, бортрадисты и бортмеханики. Однако этот процесс начался лишь в начале осени 1944 г., то есть приблизительно через три месяца после событий, описываемых автором.

[160] Фау-1 – самолет-снаряд (крылатая ракета) Fiseler Fi-103 или V-1. Обстрел ими территории Англии, и прежде всего Лондона, начался в ночь на 13 июня 1944 г.

– Командир группы пишет о вас как о парне, который слишком много думает. Прекрасно. Я как раз искал кого-нибудь, кто способен размышлять в течение очень долгого времени. У меня есть работа для вас, работа в штабе. Отправляйтесь в штаб авиадивизии, передайте им привет от меня и сообщите, что я посылаю им того, кто умеет думать. Сегодня это большая редкость. Вы будете помощником офицера разведки, но лишь временно. Никакого официального перевода. Мы посмотрим, из какого теста вы сделаны. Ну, берите свои бумаги. Позже вы сможете продолжить боевую службу.

– Но я непригоден к полетам, герр оберст.

– Почему?

Я рассказал ему о своей аварии в Балше и положил перед ним медицинское свидетельство.

– Это не имеет значения. Я принял решение. Вы должны меньше интересоваться тем, что думают другие. Поверьте мне, никто не заметит этого. Если бы я только знал, о чем они там в Генеральном штабе думают. Обратитесь к медикам через несколько месяцев. Война ведется не только в «Мессершмиттах», мой мальчик. Вы также должны вести бюрократическую войну. Точно. Вы можете идти.

Проходя мимо секретарши, я шепнул ей:

– Я люблю вашего оберста.

Слегка польщенная, она ответила:

– О, шеф – славный малый.

Она выписала мне дорожные документы.

Когда я добрался до метро, я сказал сам себе: «Хорошо, я все еще в люфтваффе, даже если я и стал курьером Генерального штаба».

В штабе авиадивизии я обнаружил лихорадочную деятельность, там было множество женщин-военнослужащих, и время от времени мне казалось, что в нем одни офицеры, майоры, оберсты и горстка гауптманов. Я был одним из немногих лейтенантов и понял, что должен исполнять работу обычного солдата, регистрируя рапорты, отправлять циркуляры. Это была моя работа, а в остальное время я должен был держать рот на замке. Силы небесные! Какое море бумаг, какой океан бюрократизма. Стопки бумаг, тонны бумаг, неограниченный поток.

Так что это было то, с чем мы воевали. У меня было множество возможностей видеть и слышать и времени для размышлений.

Сердце этой безупречной машины было известно как штаб-квартира люфтваффе[161]. Три этажа наверху и столько же под землей, бункер из стали и бетона, абсолютно непробиваемый бомбами. Даже когда я был в боевом подразделении, меня охватывали сомнения. Теперь же, когда меня перевели в штаб, я стал отъявленным циником.

Внутри здания была огромная люминесцентная карта, похожая на киноэкран. Каждый самолет, который появлялся на территорией рейха, показывался на карте миниатюрным значком и держался под постоянным наблюдением. Это был бесспорный успех науки. Радары на границах страны засекали его, и очень замысловатая аппаратура проецировала его отметку на экран в этом нервном центре противовоздушной обороны. Здесь сходились все линии – от станций радиоперехвата, радиостанций, радарных центров и т. д. Все донесения с бортов самолетов, переговоры пилотов по двухсторонней связи, малейшее слово, представлявшее интерес, прослушивались. Это был мир кабелей, телевизионных экранов, люминесцентных лучей и катодных трубок.

Можно было почти увидеть каждый пропеллер, принадлежавший «Мессершмитту», «Крепости» или «Либерейтору».

Лицом к экрану, за пультом на помосте, сидел офицер управления. Ему было достаточно нажать на кнопку, чтобы направить в любой конкретный сектор эскадрильи

[161] Командные пункты авиадивизий, находившихся на территории Германии и Западной Европы, располагались в замаскированных мощных бетонных бункерах, каждый из которых имел свое кодовое обозначение. Так, командный пункт 2-й истребительной авиадивизии в Штаде назывался «Сократ».

истребителей. После щелчка переключателя и поднятия телефонной трубки с окружающих аэродромов взлетали Ме-109, батареи зенитной артиллерии около Галле, вокруг Берлина или Магдебурга открывали или прекращали огонь. Оберст-лейтенант лишь поднимал мизинец, и приказы немедленно передавались во всех направлениях, а противовоздушная оборона вступала в действие.

Сектор наблюдения был огромен. От Ганновера до Катовице, от Восточной Пруссии до Альп.

Летом 1944 г. от Рождества Христова бомбардировщики союзников прибывали словно саранча; одновременно по 1000, 2000 и 3000[162]. Светящаяся карта показывала зону, простиравшуюся от Южной Англии до Польши, от Дании до Альп. Бомбардировщики прилетали массированными соединениями, часто одновременно с запада и юга: 1000, 2000, 3000, неделю за неделей, день за днем. Если в понедельник авиационная дивизия имела в своем распоряжении 300 пригодных к полетам истребителей, то во вторник после большого налета их число падало до 200; в среду оно было между 120 и 150, в четверг – уже менее 100, а в пятницу – приблизительно 50. В субботу офицер управления предпочитал не отдавать приказов на вылет. Он поднимал телефонную трубку и вызывал штаб авиакорпуса:

– Ради бога, дайте нам небольшую передышку. Мы должны получить пополнение пилотами и самолетами. Мы исчерпали все свои возможности. Если сегодня прилетят 2000 бомбардировщиков и 1000 «Мустангов», я не смогу поднять в воздух последние 50 несчастных «ящиков», иначе ни один из них не вернется. Ради бога, будьте благоразумными. Это будет бесполезная жертва. В ясные ночи, такие как стоят сейчас, противник посылает 2000 или 3000 самолетов. Когда они появляются над рейхом, их соединения дробятся на сотни групп и нападают на различные цели. Они не остаются в едином массированном соединении, в этом больше нет никакой необходимости. В любом случае у вас есть глаза, чтобы убедиться в этом лично. Кто в такой ситуации может питать какие-то иллюзии? Согласно статистике средняя жизнь пилота в противовоздушной обороне рейха колеблется между сорока восемью и шестьюдесятью часами. Мы нуждаемся в передышке, чтобы перегруппировать, пополнить эскадрильи перед тем, как снова идти в атаку. Он всегда получал короткий ответ:

– Нет. Приказ рейхсмаршала. Все пилоты, которые могут пользоваться ручкой управления и прицелом, должны подняться в воздух.

«Это действительно начало конца», – пробормотал я про себя.

Скоро я достаточно насмотрелся этой жизни, этой лжи и этого отчаяния, которое можно было прочитать на каждом лице. Я хотел вернуться на фронт любой ценой, чего бы это мне ни стоило. Доктор, который обследовал меня, оказался понимающим человеком.

– Вы не можете вернуться к истребителям, поскольку все еще не можете переносить высоту. Возможно, позднее ваши способности восстановятся, но в данный момент вам лучше не обманывать себя.

– Ну, тогда ладно. Я вернусь в штурмовую авиацию.

Я заставил его выдать мне заключение, и после визита в соответствующий отдел я снова упаковал свой чемодан.

Глава 19. Последний полет германских орлов

До этих пор я всегда думал, что из всех видов люфтваффе хуже всего обращались с истребительной авиацией. С одной стороны, она была оснащена Ме-109, который был печально известен тем, что не отвечал требованиям перед лицом растущего превосходства противника. С другой стороны, серьезные недостатки этой машины проявились уже в самом начале войны. Но я ошибался. Другие виды авиационной техники, например

[162] Имеется в виду общее число самолетов, участвовавших в налетах в течение одних суток, включая истребители сопровождения.

бомбардировщики, которым в 1942 – 1944 гг. приказывали летать над Англией в любую погоду, бомбардировщики, которые от момента взлета и до посадки изводились ордами ночных истребителей, бомбардировщики, которые над Лондоном попадали в пекло зенитной артиллерии, были в том же самом, если не худшем, положении. Когда бомбардировочная авиация была фактически уничтожена, ее соединения были распущены, а оставшиеся в живых члены экипажей посланы на Восточной фронт.

Со стороны Верховного командования это был «гениальный» ход: роспуск тактической авиации именно в тот момент, когда враг достиг полного господства в воздухе. Навязчивая идея относительно «оружия возмездия» взяла верх.

Нет больше бомбардировщиков, нет больше самолетов-разведчиков, нет больше «Штук», а только истребители и истребители-бомбардировщики. Их должно было заменить секретное оружие. Теперь не было никаких самолетов, кроме ночных и дневных истребителей и штурмовиков, как они теперь назывались. Оставшаяся часть летного персонала была направлена на усиление пехоты или других наземных родов войск.

Такова была ситуация, когда я был направлен в группу истребителей-бомбардировщиков, находившуюся в Силезии[163] на испытательном аэродроме, где личный состав проходил инструктаж по применению нового оружия[164].

Впервые в истории немецкой авиации самолеты обстреливал «наземные цели ракетами. В своей основе это была неплохая идея. Было много доводов за то, что это лучший способ превращения танков Т-34 и ИС в груды старого железа, но идея оказалось несбыточной мечтой – лишь доводом. Практика опровергла теорию. Едва ли могло быть иначе, поскольку это уже стало нормой.

Группы была вооружены «Фокке-Вульфами-190», модернизированными истребителями[165]. Оснащенная радиальным двигателем с воздушным охлаждением, эта машина очень подходила для атак наземных целей. Двигатель был менее уязвим, чем двигатель Ме-109, имевший жидкостное охлаждение; единственного попадания в радиатор было достаточно, чтобы вывести тот из строя.

Под крыльями были смонтированы направляющие, на которых устанавливались ракеты[166]. После нажатия на кнопку пуска ракеты запускались при помощи электросистемы. Первоначально они создавали лишь психологический эффект, поскольку большинство пилотов неизменно не попадали в цель. Наконец наступил день, когда некий гений заявил, что на малых высотах шансы поразить цель значительно возрастают. Траектория выхода в атаку была изменена, угол пикирования уменьшен и вероятность попадания ракет увеличилась.

Когда моя новая группа достаточно уверилась в эффективности этой тактики и цели поражались учебными ракетами, был отдан приказ о первом боевом вылете.

«Вылетайте на Западный фронт. «Шерманы» на Рейне, около Страсбура».

Группа отправилась туда и поднялась в атаку с аэродрома в районе Баден-Бадена. Чтобы быть точным, она *попыталась* начать атаку – ее миссия потерпела полный провал. В чем причина? Абсолютно ужасающий заградительный огонь вражеских зениток.

Лейтенант Юпп, который прибыл в группу в то же самое время, что и я, подвел итог

[163] Силезия – историческая область в Центральной Европе в бассейне Одера и верховьев Вислы, в которой находится крупный угольный бассейн, месторождения свинцово-цинковых, свинцово-сурьмяных и железных руд.

[164] Речь идет о III./SG4 под командованием майора Герхарда Вейерта, которая в ноябре 1944 г. базировалась на аэродроме Удетфельд, западнее Бреслау (ныне Вроцлав, Польша).

[165] III./SG4 была вооружена самолетами FW-190F-8.

[166] Речь идет о неуправляемой ракете Panzerblitz 1 (PB1). Она представляла собой вариант ракеты R4M класса «воздух – воздух» с бронебойной боеголовкой и предназначалась для борьбы с бронированными наземными целями, прежде всего танками.

этой попытки: «Еще два или три вылета, подобных этому, и мы должны будем ходить в атаку пешком».

Все мы знали о том, чем это должно было закончиться. Уже в течение долгого времени было очевидно, что мы проиграли войну, но мы продолжали летать. Мужество не оставило нас. То есть еще нет. Мы все еще действительно полагали, что, возможно, может случиться нечто невероятное. Ни один из нас не знал, не смогло бы некое непредвиденное политическое решение изменить курс войны[167]. «Может быть» – неизменное «может быть».

Тем временем мы должны были стиснув зубы продолжать летать. Было лишь три возможности уклониться от полетов: смерть, ранение или плен. Конечно, об отпуске можно было даже и не мечтать.

Я случайно узнал, что несколько пилотов по ошибке приземлились в Швейцарии, взяв ночью неправильный курс или сбившись с пути в сложных погодных условиях после того, как их рации вышли из строя. Эсэсовцы немедленно арестовали всех членов их семей, от дедушки до самого маленького ребенка. Коллективное заключение.

Иногда кто-то попадал в плен, где-нибудь около Ахена или в Эйфеле[168]. Обычно о них говорили: «Если он смог совершить аварийную посадку, тем лучше. Би-би-си[169] уже объявила, что он жив. Война для него закончилась».

А мы продолжали летать.

В один из дней произошло большое событие, которого мы все ожидали. Зимнее наступление в Эйфеле началось неожиданно, словно вспышка молнии. Мы собрались, чтобы выслушать приказ по войскам. «Вперед, товарищи. Направление – Ла-Манш». Послышался глухой гул обсуждения. «Где Париж? О да, вот тут. Под моим пальцем. Вперед. Танки снова на пути к нему. Наши передовые части находятся в окрестностях Динана. Вперед»[170].

Снова каждый был переполнен энтузиазмом, собирая свои силы – последние силы – для последнего удара после месяцев и месяцев ожидания. Мы летали над Эйфелем день за днем, исполненные решимости, сражаясь с численно превосходящим противником. Нам сказали: «Бросьте свои ракеты. Сейчас нет никакой потребности в противотанковом оружии. На линии фронта находятся новые танки «Тигр», вооруженные 88-мм пушками. Они уничтожают все, что оказывается у них на пути. Вешайте под свои машины бомбы и сбрасывайте их на последние углы, где еще держатся американцы. Бомбы на Бастонь».

Командир группы собрал нас.

– Наша группа имеет только одну цель. Единственный объект. Бастонь. Все, что мы можем нести, мы должны поднять в воздух и на Бастонь. Этот опорный пункт окружен. Противник окопался. Мы должны выгнать его оттуда. Немецкая пехота окружила Бастонь и вынуждена ждать, когда плод созреет. Немногочисленные американские подразделения не пытаются вырваться оттуда. Они ждут, когда их освободят. Мы должны дать понять им, что они ждут напрасно. Мы должны вывести их из строя как можно быстрее, чтобы войска, окружившие это место, смогли атаковать и занять их позиции. Сбросьте свои бомбы. Бастонь должна пасть.

Союзники ясно понимали, какое значение для них имеет этот опорный пункт. Они

[167] С осени 1944 г. по Германии ходили упорные слухи о ведущихся с западными союзниками дипломатических переговорах относительно заключения перемирия и совместного выступления против Советского Союза.

[168] Эйфель – название северо-западной части Рейнских Сланцевых гор.

[169] BBC – Британская вещательная корпорация.

[170] Имеется в виду наступление под кодовым наименованием «Вахта на Рейне» («Wacht am Rhein»), начавшееся 16 декабря 1944 г. в районе Арденны – Эйфель силами 6-й танковой армии СС, 5-й танковой армии и 7-й полевой армии. Немецкое командование планировало продвинуться через Льеж и Брюссель к Ла-Маншу и окружить бронетанковые части союзников.

цеплялись за него, упираясь руками и ногами в бельгийскую землю. Их зенитная артиллерия создавала жуткий заградительный барьер огня перед истребителями-бомбардировщиками, когда те появлялись. Никто не отступал. Время от времени «Фокке-Вульфы» возвращались и опять начинали штурмовку, словно свора спущенных с привязи собак.

Я помнил Априлию и очень хорошо знал, что означают эти удары по мирному небольшому городку, поднимающие высоко в небо дома, столбы земли и облака дыма.

Бастонь должна была быть стерта с лица земли. Это был наш последний шанс. Вражеская авиация была застигнута врасплох. В этот момент она находилась на аэродромах вдали от линии фронта. Ей потребуется несколько дней, чтобы перегруппироваться, не больше. Сейчас же, когда воздух в последний раз был свободен для немецких крестов, имела значение лишь одна вещь: бомбы на Бастонь.

В то же время число зенитных батарей вокруг небольшого городка увеличивалось. Они также становились все более мощными. Между двумя вылетами я спросил у Юппа:

– Однако как они ухитряются доставать боеприпасы?

Он ответил очень быстро:

– Это очень просто. В течение ночи там приземляются полностью загруженные планеры. Разве вы не видели их? Они снабжают окруженных людей всем необходимым. У нас нет никаких ночных истребителей, чтобы помешать им. Они все позади, в Германии, обороняют наши города. Если бы мы только могли позаимствовать у противника одну-единственную ковровую бомбардировку, то вы увидели, что произошло бы. Экипажей бомбардировщиков, способных выполнять подобные операции на своих «летающих сковородах», больше не существуют. Они переведены из авиации. Некоторые из них управляют теми танками перед Динаном. Этого достаточно, чтобы заставить вас рвать на себе волосы. Мы никогда не сможем покончить с этой дырой.

Командование продолжало давить на нас. Бастонь должна пасть. «Садитесь в свои «ящики»; ваши бомбы подвешены. Отправляйтесь в ваш следующий боевой вылет. Бастонь должна пасть».

Но Бастонь держалась.

Крепость оставалась твердой, как скала, и это был конец наступления[171]. Из-за отсутствия топлива танки остановились посреди сельской местности. Они были на острие наступления и оказались неспособными преследовать отступающего врага. Большинство из них были окружены, в то время как остальные боязливо ползли по полям. Противник отрезал передовые наступающие части фланговыми ударами одновременно с севера и юга. Несколькими днями позже линия фронта вернулась на свое прежнее место.

– На сей раз, Юпп, мы действительно попали в переплет. Господа из Верховного командования думали, что танки могли заправиться из американских складов около Динана. Бронетанковый корпус должен был продолжать свое наступление на захваченном бензине. Но произошло то, что они не предвидели, – враг расстреливал собственные склады. Они уже горели, когда прибыли «Тигры». Теперь мы выпьем свою чашу сполна.

Юпп согласился:

– Это всегда вопрос проклятого снабжения. Оно заставило нас остановиться перед Эль-Аламейном, перед Москвой и перед Сталинградом. Теперь оно остановило нас перед Динаном. Все та же дурацкая история. Оно всегда отстает.

31 декабря 1944 г., в канун Нового года, командир нашей группы объявил:

– Мальчики, сегодня вечером никаких вечеринок. Все должны лечь спать. Завтра у нас будет много о чем подумать за завтраком. Мы должны иметь ясные головы. Герман решил,

[171] Немецкие бронетанковые части быстро прорвали линию фронта, и союзное командование было вынуждено бросать в бой свои последние резервы, чтобы замедлить их продвижение. Затем 23 декабря погода в районе Бастонь – Мальмеди улучшилась и в дело вступила авиация союзников, в том числе английские истребители-бомбардировщики «Тайфун», которые своими неуправляемыми ракетами уничтожали немецкие танки. В результате немецкие войска в Арденнах к 26 декабря 1944 г. продвинулись лишь на 90 км и наступление фактически провалилось.

что в новогодний день все должны подняться в воздух.

На следующее утро я в шесть часов разбудил Юппа:

– С Новым годом, Юпп.

Старик изложил план предстоящей операции.

– Через час все имеющиеся машины должны быть в воздухе. Штаб определил нам цель. Мы не должны оставить им никаких шансов. Это – Сент-Тронд[172]. Летное поле там забито «Тандерболтами»[173]. Вылет, кажется, должен быть успешным. Враги будут спать, когда мы появимся, и не сразу придут в себя после ночного кутежа. Вот план атаки. Группа собирается над Прюмом, а затем берет курс на Бельгию. Никаких бомб. Задача должна быть выполнена исключительно бортовым стрелково-пушечным вооружением. Вы должны показать, из какого теста сделаны. Взгляните, это фотографии аэродрома Сент-Тронд. Вот выстроенные в линии «Тандерболты». Вот легкие зенитки. Их расчеты будут спать, по меньшей мере мы надеемся на это. После первой атаки группа разворачивается и на обратном пути снова штурмует летное поле. Затем каждый сам за себя. Не позволяйте втянуть себя в бой, если в противоположность тому, что я думаю, мы все же доберемся до этой стадии. Топлива у нас в баках хватит только на полет туда и обратно.

– Мы снова убегаем, – саркастически произнес Юпп.

– Используем фактор внезапности. Вы стреляете по рядам «Тандерболтов» и держитесь на малой высоте. У противника не будет времени, чтобы отреагировать. Вы разворачиваетесь над аэродромом. Все должно быть хорошо. Как только вы освободите свои магазины, держу пари, будут столбы дыма, поднимающиеся над «Тандерболтами». Вопросы есть?

– Нет, герр майор.

– Хорошо, тогда по самолетам.

Хватило только время, чтобы добежать до машин, занять свои места и затянуть привязные ремни. Мы взлетели.

Скоро группа в сомкнутом строю взяла курс на Сент-Тронд. Было еще темно – темная ночь без проблесков утренней зари[174]. На наших крыльях мигали навигационные огни, отражаясь на фюзеляжах красным, зеленым и белым цветом. Воздух был заполнен гулом двигателей. Каждый, кто имел на своих крыльях черный крест, находился в воздухе. Слева от нашей группы со свистом пронеслись несколько самолетов и, оставив позади себя инверсионные следы, исчезли.

– Реактивные, – произнес командир группы по двухсторонней связи.

«Так что старина Мессершмитт все же выпустил своих борзых, – подумал я. – Едва ли это поможет в настоящий момент…»

Мой энтузиазм ослаб.

«Сент-Тронд, – размышлял я. – Скопление «Тандерболтов», а топлива в наших баках едва хватает».

Я летел около лидера в головном звене. Солнце еще не встало. Мир под нашими крыльями выглядел утонувшим в белой дымке. Небо на востоке еще только начинало розоветь. Мы летели над Эйфелем: синие тени, темные леса, зеленые и белые следы дорог обозначали долину Рейна. Над Прюмом самолеты перегруппировывались, в небе

[172] Сент-Тронд – аэродром в 17 км восточнее Тинена, Бельгия.

[173] В Сент-Тронде базировались P-47D из 48-й и 404-й истребительных групп, входивших в состав 9-й воздушной армии США.

[174] Первоначально план операции «Bodenplatte» действительно предусматривал взлет самолетов еще затемно, чтобы они достигли своих целей точно на рассвете. Однако, поскольку в эскадрах люфтваффе имелось очень много молодых, неопытных пилотов, позднее было решено перенести время взлета с таким расчетом, чтобы он происходил уже в рассветных сумерках.

раскручивалась громадная карусель[175]. Наконец все собрались. Дальше на север, над Крефельдом и Ахеном, и южнее, над Триром, была такая же армада кружившихся самолетов.

А позади нас вставало солнце. Люфтваффе в последний раз взяли курс на запад, располагая 1000 самолетов. Каждая группа, каждая эскадрилья знала свою цель. Начинался новый рассвет.

И все же топливо ограничивало нас.

Еще раз во Франции, Бельгии и Голландии началась паника. Около восьми часов утра немцы появились там, скользя над летными полями и взлетно-посадочными полосами, поливая их очередями и залпами из бортового оружия. Несколько американских эскадрилий попытались подняться в воздух на своих более скоростных машинах, но мы кружили над аэродромами и пригвоздили их к земле. Зенитная артиллерия еще полностью не проснулась. В большинстве случаев это были лишь клубы пороха, безопасные хлопушки, а аэродромы превратились в море огня.

Информационная сводка извещала: «Безоговорочный успех. Большой триумф. Германские орлы снова расправили свои крылья».

Наш командир добавил вслед этому:

– Да… возможно, другие эскадрильи добились лучших результатов. Насколько мне известно, ликовать не о чем[176].

Он поднял телефонную трубку и связался со штабным офицером, отвечавшим за проведение операции.

– Я предполагаю, что вы исходили из соображений высшей стратегии, но какого черта вы выбрали именно этот маршрут? Из одного конца в другой мы следовали над аллеей зенитной артиллерии, которая была создана для борьбы с Фау-1. Прюм, Сент-Тронд и Лондон на одной линии – прямой, по которой летают «жуки-скакуны»[177]. Вы хотите узнать результат? Как только мы пересекли линию фронта, весь воздух вокруг нас был усеян «цветной капустой»[178]. Американцы расставили свои батареи из одного конца в другой, бок о бок, от Эйфеля до Лондона. Они насажены там тысячами, словно лук. Избежать их невозможно. Каждый обход означал дополнительный расход двух или трех литров топлива. Каждый вираж означал удлинение перелета. На обратном пути мы должны были совершать аварийные посадки где-то за линией фронта. Рискуя жизнью, мы непрерывно следовали над аллеей зениток. Кроме того, нам было бесполезно набирать высоту: мы испытываем нехватку топлива, а радары обнаружили бы нас слишком рано, и мы лишились бы фактора внезапности. Это была трагедия. Оберст был сбит[179], если это вас интересует, а я в своей

[175] В атаке на Сент-Тронд должны были участвовать 65 FW-190F-8 из SG4 и около 95 Bf-109G-14/K-4 и FW-190A-8/D-9 из JG2.

[176] Общие потери британской авиации 1 января 1945 г. в результате операции «Bodenplatte» составили 221 самолет (в это число вошли машины, уничтоженные во время атак и списанные позднее, как не подлежащие ремонту), 143 машины получили повреждения. Американцы лишились 130 самолетов и еще 62 были повреждены. В то же время люфтваффе потеряли 227 пилотов: 178 погибли и пропали без вести, а 59 попали в плен. Среди них были три командира эскадр, шесть командиров групп и десять командиров эскадрилий.

[177] «Doodle-bugs» – так англичане прозвали самолеты-снаряды Фау-1.

[178] Имеются в виду разноцветные разрывы зенитных снарядов.

[179] Имеется в виду командир SG4 оберст Альфред Друшель, летевший во главе III./SG4. Во время пересечения линии фронта в районе Ахена группа попала под сильный зенитный огонь. Внезапно FW-190F-8 Друшеля резко отвернул влево. Что это было – противозенитный маневр или нечто иное – так и осталось неизвестным. Позднее обломки «Фокке-Вульфа» обнаружили южнее Ахена, но тело самого Друшеля так и не было найдено, и он был объявлен пропавшим без вести. Кроме того, III./SG4 потеряла еще трех пилотов: двое погибли, а один попал в плен.

группе имею славную коллекцию пустых стульев. Я должен сказать, что эти штабные офицеры – блестящая компания ублюдков.

Он повесил трубку.

– Те, кто не возвратились, уже не вернутся обратно, – сказал я Юппу. – Уже прошло слишком много времени. Их баки опустели. Позвольте тем, кто вернулся сюда, напиться, пока все еще есть время.

Юпп попытался ободрить меня:

– Только наша группа потерпела неудачу. Главное состоит в том, что остальные выполнили свою работу.

Мой ответ был нецензурным.

Бомбардировщики союзников прилетали днем и ночью. Они без остановок атаковали аэродромы и взлетно-посадочные полосы. Бомбы градом лились вниз, и группы, которые в новогоднее утро добились неожиданного успеха, были уничтожены на земле. После очень короткого затмения четырехмоторные бомбардировщики одержали победу, и от мечты о новом полете германских орлов можно было определенно отказаться.

Затем было объявлена всеобщая готовность. Русские прорвали фронт. Мы должны были снова приспособить под наши крылья ракеты и опять начать преследовать танки.

– Так, Юпп, сейчас без пяти двенадцать. Давайте полетим и посмотрим, будет ли последний батальон, оставшийся на поле битвы, немецким батальоном, как сказал Адольф.

Я встретил своего первого русского над Бреслау. Он летел на Як-9 и продемонстрировал замечательное мастерство. Моя группа находилась на аэродроме Розенборн-ам-Цобтен[180], южнее Бреслау, в то время как фронт в Силезии рушился повсюду. Т-34 прорывались вперед так, как они это делали, начиная со Сталинграда. Везде появлялись танки ИС со своими огромными пушками. Бреслау был окружен, и впервые в истории рейха группа немецких истребителей-бомбардировщиков сбросила свои бомбы на немецкий город.

Между двумя вылетами я сказал Юппу:

– Я думаю о кафе «Хутмахер» на Швейднитцерштрассе. Вы помните? Я думаю, что этим утром я уничтожил его. В любом случае моя 500-килограммовая бомба упала очень близко от него.

Я сидел на ящике, бледный, подавленный, с дрожащими руками, все вращая и вращая на пальцах свою фуражку. Юпп не отвечал.

Мимо промчался механик.

– Приготовиться к следующему вылету. Цель та же самая. Взлетайте немедленно.

– Пошли, – произнес Юпп. – Давайте продолжать это проклятое дело. У меня ощущение, что теперь это не продлится слишком долго.

Неделю спустя Юпп погиб. Его предчувствие было правильным.

Линия фронта отступала, и мы тоже. Группа перелетела на аэродром Дрезден-Клоче[181]. Наши вылеты теперь были в район Бреслау, Гёрлица и Лигница[182]. Каждый раз, когда мы ложились на курс, мы могли видеть в восточном направлении Силезию, выгоравшую дотла. Пылающие деревни и горящие города. С линии фронта доносился ураганный шум. Пролетая над Нижней Силезией, мы видели огромные потоки беженцев, пробиравшихся по заснеженным дорогам.

Они уходили из Нижней Силезии по дорогам и тропинкам, ведущим на запад. Немецкая пехота также отступала в западном направлении. Русские танки, рвавшиеся

[180] Розенборн-ам-Цобтен – город в 30 км юго-западнее Бреслау, ныне город Собутка на территории Польши.

[181] Дрезден-Клоче – аэродром, расположенный около северной окраины Дрездена, в 6 км к северу от центра города.

[182] Лигниц – ныне город Легница на территории Польши.

вперед, и Красная армия тоже двигались на запад. Мы были единственными, кто следовал восточным курсом. Последние. Мы могли видеть Исполиновы горы, Альтфатер и Шнеекоппе[183], пролетая над Бреслау, иногда выполняя разведывательные полеты над промышленным районом Верхней Силезии, сбрасывая бомбы на дома наших соотечественников. Мы выполняли приказы с обливающимися кровью сердцами и с лицами, красными от стыда.

Никто не спрашивал нас, что мы чувствовали.

Фронт рушился словно лавина, от Балтики до Карпат. Никакая сила в мире не могла остановить этот поток. Паровой каток не остановится, мы знали, – особенно мы, последние немецкие пилоты, которые день за днем бороздили небо, без цели, без надежды, совершенно бесполезно. Мы сгибались под бременем, которое не могли стряхнуть. Мы были куклами, которые потеряли возможность чувствовать или размышлять. Мы сражались, но наши головы были пусты. Мы летали, пока наши пропеллеры продолжали вращаться, пока нам отдавали распоряжения. Иногда мы усмехались, когда слышали пламенные увещевания, передаваемые последними немецкими радиостанциями. Мы знали правду – мы могли видеть ее каждый день, – и мы имели ясное представление о ситуации, в отличие от других. Зная, что все было бесполезно, мы, несмотря на это, все равно летали.

– Вы видели, что беженцы на дороге Бунцлау[184] – Гёрлиц бросались на животы на снег, когда вы пролетели низко над ними? Они приняли вас за русского и стремглав неслись в заснеженные канавы. В будущем я буду избегать полетов над любой дорогой, которая загромождена беженцами.

Мы чувствовали себя виноватыми.

Из радио на длине волны Гёрлица бормотал Геббельс: «Вы можете быть всецело уверены в том, что мы победим. Мы отбросим их назад. Это лишь вопрос дней, возможно, часов».

Мы молча слушали дальше. Нам было стыдно за него.

На всех стенах и на каждом автомобиле были прикреплены плакаты: «Товарищ! Каждый шаг назад приближает смерть к твоему дому».

Так что мы погружались во мрак.

Дрезден был в огне. Еще раз союзнические бомбардировщики прилетали массированными соединениями в течение дня и последующей ночи. Целую неделю над городом поднималось громадное облако дыма. Летя на высоте 9000 метров над Гёрлицем, я мог видеть поднимаемый ветром на 7500 метров грибовидный столб дыма, черный, темно-синий, серый, с желтыми искрами и вспышками. Куда бы я ни полетел, я везде мог видеть его, высившимся над горизонтом, разрывающим облака. Даже когда земля была закрыта туманом, было достаточно спикировать к столбу дыма, чтобы найти дорогу обратно на свой аэродром.

В момент налета на аэродроме Дрезден-Клоче находилась дюжина «Мессершмиттов-110», переделанных в ночные истребители. Они взлетели, чтобы встретить вражеские бомбардировщики, не боясь протаранить их над горящим городом. Нашей группе запрещалось летать в темное время суток. В любом случае, даже если бы наши двадцать машин поднялись в воздух, это было бы бесполезно. Каждый сбитый бомбардировщик падал бы на Дрезден. С полным бомбоотсеком и полными топливными баками он прибавлял бы ужаса этой апокалиптической ночи. Волны атакующих нельзя было остановить. Дрезден был заранее обречен.

Прекращение боевых действий было лишь вопросом скорости, с которой массы русских и союзнических танков мчались навстречу друг другу с востока и запада.

[183] Исполиновы горы – горный хребет Судет на границе Чехословакии и Силезии, Альтфатер и Шнеекоппе – вершины этого хребта, причем последняя высотой 1605 м является его наивысшей точкой.

[184] Бунцлау – ныне город Болеславец на территории Польши.

Однажды командир нашей группы собрал пилотов и выступил со следующей речью:

– Парни, прощайте. Я покидаю вас. Я только что отстранен от командования. Очевидно, за то, что мы не смогли остановить русские танки. Вы, так же как и я, знаете, что наши ракеты не всегда поражают цель. До свидания. Продолжайте свою работу… еще неделю или две.

Меня переполняли эмоции.

Глава 20. Красный потоп

В марте 1945 г. группа была переброшена на так называемый «чешский редут»[185]. Я был спокоен, странно спокоен. Я практическим ни с кем не разговаривал. Я летел, когда моя эскадрилья получала приказ подняться в воздух, я приземлялся, когда мне говорили. Подразделение, которым я командовал, таяло в огне сражений. Вначале эскадрилья включала двенадцать пилотов и двадцать четыре человека наземного персонала. Теперь ее численность сократилась наполовину. Никаких новых пилотов. Механиков отправили в пехоту, и каждую субботу во время построения я замечал, что подразделение становилось все меньше подобно бальзаковской шагреневой коже. Группа была группой только в теории и имела такую же значимость, что и эскадрилья в начале войны. Мой новый командир группы не летал. Он довольствовался тем, что передавал распоряжения, которые поступали к нему сверху. В воздух поднимались всегда одни и те же пилоты, и они же были теми, кто протестовал против глупых приказов. Выполнять боевые вылеты в полную силу было практически невозможно. В последний момент со всех углов собирались пилоты, которыми по очереди руководили командиры эскадрилий.

– Хенн, – однажды сказал мне командир группы, – этим утром вы атакуете русские танки, которые сможете встретить в секторе Гёдинга[186]. – Он сделал неопределенный жест рукой.

– Прекрасно, герр майор, со сколькими машинами?

– Со всеми, что есть.

– Вы подразумеваете те шесть, что остались в группе?

Я отдал распоряжения.

Среди пилотов были два унтер-офицера, которым едва ли исполнилось двадцать лет. 23 апреля 1945 г. они должны были выполнить свои первые боевые вылеты, и я вбивал в них последние инструкции.

– В штурмовой авиации пилот должен знать все. Он – пилот истребителя, когда появляются русские на своих Як-9. Когда это случается, вы бросаете свою машину в сторону, перегруппировываетесь и продаете свою шкуру по самой высокой цене. Если под животом своей машины вы имеете бомбу, то вы – пилот пикирующего бомбардировщика. Пикируйте на свою цель. Вы также пилот противотанкового самолета, когда под вашими крыльями урчат танки ИС, и пилот самолета-разведчика, когда вы замечаете вражеское соединение, которое пересекло линию фронта. Лучше всего одновременно иметь глаза и впереди, и на затылке. Очевидно, что первоначально вы должны быть непрерывно настороже и смотреть в оба. Это должно стать привычкой. Изучите землю вокруг вашей цели и убедитесь, что там нет ничего необычного. Вы также должны время от времени осматривать небо, иначе рискуете шлепнуться около цели. Враг зайдет вам в хвост, даст короткую очередь, и вы отправитесь в мир иной. Неприятная перспектива, поверьте мне; это несколько раз едва не случилось со мной. Вы оба будете держаться позади меня, и я позабочусь о вас; один – слева, а второй – справа от моего хвоста. Вы поняли это?

[185] В марте – мае 1945 г. III./SG4 вместе со штабом эскадры и I./SG4 базировалась на аэродроме Костелец, расположенном в 30 км юго-восточнее чешского города Градец-Кралове.

[186] Гёдинг – немецкое название чешского города Годонин.

– Да, герр лейтенант.

Повернувшись к фельдфебелю, который шел с нами, я сказал:

– Вы позаботитесь о двух других.

– Да, герр лейтенант.

Шесть самолетов вырулили на старт. Я поднялся в воздух в 15.30. Позади меня летели пять «Фокке-Вульфов» с подвешенными бомбами и ракетами. Первые предназначались для железнодорожной станции, а вторые – для танков ИС. Таков был наш приказ. Погодные условия были плохими, нижняя кромка облаков опустилась до 300 метров. Местами шел дождь и видимость была скверной.

«Давайте надеяться на то, что я смогу найти цель, – подумал я. – Да, но как я смогу спикировать с высоты, на которой мы летим? Я представляю, что мне придется хорошенько попотеть, чтобы выполнить эту сложную задачу, да еще имея у себя на хвосте этих двух мальчишек. Не бери в голову. Все будет в порядке».

Мы тихо и мирно летели, следуя своим курсом на Гёдинг. У меня было много времени, чтобы поразмышлять и не слишком тщательно следить за горизонтом. Я знал окружающую местность на память и лишь иногда оглядывался вокруг, чтобы посмотреть, не показались ли вражеские истребители. Не было видно ни одного.

Внутренний голос, казалось, предупреждал меня:

«Не будь таким глупым. Поверни обратно. Приземлись и не слушай никого. Ты действительно воображаешь, что со своими шестью «ящиками» сможешь добиться каких-нибудь видимых результатов? Напротив, в том же самом секторе, вероятно, есть 6000 самолетов, поджидающих вас. Не будь идиотом. Чтобы выкрутиться, тебе должно чертовски повезти. Поверни обратно, мой мальчик, поверни обратно. Только подумай. Ты думаешь, что кто-то другой на твоем месте выполнил бы это задание? Твои два новичка едва смогли бы показать на своих картах железнодорожную станцию Гёдинг. Лишь несколько месяцев назад они расхаживали в шортах гитлерюгенда[187], собирая металлолом. А теперь они летят на самолетах, которые едва знают, и через свои ветровые стекла смотрят на тебя, как будто ты Господь Бог».

Однако верх взяло другое рассуждение:

«Если ты повернешь назад, Хенн, то эти два новичка обречены. Они никогда не смогут найти аэродром. Яки перехватят и разорвут их на части. Оставайся на месте – будь что будет».

Тогда снова вмешался прежний голос:

«Сейчас ты пролетаешь над железнодорожной линией где-то между Вишау[188] и Брно, и идет дождь. Ты сможешь сказать, что погода была слишком плохой, что ты ничего не смог разглядеть. Скажи что хочешь, но поверни обратно. Вы – ни ты, ни остальные пятеро – не остановите русские танки. Батальон танков ИС поджидает вас на перекрестке. Ты не знаешь, сколько их еще есть. Их механики-водители лишь усмехнутся, когда увидят ваше появление».

Два противоположных мнения. Во мне боролись две личности.

«Послушай, трус. В Карпатах все еще остаются тысячи немецких солдат – пехотные

[187] Гитлерюгенд – молодежная нацистская военизированная организация, созданная 1 декабря 1936 г. специальным распоряжением Гитлера. В нее вошли все ранее существовавшие в Германии молодежные клубы и союзы. Принадлежность к гитлерюгенду была обязательной. Организация проводила спортивные соревнования, турпоходы, молодежные слеты, международные встречи с членами аналогичных организаций из Италии и других стран. Любой немецкий юноша мог найти в гитлерюгенде что-то интересное для себя: авиамоделирование, спорт, занятия музыкой, журналистикой, народными промыслами и т. п. Но при этом, конечно, основной упор делался на идеологическое и физическое воспитание. Еще 6 сентября 1935 г., выступая на партийном съезде в Нюрнберге, Гитлер говорил: «Нам не нужны интеллектуальные упражнения. Знание разрушительно для моей молодежи. По нашему мнению, молодой немец будущего должен быть стройным и ловким, резвым, как борзая, гибким, как кожа, и твердым, как крупповская сталь».

[188] Вишау – немецкое название чешского городка Вишков, в 30 км северо-восточнее Брно.

дивизии с лошадями и повозками, не имеющие танков, артиллерии и грузовиков. Они закончат свой путь в Сибири, если ты не попытаешься остановить русские танки, даже хотя бы на несколько часов. Танки ИС и Т-34 стоят на платформе на той станции, которую вы должны разбомбить. Они все еще на платформе, ожидают команду на движение. Ты лишь должен уничтожить станцию и главный путь, чтобы другие танки не смогли прибывать туда в течение сорока восьми часов. Сорок восемь часов отсрочки для других. Выиграть два дня. Два дня, которые позволят отрезанным частям сформировать фронт на линии Брно – Ольмютц[189] – Моравска-Острава и соединиться с основными силами. Оставайся на месте и руководи своим звеном. Ты должен подавать пример. Это то, за что тебе платят. Взгляни, погода улучшается. Твой командир группы не поверил бы тебе, если бы ты в своем преждевременном возвращении обвинил погоду. Сейчас ты пересек линию фронта. Поверни на юг, чтобы зайти на танки сзади. Как только закончишь атаку, сразу же домой на максимальной скорости».

«Посмотри, вот они. Ты видишь их? Там, около станции, выстроенные рядами. Прекрасная цель, не так ли? Теперь вираж и отдай распоряжения. Ты не сказал ни слова по двухсторонней связи с тех пор, как взлетел. Вперед и передавай им инструкции. В любом случае теперь ты не сможешь повернуть назад. Слишком поздно».

«У тебя все еще есть время. Одна минута. Только одна минута».

«Атака. Момент настал».

«Заходи на них, если ты не трус».

Я нажал кнопку передатчика.

– Цель впереди. Вы видите ее?

– «Виктор»… цель видим… конец связи.

– Разомкнуться. Приготовиться к бомбометанию. Сбросьте бомбы, затем пикируйте вниз за мной и выпускайте свои ракеты.

– «Виктор»…

Я оглянулся вокруг, осматривая небо и землю.

– Отойдите немного от меня. Не держитесь слишком близко.

Тишина.

– Поняли?

– «Виктор».

– Я захожу.

«Фокке-Вульфы» одним за другим круто пикировали с высоты 460 метров. Я аккуратно прицелился, без тени нервозности, поскольку сотни раз делал это прежде. Бомба оторвалась от бомбодержателя, и я потянул нос самолета вверх.

Внезапно мои ноги сорвало с педалей руля направления и отбросило к туловищу. Мои колени вывернуло.

Мне захотелось закричать.

Бац! Бац! Бац!

Попадания в фюзеляж и ветровое стекло – дождь вспышек. Я упал вперед на ручку управления. Черные пятна и красные круги заплясали у меня перед глазами, и я потерял сознание.

Голос в моих наушниках:

– Выравнивайте, герр лейтенант. Выравнивайте. Лес… лес.

Я инстинктивно потянул за ручку управления, выровнял машину и открыл глаза.

– Выравнивайте, герр лейтенант.

Я сполз в своем кресле. Обе мои руки сжимали ручку управления и действовали. Мне хватило времени, чтобы увидеть, как машина взбрыкнула, а затем в наушниках снова раздался голос:

– Герр лейтенант… герр лейтенант… задние самолеты сбиты зенитной артиллерией.

[189] Ольмютц – немецкое название чешского города Оломоуц.

Они упали на станцию вместе со своими бомбами. Внизу под нами море огня. Нас осталось только трое. Что нам делать?

Я попытался ответить, но у меня не было никаких сил, чтобы открыть рот. Я даже не мог дотянуться до кнопки передатчика на ручке управления. Эти два новичка слева и справа время от времени выпускали очереди, прикрывая меня так, как могли… и приближались ко мне.

– В чем дело? Вы ранены?

Я не мог ответить. Я смутно чувствовал, что не должен ослаблять хватку своих рук на ручке управления, иначе никогда снова не смогу ее взять. Я просто кивнул. Я еще раз свалился в пикирование и должен был использовать всю свою силу, чтобы вывести машину. Два моих новичка заметили это и подошли поближе.

«Вы не правы, – подумал я. – Оставьте меня. Держите дистанцию. Бедняги, что с вами случится, если появятся истребители?»

Снова голос в моих наушниках:

– Ваш двигатель поврежден?

Я покачал головой.

– Ваша машина не горит. Фюзеляж позади пробит пулями. Это все, что мы можем увидеть. Мы остаемся с вами.

Я повторил эту последнюю фразу про себя и попытался представить, что случилось со мной. Прежде чем я успел это сделать, красно-черная пелена снова закрыла мои глаза, и я опять услышал голос:

– Выравнивайте. Ради бога, выравнивайте.

Я потянул за ручку управления, чтобы задрать нос вверх. Вот так. Я должен был постоянно тянуть обеими руками за ручку управления и не отпускать ее. Я был вынужден откинуться назад в своем кресле. Я пришел в себя. Мой первый взгляд был на приборную доску. Скорость 400 км/ч. Высота 30 метров. Давление, количество топлива и масла нормальные. Мой курс был на север, в направлении немецких позиций. Благодаря Богу двигатель работал ровно. Я пилотировал самолет только при помощи ручки управления. Педали руля направления не реагировали. Я чувствовал, что они были какими-то дряблыми.

Бензин толчками просачивался в кабину. Должно быть, был пробит фюзеляжный топливный бак, находившийся сразу же за моим креслом. Почему же моя машина не горит? Нет, следов дыма нет. Я все еще контролирую свой самолет, но надолго ли? Я ничего не чувствовал, никакой острой боли, но мои ноги не отзывались. Мое тело ниже спины потеряло чувствительность, словно омертвело. Я испытал шок, удар грома, когда внезапно увидел свои задранные ноги. Скрючившись в своем кресле, удерживаемый привязными ремнями, я почувствовал, что у меня закружилась голова. Я должен был взять себя в руки. Я задыхался и автоматически поднял глаза вверх.

Приблизительно на высоте 3000 метров в нашем направлении летело звено Яков. Они возвращались домой после патрулирования в нашем тылу. Возможно, они не увидят нас. Боже, позволь нам проскользнуть незамеченными! Мое сердце отчаянно и глухо колотилось. Мои два парня ничего не замечали. У меня едва бы хватило сил, чтобы развернуться. Я должен был лететь по прямой линии на север и ждать, пока не достигну наших позиций, чтобы приземлиться. Я помнил, что расстояние от цели до линии фронта предполагало четверть часа полетного времени.

Мой двигатель держался. Я должен был делать то же самое, если не хотел быть сбитым и не попасть в руки к русским. Они забьют тебя насмерть прикладами винтовок. Во всяком случае, так говорили. Два новичка держались за моим хвостом, крылом к крылу, как их учили. Они продолжали смотреть на меня, ожидая распоряжений. Я чувствовал их глаза, прикованные к своей шее, но не мог повернуть голову.

Я должен был довести их до нашей территории; только над ней они могли чувствовать себя уверенно. Это был их первый вылет. Если я не сделаю этого, то они будут потеряны. А я обещал позаботиться о них. Я не должен позволять носу своего самолета опускаться. Я

должен приклеиться к креслу и удерживать ручку управления. Больше не было необходимости использовать дроссель. Он был полностью открыт. Через несколько минут я должен быть над нашими позициями.

В этот момент я увидел снарядные разрывы, потянувшиеся в моем направлении. Трассеры приближались, пытаясь поймать меня. Я подумал, что в меня стреляют наши собственные зенитчики. Я предполагаю, что они считали, что все самолеты, прилетающие с другой стороны, должны были иметь красные звезды. Какого черта они не откроют глаза? Если бы они стреляли так же, как их коллеги с противоположной стороны в Гёдинге, то моя смерть была бы на их совести.

Снова та же черная пелена, и моя голова начинает кружиться. Я должен немедленно сесть. Закончить все это. Я дошел до предела. Мне придется аварийно сажать свою последнюю машину так же, как и три предшествующие ей «желтые двойки». Теперь новички были в безопасности. Они могли найти дорогу обратно к аэродрому.

Я прикладывал усилия, чтобы мыслить ясно и контролировать свои нервы. Я должен в течение нескольких минут сохранять четкость мыслей и держать себя в руках. Это было мое последнее приземление после тысяч других. Я должен обдумать все движения, которые надо сделать, спокойно и хладнокровно. Я должен работать ручкой управления одной рукой.

Моя правая рука дрожала, но я вцепился в ручку управления, словно утопающий. Жизнь, казалось, постепенно возвращалась в мои ноги. Я мог почувствовать циркуляцию крови. Она немного пульсировала, но если судить по внешним признакам, не было ничего серьезного. И все же я не мог поставить свои ноги на педали руля направления, хотя Бог знает, как я хотел этого. Я нажал на рычаг выпуска закрылков, чтобы снизить скорость. Внезапно машина перевернулась через крыло, и я дернул рычаг обратно.

Правый закрылок, должно быть, был поврежден, и его заклинило. Не было никакой возможности затормозить. Я должен был садиться на полной скорости. Вышел один левый закрылок, что было неправильно. Это объясняло переворот через крыло на высоте 30 метров.

Посмотрев вниз, я увидел поле, плоскую зеленую полоску земли. Я не знал, что в этом месте Красная армия вклинилась в наши позиции и что я снижался на русскую территорию. Я передвинул назад рычаг дросселя.

Два моих парня начали стрелять в цели, которые я не мог увидеть.

Я еще раз услышал их голоса по двухсторонней связи:

– Что случилось?

Я должен был сесть. Мои глаза начал заволакивать туман, перед ними начинали плясать красные огоньки. Я задыхался. Моя голова моталась из стороны в сторону, руки тряслись, глаза болели. Я должен поднять нос самолета. Какая у меня скорость? Почти 320 км/ч. Очень много. Я должен затормозить машину. На другом конце поля был лес. Левой рукой я вырвал ключ зажигания. Двигатель закашлялся. Затем последовал удар.

Я почувствовал, как меня вырвало из кресла и швырнуло вперед. Сильный скрежет, серия щелчков – и ничего больше. Неспособный открыть фонарь, я нажал на кнопку его отстрела, и он отлетел.

Большими глотками я вдыхал свежий воздух, заполняя легкие. Внезапно меня охватила сильнейшая паника, как это уже однажды было в Неттуно. «Я должен выбраться. Быстрей наружу».

На этот раз ноги не слушались меня. Я не мог встать со своего кресла. Вытянув руки, я схватился за край кабины и попытался приподняться. Внезапно острейшая боль пронзила мой мозг.

«Наступил момент сделать последнее отчаянное усилие. Твоя жизнь зависит от того, сможешь ли ты сделать хороший рывок. Если ты не хочешь зажариться в своем пылающем самолете, подтянись и напряги все свои мускулы. Не так. Сильнее. Еще сильнее».

Нечто подсказывало мне: «Ты слишком близко, слишком близко, если твой «ящик» взорвется. Прочь. Прочь».

Я осмотрелся вокруг. Приблизительно в 20 метрах на краю канавы рос кустарник. Он,

казалось, взывал ко мне: «Ползи ко мне, я укрою тебя». Из последних своих сил я приподнялся и, упираясь локтями, медленно пополз. Кустарник все еще, казалось, звал меня.

«Давай, взбодрись немного. Подними свою голову. Чем это пахнет? Это – бензин, не так ли? Капля за каплей он стекает по корпусу двигателя. Наполовину зарывшись в землю, он курится, словно бенгальский огонь. Достаточно одной капли, ты это знаешь. Помнишь, что случилось с Гербертом в Неттуно. Это не шутки. Ты должен повиноваться. Здесь командую я. Волочи свои ноги… волочи ноги и ползи на животе, как животное. Они болят, да? Так что. Главное в том, чтобы спасти свою шкуру, пока еще есть время. Дальше… еще дальше – ты все еще слишком близко к тлеющей машине. Что случится, если баки взорвутся? Перед тобой есть канава, там ты будешь в безопасности».

Я дошел до предела. У меня было лишь одно желание: уткнуться лицом во влажную землю, как американец в Тускании, и заснуть. Приподняв голову, я увидел на расстоянии вытянутой руки канаву. Опираясь на локти, сначала – на один, а потом – на другой, я перевалился в нее и покатился вниз по склону. Мои руки сжатыми кулаками заколотили по воздуху, и черная пелена заволокла глаза.

Над головой мирно шелестел кустарник. Сквозь его ветки я мог видеть дождливое небо с плывущими по нему облаками. Внезапно раздался взрыв, от которого мои барабанные перепонки едва не лопнули. «Фокке-Вульф» только что взлетел на воздух. Я прижал голову вниз. Со свистом пролетали куски металла, дождем посыпались комья земли, сопровождаемые раскатами взрывов детонировавших боеприпасов.

Казалось, я слышал шепот кустарника: «Ты видишь, я был прав. Как тебе повезло, что ты встретил меня на своем пути, меня и канаву, которую я укрываю. Если бы нас не было, тебе настал бы конец. Теперь отдыхай. Больше с тобой ничего не может случиться. Ты думаешь, что русские видели, как ты упал и переполз ко мне? Нет. Поблизости нет ни одной живой души. Все бежали. Мы находимся на ничейной земле».

Листья качались на ветру символами спокойствия, мира и безмятежности. На ветку села птица. Увидев меня на дне канавы, она издала крик и улетела. Я смотрел в небо…

Увидев облако дыма лишь в полутора километрах от себя, русские артиллеристы нацелили свои пушки на этот сектор. Несколько минут спустя раздались первые залпы, которые разнесли пылающие останки «Фокке-Вульфа».

Я опять потерял сознание.

Позже, много позже, на мягкой земле кукурузного поля появились борозды от гусениц русских танков…